

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ВОРОНЕЖСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ИБЕРО-АМЕРИКАНСКОГО МИРА

М.В. Кирчанов

**ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И
ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
БРАЗИЛИИ В XX – НАЧАЛЕ
XXI ВЕКА**

Учебное пособие

Воронеж
Факультет международных отношений
2010

УДК 330.83
ББК 65.02 / 65.04
К 436

Рецензенты:

д.э.н., проф. О.Н. Беленов (ВГУ)
к.э.н., доц. Е.П. Цебекова (ВГУ)

К 436 Кирчанов М.В. Теории экономического и политического развития Бразилии в XX – начале XXI века [Текст] / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений, 2010. – 191 с.

Издание посвящено проблемам менеджмента – политического и экономического управления – в авторитарных режимах XX столетия. Автор анализирует авторитарные стратегии экономического и политического управления в рамках правых и левых режимов. Показаны истоки авторитарной модели экономического менеджмента. Особое внимание уделено развитию экономической теории в Бразилии, а также проблемам «экономического чуда», связанного с авторитарными политическими режимами, а так же политическому и экономическому наследию авторитаризма в контексте процессов демократического транзита.

Учебное пособие подготовлено на кафедре международных отношений и регионоведения факультета международных отношений Воронежского государственного университета. Рекомендовано для студентов факультета международных отношений Воронежского государственного университета всех форм обучения. Для направления: 080200 (521300) – «Регионоведение». Для специальности: 030701 (350200) – «Международные отношения».

ISBN: 5-00-001634-3

УДК 330.83
ББК 65.02 / 65.04
К 436

© М.В. Кирчанов, 2010

© Факультет международных отношений, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
-----------------	---

Проблемы свободного рынка в экономической теории XX века

1. Примат свободного рынка и неприятие государственного регулирования: Людвиг фон Мизес и апология laissez-faire	9
2. Антиэтатизм и вызовы авторитаризма: Фридрих фон Хайек как критик государственного участия в экономике	13
3. Свободный рынок vs государство: политическая философия «австрийской школы»	19
4. Свободный рынок в концепциях американского антиэтатизма	23
5. Проблемы рынка и ограниченного государственного участия в экономике («чикагская школа» М. Фридмана)	27

Проблемы государственного участия в управлении экономикой в экономической теории XX века

1. Экономическая теория Дж.М. Кейнса	31
2. Рынок, государство и ordnung: «фрайбургская школа» между государственным регулированием и свободным рынком	34
3. Проблемы государственного управления экономикой в теории регуляции	38
4. Монетарная политика как форма государственного регулирования в американском кейнсианстве	41
5. Проблемы левой и правой модели этатизма в работах Мюррэя Ротбарда	44

Авторитарные модели государственного регулирования экономики и либеральная реакция

1. Итальянский фашизм как классическая модель авторитарного управления экономикой	49
2. Политическая экономия авторитаризма (Янош Корнай, Пол Грегори)	54
3. Расставание с авторитаризмом: проблемы государственного управления экономикой в работах Петера Козловски	58
4. Капитализм без исторических конкурентов: проблемы государственного вмешательства в экономику в постбиполярном мире	61
5. Советский экономический дирижизм: российско-американское переосмысление	65

Классические теории экономического и социального развития Бразилии

1. Проблемы социального и экономического развития Бразилии первой четверти XX века в работах Алберту Торреса 70
2. Традиционные институты в модернизирующемся обществе: социо-экономические концепции Жилберту Фрейри 74
3. Капитализм, зависимость и национализм (проблемы экономического развития Бразилии в работах Сельсу Фуртаду) 79
4. Проблемы модернизации и авторитаризма в Бразилии (на примере работ Симона Шварцмана) 84

Социально-экономические дискуссии в Бразилии 1930 – 1940-х годов

1. Политический либерализм в Бразилии в начале 1930-х годов (антиэтатизм Медейруша и Альбукерке) 89
2. Частная сфера и национальное государство (проблемы социально-экономической уникальности Бразилии в концепции Нестора Дуарти) 92
3. Интегралистские концепции социального и экономического развития Бразилии 95
4. Кризис демократии как основа государственного вмешательства в экономику (национальный авторитаризм Азеведу Амарала) 100
5. Рабочая политика в Бразилии начала 1940-х годов (социальный дирижизм Алешандру Фильу) 105

Теории социально-экономического развития Бразилии 1960 – 1980-х годов

1. Экономический национализм Р. Факу в Бразилии начала 1960-х годов 108
2. Проблемы государственного участия в преодолении отсталости в Бразилии (экономические теории Нельсона Вернека Содре) 111
3. Социальные классы, партии и массы (проблемы экономического и социального содержания модернизации в работах Оливейруша Феррейры) 115

Кейнсианство как интеллектуальная основа бразильского этатизма

1. Кейнсианство как теоретическая основа государственного регулирования экономики в Бразилии 119
2. Экономический рост и авторитаризм в бразильской экономической теории (Ж.П. Макарины) 122
3. Экономические институты и рынок в авторитарном обществе (Ф. Велосу, А. Виллела, Ф. Жиамбажи) 125

4. Современное бразильское кейнсианство в контексте антикризисных стратегий 128

Дилеммы развития и роста в бразильской экономической теории

1. Экономическое развитие, политические процессы и национализм в работах С. Шварцмана 132
2. Проблемы государственного управления развивающейся экономикой (Жунквейра Ботельу, Лосада Мореира) 135
3. Проблемы индустриализации и национализма в контексте экономического развития (П.С. Дутра Фонсека) 138
4. Проблемы экономического роста в условиях переходной экономики (Р. Датхайн, А. Лима) 141
5. Дилеммы направляемого развития: между этатизмом и частно-государственным партнерством 144
6. Марксистские концепции экономического развития (А. Мореира Кунья) 147
7. Левые течения в теории desenvolvimentismo (М. Риденти, Э. Барриани, Ж.А. Сегатту, М. Фила) 150

Основные направления и проблемы развития экономической теории в Бразилии на современном этапе

1. Основные направления развития идей «австрийской школы» в Бразилии 154
2. Проблемы демократии и государственного участия в работах Жеснера Оливейры 159
3. Проблемы бразильской экономики в глобализирующемся мире в работах Жуставу Франку 164
4. Проблемы эффективного управления экономикой в работах Карлуша Хилсдорфа 167

Заключение 172

Библиография 178

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении XX века западный мир неоднократно сталкивался с политическими вызовами, которые ставили под сомнение принципы либеральной модели развития, основанной на ценностях свободного рынка и индивидуализма. Двумя альтернативами капитализму стали правый и левый авторитаризм. Различные авторитарные режимы существовали в СССР, Германии, Италии, а также – в Латинской Америке – в Бразилии, Чили, на Кубе. Экономическая политика авторитарных режимов отмечена попытками пересмотра ранней экономической модели, основанной на свободном рынке, чья эффективность была подорвана Великой Депрессией и ее заменой такой стратегией, которая основывалась на активном участии государства в экономике. Степень этого участия могла быть различной, варьируясь от ограничения рынка до полной отмены рыночных отношений.

Настоящее учебное пособие посвящено проблемам государственного участия в управлении экономикой Бразилии как крупнейшей страны Латинской Америки, где предпринимались попытки реализовать различные модели экономического и политического развития.

Проблемы развития экономической политики и теории в Латинской Америке в российской экономической и политической науках изучены в незначительной степени. Принимая во внимание этот фактор, **объектом** настоящего учебного пособия являются проблемы государственного управления и государственного участия в экономике в Бразилии; **предметом** – основные этапы и направления развития экономической мысли и теории в Бразилии как наиболее крупной и развитой стране в Южной Америке. **Хронологические рамки** пособия ограничены XX – началом XXI века.

К числу **основных положений** авторской концепции, представленной в пособии, относятся:

- государственное участие в управлении экономикой авторитарных режимов генетически и интеллектуально было связано с более ранней европейской либеральной политической традицией, не являясь исторической случайностью и отклонением от норм развития европейской политической и экономической модели;

- часть стран Запада в XX веке пережили процесс т.н. авторитарного перехода – институционализации недемократических политических режимов, которые не только перестраивали политическое пространство, но и активно вмешивались в экономику;
- определенная доля интеллектуальной ответственности за возникновение и длительное существование авторитарных альтернатив западной модели лежит не только на теоретиках коммунизма и фашизма, но и на самих европейских и американских интеллектуалах, которые в своих работах обосновали не только возможность, но и необходимость активного государственного вмешательства в экономику;
- степень экономической эффективности авторитарных режимов непосредственно зависит от их идеологической и политической направленности: левые режимы были более устойчивы политически, но слабы экономически в то время, когда правые были подвержены политической нестабильности в условиях относительно высокого экономического роста на макроэкономическом уровне.

Целью настоящего учебного пособия является анализ основных теорий и направлений государственного вмешательства в экономику Бразилии.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- анализ теорий свободного рынка в экономической теории XX века;
- изучение концепций, основанных на необходимости государственного вмешательства в экономику;
- анализ концепций связи политической и экономической сфер в функционировании общества изучение важнейших этапов, школ и направлений в развитии экономической теории в Бразилии.

В предлагаемом пособии используется следующая логика изучения учебного материала.

Первый раздел посвящен проблемам свободного рынка в экономической теории XX века. Во втором разделе анализируются теории, основанные на необходимости активного государственного вмешательства. В третьем разделе рассматриваются особенности экономического управления в авторитарных политических режимах. Четвертый раздел сфокусирован на классических теориях экономического развития Бразилии, пятый – на социально-экономических дискуссиях в Бразилии в период правления Жету-

лиу Варгаса, который предпринял первые попытки выстраивания экономики, основанной на значительном участии государства. Шестой – восьмой разделы посвящены различным экономическим теориям (кейнсианство, неолиберализм, теории развития) в Бразилии 1960 – 2000-х годов.

Пособие предназначено для студентов дневной формы обучения факультета международных отношений, обучающихся по направлению «Регионоведение» и изучающих дисциплины «Модернизационные процессы в Западном полушарии», «Национализм и регионализация», «Революционаризм и проблемы регионализации». Пособие может быть использовано студентами, обучающимися по экономическим специальностям, изучающими дисциплины «История экономических учений», «Государственное регулирование экономики», «Экономическая теория».

ПРОБЛЕМЫ СВОБОДНОГО РЫНКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ XX ВЕКА

Примат свободного рынка и неприятие государственного регулирования: Людвиг фон Мизес и апология *laissez-faire*

Западная экономическая и политическая мысль в XX веке проявила значительные потенции адаптации к новым условиям и реагирования на качественно новые вызовы, которые исходили как от правых, так и левых авторитарных режимов. Определенную роль в развитии этого защитного механизма Запада перед угрозами авторитаризма сыграла либеральная экономическая парадигма, сторонники которого верили в могущество свободного рынка, полагая, что рынок обладает достаточными возможностями для развития и саморегуляции. Именно европейские либералы сыграли особую роль в критике феномена авторитаризма и связанного с ним государственного участия в экономике.

И авторитаризм, и попытки государства влиять на экономические процессы или даже непосредственно направлять их, по мнению сторонников либерализма, выглядели неестественными и чуждыми западной экономической модели явлениями. В этом отношении либералы-экономисты составляли основу консервативного тренда в развитии западной политической и экономической теории в то время, как их оппоненты настаивали на необходимости активного участия государства в экономической жизни. К числу наиболее значимых фигур в истории экономической теории Запада относится австрийско-американский экономист Людвиг фон Мизес (1881 – 1973)¹.

¹ О месте идей Л. фон Мизеса в развитии экономической теории см.: Ашмаров И.А., Боровников В.И. История экономических учений / И.А. Ашмаров, В.И. Боровников. – Воронеж, 2007. – С. 152 – 153; Блауг М. Сто великих экономистов после Кейнса / М. Блауг / пер. с англ., под. ред. М.А. Сторчевого. – СПб., 2005. – С. 196 – 199; Рисин И.Е., Трещевский Ю.И., Сотников С.М. Государственное регулирование экономики / И.Е. Рисин, Ю.И. Трещевский, С.М. Сотников. – Воронеж, 2003. – С. 17 – 21.

Людвиг фон Мизес полагал, что авторитарные режимы, которые возникли на территории Европы, после второй мировой войны следует подразделять на правые и левые. Последние, по его мнению, базировались на социалистической идеологии, которая позиционировалась как качественно новый вызов, направленный против всей европейской экономической и политической модели: «она может победить и в остальных странах мира и в короткое время разрушить культуру, которая создавалась тысячелетиями»¹.

Обращение Л. фон Мизеса к проблемам социалистической модели авторитаризма стимулировалось не только ростом популярности левых политических идеологий после первой мировой войны, но и тем, что социализм в ряде регионов постепенно трансформировался в политическую реальность («социализм – это лозунг и отличительный признак нашего времени. Социалистическая идея – доминанта духа современности. Массам она нравится. Она выражает мысли и чувства всех; она поставила свое клеймо на наше время. Когда будущий историк дойдет до нашего времени, он назовет эту главу “Эпоха социализма”» [Мизес 1]), которая разрушала старые европейские ценности и основанные на них политические и экономические институты.

В связи с этим Л. фон Мизес, противопоставляя свободный рынок левым формам авторитаризма, подчеркивал, что «превосходство капиталистической системы состоит в том, что она является единственной формой социального взаимодействия и разделения труда, позволяющей грамотно рассчитывать новые проекты... нежизнеспособность любых форм социализма и центрального планирования предопределена невозможностью экономического расчета в условиях отсутствия частной собственности»². Кроме этого Л. фон Мизес настаивал на том, что социализм не предлагает принципиально новой модели развития, не является условием и гарантией прогресса и модернизации, а, наоборот, ведет к консервации экономической и политической отсталости: «лидеры народов Востока, с завистью глядя на процветание западных наций, в то же время отвергают именно те принципы, которые позволили

¹ Мизес Л. фон, Социализм. Экономический и социологический анализ / Л. фон Мизес // http://www.libertarium.ru/1_lib_socialism1_01 Далее ссылки на электронное издание приводятся в тексте [Мизес 1].

² Мизес Л. фон, Индивид, рынок и правовое государство. Антология / Л. фон Мизес / ред. Д. Антисери, М. Балдини / пер. с итал. С. Мальцевой. – М., 1999. – С. 91. Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте в квадратных скобках следующим образом [Мизес, 1999].

Западу стать процветающим, и восхищаются русским коммунизмом, который держит саму Россию и ее сателлитов в бедности»¹.

Социалистические режимы, по мнению Л. фон Мизеса, могли трансформироваться почти исключительно в направлении тоталитаризма, который означал «подчинение всех сторон жизни, труда и досуга приказаниям тех, кто находится у власти» [Мизес, 1999. С. 135], что автоматически вело к разрушению свободного рынка, его замене плановой экономикой. Подобные особенности левой модели авторитаризма Л. фон Мизес в своем исследовании «Антикапиталистическая ментальность» был склонен искать в присущей ей политическом и экономическом радикализме, который проявлялся в стремлении не только к полной ликвидации старых экономических институтов, но и в неспособности создать новые.

Развивая антилевый и антиавторитарный нарратив, Л. фон Мизес подчеркивал, что «единственное, что может спасти цивилизованные народы Западной Европы, Америки и Австралии от порабощения варварством по московскому образцу – это открытая и ничем не ограничиваемая поддержка свободного капитализма» [Мизес 2]. Правота Л. фон Мизеса стала очевидной, спустя более чем два десятилетия, когда в Чили произошел военный переворот, который не только положил конец левому эксперименту в экономике. Государственное вмешательство в экономику, инициаторами которого были левые режимы, по мнению Л. фон Мизеса, вело исключительно к экономическим и политическим кризисам, но и благоприятствовало разрушению традиционных ценностей. Поэтому Л. фон Мизес подчеркивал, что «нет никакой свободы и независимости вне той, что реализует рыночная экономика» [Мизес, 1999. С. 127].

В этом отношении чилийские левые уподобились деспотическим лидерам Востока, о которых во второй половине 1950-х годов писал Л. фон Мизес. Военные, которые пришли к власти в Чили в 1973 году предприняли попытку восстановления того, что Л. фон Мизес определял как «экономическая активность», которая, по его мнению, была в принципе невозможна «в условиях социалистического государства» [Мизес, 1999. С. 101]. Переворот 1973 года внес не только коррективы в экономическую политику, но и привел к использованию неолиберальной модели в рамках авторитарного режима, хотя сам Л. фон Мизес авторитаризм не принимал в принципе, но именно авторитарный режим в Чили способствовал реставрации «свободного капитализма», хотя и при ограниченном государственном участии.

¹ Мизес Л. фон, Антикапиталистическая ментальность / Л. фон Мизес // [http://www.libertarium.ru/1 lib buero3 01](http://www.libertarium.ru/1_lib_buero3_01) Далее ссылки на электронное издание приводятся в тексте [Мизес 2].

Комментируя участие государства в экономике, Л. фон Мизес подчеркивал, что государственное планирование должно всегда отталкиваться от реальных потребностей рынка [Мизес, 1999. С. 93], а не от политических предпочтений правящих элит. С другой стороны, Л. фон Мизес полагал, что социалистическая риторика активно используется правыми авторитаризма, в частности – германским национал-социализмом: «националист также признает социализм, но только отрицает его интернационализм. Он желает соединения социализма с идеями империализма, чтобы бороться против других народов. Он – национальный, а не интернациональный социалист, но он также утверждает основные принципы социализма» [Мизес 1].

Национал-социализм в Германии был неприемлем для Л. фон Мизеса прежде всего вмешательством в экономику. В этом отношении «новый курс» в США и советская плановая экономика воспринимались как явления одного плана [Мизес, 1999. С. 137]. Несмотря на внешние отличия между двумя типами (правым и левым) европейского авторитаризма, они воспринимались западными либеральными интеллектуалами как одинаково опасные движения, которые могли привести к полной ликвидации западной экономической и политической модели. Политическая и экономическая логика авторитарных режимов, в отличие от традиционной европейской модели, была не хомоцентричной. Центральным компонентом авторитаризма, как контрлиберальной альтернативы, выступало государство, которое претендовало на то, чтобы стать форматором и конструктором не только политической сферы, но и новых экономических отношений, где центральную роль играли не индивид, действующий в условиях свободного рынка, а государство, которое активно вмешивалось в экономику, используя ее в качестве одного из средств в арсенале политической модернизации.

Деструктивный потенциал левой версии европейского авторитаризма Л. фон Мизес был склонен видеть именно в экономических экспериментах, полагая, что они ведут к ликвидации не только экономической, но и политической матрицы Запада, основанной на принципах индивидуализма, частной собственности и свободного рынка. Анализируя проблемы генезиса левого авторитаризма, основанного на социализме, Л. фон Мизес полагал, что определенная доля ответственности лежит и на западном либерализме: «социалистические идеи не могли обрести полной ясности до тех пор, пока социальная философия либерализма не раскрыла характер общественного производства. В этом смысле, и ни в каком другом, социализм можно рассматривать как следствие либеральной философии» [Мизес 1].

Европейские либералы весьма мучительно переживали столь неприятное для себя открытие, последовательно защищая идеи свободного рынка. Их оппоненты, наоборот, настаивали на необходимости постепенной трансформации западных экономик, росте государственного участия, используя в качестве центрального аргумента тезис либералов о левой опасности и угрозе, исходящей от левых европейских авторитаризмов. Панацеею от левого авторитаризма либералы были склонны видеть в развитии свободного рынка, участие государство в котором минимизировано. Л. фон Мизес в качестве примера подобного развития приводил США, в которых «отличительной чертой большого бизнеса стало массовое производство для удовлетворения нужд широких масс. При капитализме сами рабочие прямо или косвенно являются основными потребителями продукции, выпускаемой их же заводами» [Мизес 2], умалчивая при этом, что американский экономический рост стал возможен благодаря использованию концепций его оппонента, Дж.М. Кейнса, который настаивал на активном государственном участии в управлении экономикой.

Заслуга Людвиг фон Мизеса состоит не только в критике левых вызовов западной цивилизации. Для его работ характерен общий либеральный демократический и антиавторитарный контент. Примечательно и то, что идейное наследие Л. Фон Мизеса оказалось востребованным не только либералами, но и сторонниками государственного вмешательства в экономику, в первую очередь – теоретиками правых авторитарных режимов – которых привлекал в первую очередь антилевый тренд в работах австрийско-американского экономиста. Идеи Л. фон Мизеса были близки форматорам правых авторитаризмов и в том отношении, что они не ставили своей целью ликвидацию рынка, полагая целесообразным только ограниченное государственное вмешательство, которое способствовало бы не только ликвидации левой угрозы, но и могло гарантировать экономический рост в рамках свободной экономики, к числу теоретиков которой и принадлежал Людвиг фон Мизес.

Антиэтатизм и вызовы авторитаризма: Фридрих фон Хайек как критик государственного участия в экономике

Политические вызовы XX столетия, с которыми столкнулся Запад были представлены двумя альтернативными проектами – советским коммунизмом, с одной стороны, и фашизмом, с другой. Левый и правый авторитаризм в одинаковой степени ставили под сомнение основы европейской цивилизации, проявляя различную степень радикализма и решимости эту цивилизацию перестроить. Между европейскими политическими традициями прошлого и правыми авторитарными режимами XX века существовала большая преемственность, чем между политической традицией Запада и советским коммунизмом. Правые режимы основывались в первую очередь на стремлении элит к унификации политического пространства, левый авторитаризм ставил перед собой как политические, так и экономические цели.

Поэтому правый и левый авторитаризм обладали различным адаптивным потенциалом к внешним и внутренним вызовам. Правые недемократические режимы оказались трансформируемы экономически, что влекло за собой и политическую модернизацию. Левый авторитаризм представлял в большей степени консервативную и статичную модель. Тем не менее, на протяжении 1920 – 1950-х годов и левый, и правый авторитаризм в одинаковой степени страшили европейских интеллектуалов, многие из которых были вынуждены перед угрозой со стороны недемократических режимов эмигрировать в Соединенные Штаты. Значительную роль в анализе проблем, связанных с двумя типами авторитаризма и государственным участием в экономике внес Фридрих Август фон Хайек (1889 – 1992)¹.

¹ О месте идей Ф.А. фон Хайека в развитии экономической теории см.: Ашмаров И.А., Боровников В.И. История экономических учений / И.А. Ашмаров, В.И. Боровников. – Воронеж, 2007. – С. 154 – 155; Блауг М. Сто великих экономистов после Кейнса / М. Блауг / пер. с англ., под. ред. М.А. Сторчевого. – СПб., 2005. – С. 328 – 333; Бриттан С. Капитализм с человеческим лицом / С. Бриттан. – М., 1998. – С. 158 – 173; Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров / Е.М. Майбурд. – М., 2000. – С. 520 – 540; Молдовану Дм. Экономические доктрины / Дм. Молдовану / пер. с рум. Н.Ф. Мицул, Н.Е. Лобановой. – Кишинэу, 2003. – С. 196 – 199; Рисин И.Е., Трещевский Ю.И., Сотников С.М. Государственное регулирование экономики / И.Е. Рисин, Ю.И. Трещевский, С.М. Сотников. – Воронеж, 2003. – С. 17 – 21; Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем. Опыт исследования децентрализованной экономики / Ж. Сапир / пер. с франц.; науч. ред. Н.А. Макашева. – М., 2001. – С. 48 – 53.

Ф. фон Хайек значительное внимание уделял проблемам левой политической и экономической альтернативы западной модели развития. По мнению Ф. фон Хайека, которое он высказал в своей классической работе «Дорога к рабству», социализм представлял собой «национализацию средств производства и централизованное экономическое планирование, которое благодаря национализации становится возможным и необходимым»¹. Развивая эту дефиницию Ф. фон Хайек писал, что «социализм в этом смысле означает упразднение частного предпринимательства, отмену частной собственности на средства производства и создание системы “плановой экономики”, где вместо предпринимателя, работающего для получения прибыли, будут созданы централизованные планирующие органы» [Хайек, 2005. С. 56].

Позднее Ф. фон Хайек развил экономическую критику государственного участия в экономике в рамках социализма², показав, что «следование социалистической морали привело бы к уничтожению большей части современного человечества и обнищанию основной массы оставшегося»³. В концепции Ф. фон Хайека социализм – это, прежде всего, экономически детерминированная версия авторитаризма и, поэтому, вероятно более опасная, чем фашизм, который в меньшей степени покушался на экономические основания западной цивилизации, в первую очередь – на частную собственность. Ф. фон Хайек, анализируя проблемы генезиса правого авторитаризма и вмешательства авторитарного государства в экономику, высказывал мнение, что «национал-социализм родился не из привилегированных классов, где царили прусские традиции, а из толщи народных масс» [Хайек, 2005. С. 37].

С другой стороны, Ф. фон Хайек полагал, что немецкий социализм был связан с традицией немецкого национализма [Хайек, 2005. С. 168], что не только привело к появлению национал-социализма, но и к тому, что национал-социалисты получили в распоряжение мощные мобилизационные возможности национализма. В этом контексте Ф. фон Хайек предостерегал от упрощенных интерпретаций национал-социализма как «бунта против разума, иррационального движения, не имеющего интеллектуальных корней»

¹ Хайек Ф.А. фон, Дорога к рабству / Ф.А. фон Хайек. – М., 2005. – С. 9. Далее ссылки на русское издание 2005 года приводятся в тексте в квадратных скобках следующим образом [Хайек, 2005].

² Критика Ф.А. фон Хайеком социализма представлена в его работе 1947 года «Индивидуализм и экономический порядок» (Hayek F.A. von, Individualism and Economic Order / F.A. von Hayek. – Chicago – L., 1947). См.: Хайек Ф.А. фон, Индивидуализм и экономический порядок / Ф.А. фон Хайек. – М., 2001.

³ Хайек Ф.А. фон, Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф.А. фон Хайек // http://www.libertarium.ru/l_lib_conceit_pr2

[Хайек, 2005. С. 167]. Ф. фон Хайек полагал, что российская / советская модель социализма была опасна не только своими экономическими экспериментами, но, в первую очередь, политическими результатами, что проявилось в рождении европейского фашизма: «расцвет фашизма и нацизма был не реакцией на социалистические тенденции предшествовавшего периода, а неизбежным продолжением и развитием этих тенденций» [Хайек, 2005. С. 33].

Ф. фон Хайек принадлежал к числу тех экономистов, которые впервые предприняли попытку показать близость и взаимосвязь правых (фашистских) и левых (социалистических) режимов в Европе в их генезисе, природе и особенностях экономической политики. Ф. фон Хайек заметил, что многие европейские фашисты начинали свою политическую карьеру как социалисты: «не менее показательна и интеллектуальная эволюция многих нацистских и фашистских руководителей. Всякий, кто наблюдал зарождение этих движений в Италии или в Германии, не мог не быть поражен количеством их лидеров (включая Муссолини, а также Лаваля и Квислинга), начинавших как социалисты, а закончивших как фашисты или нацисты. Еще более характерна такая биография для рядовых участников движения» [Хайек, 2005. С. 53].

Особое внимание Ф. фон Хайек уделял проблемам анализа причин столь поразительного, по его мнению, успеха недемократических, правых и левых режимов, которые активно в своей политической риторике оперировали категориями свободы. В этом контексте становится очевидным то, что западная модель не выдержала конкуренции со своими правыми и левыми оппонентами, избегая «свободной» демагогии, полагая, что восприятие свободы как одной из фундаментальных ценностей является вполне достаточным. Правые и левые оппоненты капитализма в версии *laissez-faire* активно настаивали на том, что «социализм принесет освобождение» [Хайек, 2005. С. 51].

В политическом языке Европы после завершения первой мировой войны «социализм» из доктрины трансформировался в политический символ, активно использующийся для мобилизации масс, но именно политические обещания свободы привели к реальному сокращению экономической и политической свободы в авторитарных режимах. Ф. фон Хайек, анализируя генезис государственного вмешательства в экономику авторитарными режимами, исходил из того, что развитие Запада в рамках модели *laissez-faire* было в значительной степени естественным процессом, в рамках которого институционализировались политические и экономические свободы [Хайек, 2005. С. 42].

Но это динамичное развитие усыпило европейских либералов, которые в XX веке после завершения первой мировой войны оказа-

лись не готовы к новым, правым, политическим вызовам. Европейские демократии в 1920-е годы явно не смогли правильно оценить ту угрозу, которая исходила от «свободной» риторики европейских правых и левых радикалов. «Обещанный Путь к Свободе» в действительности оказался «Столбовой Дорогой к Рабству» [Хайек, 2005. С. 51]. Ф. фон Хайек указывал на то, что правые и левые авторитаризмы в полемики с западной моделью демократии, оперировали идеями освобождения масс от власти капитала и политических (буржуазных) идеологий, предлагая альтернативные концепции, основанные на примате принципов национальной и / или классовой солидарности.

По мнению Ф. фон Хайека, «на протяжении двадцати пяти лет, пока призрак тоталитаризма не превратился в реальную угрозу, мы неуклонно удалялись от фундаментальных идей, на которых было построено здание европейской цивилизации» [Хайек, 2005. С. 40]. Поэтому Ф. фон Хайек настаивал на исторической чуждости левых разновидностей авторитаризма европейской цивилизации, полагая, что «социалистические тенденции означают решительный разрыв не только с идеями, родившимися в недавнем прошлом, но и со всем процессом развития западной цивилизации» [Хайек, 2005. С. 41].

Примечательно и то, что определенная доля ответственности в возникновение авторитарной альтернативы, согласно Ф. фон Хайеку, лежала и на западных обществах, которые обладали крайне незначительным адаптивным потенциалом, комментируя который Ф. фон Хайек писал о «медлительности либеральной политики, вызывавшей общее недовольство» [Хайек, 2005. С. 46], что делало востребованной правоавторитарную альтернативу. В этом отношении государственное регулирование¹ в рамках германской версии фашизма следует интерпретировать как проявление антикапиталистического традиционализма, питаемого народными традициями, склонными отторгать капитализм и свободный рынок как национально чуждые категории.

С другой стороны, Ф. фон Хайек подчеркивал, что угроза, скрытая в правом авторитаризме, возникла в рамках самой европейской политической и экономической традиции, в частности – в недрах капитализма основанного на принципах *laissez-faire*. Приверженность модели свободного рынка при крайне незначительном участии государства привела не только к созданию условий для ге-

¹ О государственном регулировании экономики см.: Рисин И.Е., Трещевский Ю.И., Сотников С.М. Государственное регулирование экономики / И.Е. Рисин, Ю.И. Трещевский, С.М. Сотников. – Воронеж, 2003; Трещевский Ю.И. Государственное регулирование экономики в период формирования рыночных отношений / Ю.И. Трещевский. – Воронеж, 1998.

незиса правого авторитаризма, но и для его институционализации. В этом контексте становится очевидной связь политической и экономической свободы. По мнению Ф. фон Хайека, вмешательство авторитарных режимов в экономику ведет к сокращению экономической свободы, которая является условием и предпосылкой политической свободы [Хайек, 2005. С. 40].

Сокращение экономической свободы и наступление на индивидуализм¹, по версии Ф. фон Хайек, нашли свое отражение в применении механизмов планирования², к которому столь охотно прибегали авторитарные режимы. Ф. фон Хайек связывал планирование с экономическим контролем: «экономический контроль неотделим от контроля над всей жизнью людей, ибо, контролируя средства, нельзя не контролировать и цели» [Хайек, 2005. С. 106]. В концепции Ф. фон Хайека экономическое планирование – мера не только экономическая, но и политическая. По мнению Ф. фон Хайека планирование в экономике является первым шагом по пути к политической несвободе.

Правые недемократические режимы столь успешно в своей политической риторике обыгрывали недостатки *laissez-faire*, что фашизм и близкие к нему режимы на протяжении 1920 – 1930-х годов воспринимались как реальная альтернатива западному либерализму, в том числе – и экономическому. Осознание этой угрозы подвигло западные демократии не только более активно участвовать в идеологической конкуренции / конфронтации со своими политическими противниками, но и ограниченно использовать экономический инструментарий своих оппонентов. Угроза фашизма, как правого типа авторитаризма, стала одной из причин, которые вынудили западные демократии пересмотреть свои преимущественно либеральные ценности, основанные на идеях свободного рынка.

В 1920 – 1930-е годы европейские авторитаризмы являлись не просто идеологическими противниками Запада, они были его эффективными конкурентами. Необходимость сохранения западных ценностей в качестве системообразующих вынудила европейские и американские демократии интегрировать в инструментарий своей экономической политики те методы, которые практиковались европейскими авторитарными (фашистскими) режимами. Вероятно, этот выбор не был столь мучителен для Запада, как можно предположить. Демократии Европы и Северной Америки не заимствовали

¹ Hayek F.A. von, *Individualism and Economic Order* / F.A. von Hayek. – L., 1948.

² Критика Ф. фон Хайеком планирования как формы государственного управления экономикой представлена в сборнике «Коллективистское экономическое планирование», редактором которого выступил австрийский экономист, переехавший к тому времени в Великобританию. См.: *Collectivist Economic Planning: Critical Studies on the Possibilities of Socialism* / ed. F.A. von Hayek. – L., 1935.

некоторые формы и методы государственного вмешательства в экономику у недемократических режимов – они только актуализировали концепции британских и американских экономистов, которые в период роста казались маргинальными. Экономические кризис и правая угроза трансформировали эти идеи в магистральные.

В 1967 году американский экономист Дж. Хикс подчеркивал, что «Когда будет написана окончательная история развития экономического анализа в 1930-х годах, то главным действующим лицом этой драмы (а это была подлинная драма) окажется профессор Хайек... Было время, когда основное соперничество шло между новыми теориями Хайека и новыми теориями Кейнса. Кто был прав – Кейнс или Хайек?»¹. Работы Фридриха фон Хайека явились своеобразной защитной рефлексией, интеллектуальной реакцией на правые и левые вызовы. Сложно переоценить роль Ф. фон Хайека в критике авторитарных альтернатив западной демократии. Тем не менее выработка механизма реальной реакции Запада на угрозу авторитаризма, что нашло свое отражение в отказе от принципов *laissez-faire* и приходе государства в экономику, связана с работами оппонента Ф. фон Хайека – Джона Мейнарда Кейнса. Экономические и политические концепции Дж. М. Кейнса и его учеников известные как кейнсианство и некейнсианство легли в основу различных экономических стратегий, которые оказались востребованными не только демократиями, но и их авторитарными оппонентами.

Свободный рынок vs государство: политическая философия «австрийской школы»

Исследования Ф. фон Хайека и Л. фон Мизеса вызывали живой отклик в научном сообществе, особенно – среди тех экономистов, которые были склонны позиционировать себя в качестве либералов, уделяя значительное критике своих экономических и политических оппонентов. Благодаря деятельности Ф. фон Хайека и Л. фон Мизеса сложилась т.н. «австрийская школа»², значительная часть пред-

¹ Hicks J. Critical essays in monetary theory / J. Hicks. – Oxford, 1967. – P. 203. О Джоне Хиксе см.: Блауг М. Сто великих экономистов после Кейнса / М. Блауг / пер. с англ., под. ред. М.А. Сторчевого. – СПб., 2005. – С. 345 – 349.

² Об австрийской школе, ее месте в истории экономической мысли и полемике с кейнсианцами и чикагской школой см.: Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы / Х. Уэрта де Сото. – Челябинск, 2007; Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа. Рынок и предпринимательское творчество / Х. Уэрта де Сото. – Челябинск, 2007. О проблемах, связанных с интеллектуаль-

ставителей которой, работала не в европейских, а в американских университетах. Сами американские «австрийцы» стремились продолжать развивать идеи Ф. фон Хайека и Л. фон Мизеса в виде синтеза экономических и политических исследований. Если два создателя школы проявили себя в большей степени как именно экономисты, то их идейные наследники предприняли попытку сформировать политическую концепцию школы, выработать ее политическую философию, что стимулировалось и распадом СССР, прекращением в Европе левоориентированного авторитарного эксперимента управления экономикой. Среди крупнейших текстов, возникшего в рамках «австрийской школы» в 1990-е годы, работа американского экономиста Раймондо Кубедду – «Политическая философия австрийской школы».

По мнению Р. Кубедду, «австрийская школа» занимает уникальное место среди других концепций по той причине, что ее ведущие теоретики были сторонниками междисциплинарного синтеза, занимаясь изучением не только экономики, но и политической составляющей экономических процессов. Два классика школы Л. фон Мизес и Ф. фон Хайек, благодаря своим работам, заняли место не только в истории экономических учений, но и политических¹. Анализируя политическую философию «австрийцев», Раймондо Кубедду в целом продолжает развивать те идеи, которые были предложены его предшественниками. В связи с этим он акцентирует внимание на связи «австрийцев» с традициями европейского либерализма. В концепции Р. Кубедду ведущие теоретики «австрийской школы» были «либералами, которые высоко ценили демократию» [Кубедду, 2008. С. 12].

Р. Кубедду подчеркивает, что современная западная модель является продуктом развития капитализма, его конечной точкой и наивысшим достижением [Кубедду, 2008. С. 11]. На протяжении XX века историческим соперником Запада был восточный социализм, который, согласно Р. Кубедду, представлял собой «отказ от рыночной экономики в пользу экономики коллективистского типа под управлением центральной власти» [Кубедду, 2008. С. 181]. Опасность социализма, как идеологической основы левого тоталитаризма, состояла в его непредсказуемости, попытках навязывания планирования и уничтожения личной свободы, что неизбежно ведет

ным генезисом «австрийской школы», см.: Негиши Т. История экономической теории / Т. Негиши / пер. с англ.; ред. Л.Л. Любимов, В.С. Автономов. – М., 1995. – С. 325 – 355.

¹ Кубедду Р. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек / Р. Кубедду. – М., 2008. – С. 10 – 11. Далее ссылки на настоящее издание в тексте [Кубедду, 2008].

к «хаосу или тирании» [Кубедду, 2008. С. 11]. Другая угроза, которая исходила от социализма, была связана с принципом веры.

В этом контексте социалистическая альтернатива капитализму была не только экономической, но и религиозно-нравственной альтернативой западу. Именно поэтому Р. Кубедду подчеркивал, что социализм был «сложным и хорошо структурированным мировоззрением» [Кубедду, 2008. С. 187], что не помешало марксизму выродиться в систему, основанную на «ошибочной интерпретации человеческой деятельности и экономических тенденций» [Кубедду, 2008. С. 353]. Несмотря на это социалистические режимы обладали мощным потенциалом для проведения как политических, так и экономических мобилизаций. Средством подобных мобилизаций была вера граждан в принципы социализма, который воспринимался ими как единственная и естественная альтернатива «всему злу, порожденному капитализмом» [Кубедду, 2008. С. 186].

По мнению Раймондо Кубедду, в основе социализма лежит принцип «коллективистского планирования, то есть централизованной организации экономики» [Кубедду, 2008. С. 181], что неизбежно ведет к его трансформации в тоталитарный режим при этом социалистический тоталитаризм будет неэффективным с экономической точки зрения, что связано с неспособностью социализма к реализации своих программных целей [Кубедду, 2008. С. 183]. Комментируя особенности развития социалистических режимов Р. Кубедду подчеркивал, что «социализм невозможен в сложном обществе... он не только не способен победить капитализм и превратит мир в землю обетованную... его можно реализовать исключительно в отдельных автаркических обществах, находящихся под жестким контролем» [Кубедду, 2008. С. 189].

Поэтому, любые попытки построения социалистического авторитаризма заканчивались «успехом» в слабой степени модернизированных, преимущественно традиционных обществах, но не приносили результатов в тех, государствах, которые успели обрести опыт развития в рамках капиталистической и демократической модели. В таких обществах, которые были основаны на институтах частной собственности и рынка, социалистические эксперименты неизбежно заканчивались правоавторитарной реакцией и реставрацией, о чем, например, свидетельствует опыт Чили. В подобном контексте история социализма не является историей модернизации, тем более – успешной модернизации, это – почти всегда история регресса. Постепенная трансформация социализма в тоталитаризм была естественной, что стимулировалось несоответствием социалистических настроений сложности и комплексности капиталистической экономики и связанной с ней политической системы.

Экономические трудности социалистических режимов, по мнению теоретиков «австрийцев», вытекают из той стратегии, которой социалистический авторитаризм / тоталитаризм руководствуется в управлении экономикой. Социалистическая модель неэффективна не только по причине отказа от принципов собственности, расчета и обмена, но и в силу того, что социалистические эксперименты над экономикой чреваты «потерей эффективности» и процессом «авторитарной бюрократизации общества» [Кубедду, 2008. С. 184, 207]. Развивая идеи Л. фон Мизеса и Ф. фон Хайека, Р. Кубедду подчеркивал, что социализм представляет собой «иррациональную экономическую систему» [Кубедду, 2008. С. 185]. Р. Кубедду настаивает, что развитие капитализма невозможно без демократии в то время как демократия не может существовать без капитализма [Кубедду, 2008. С. 11].

В этом отношении исторический соперник капитализма – социализм – воспринимается как проект, направленный не только на пересмотр экономических отношений, но и системообразующих ценностей западного мира. Тоталитарные и авторитарные режимы XX столетия, правые (национал-социалистическая диктатура в Германии) и левые (советский тоталитаризм, режим братьев Ф. и Р. Кастро на Кубе, правление «Народного единства» в Чили), в своей политической практике отталкивались от уверенности, что «общество можно “построить”» [Кубедду, 2008. С. 177], то есть отвергнуть западные магистральные пути развития экономики, связанные с капиталистической моделью. Именно поэтому «австрийцы» столь значительное внимание уделяют проблемам левого тоталитаризма. В рамках политической философии «австрийской школы» особое внимание акцентируется на том, что тоталитаризм возник в результате союза между государством и современной наукой [Кубедду, 2008. С. 176].

Авторитарный режим использовал науку для создания легитимности, наука опиралась на недемократические режимы с целью реализации своих концепций. Согласно Р. Кубедду, основная угроза левой политической идеологии состояла в ее восприятии индивида. Человеческая личность левыми воспринималась исключительно в контексте коллектива и общества, что лишало ее самостоятельности и самооценности. В этом контексте коллективизм как явление в политической философии «австрийской школы» предстает как «синоним тоталитаризма» [Кубедду, 2008. С. 173]. Раймондо Кубедду полагает, что экономическая функция тоталитаризма в недемократических режимах сводилась к «ускорению исторического процесса людьми» [Кубедду, 2008. С. 175], то есть форсированной модернизации, направленной на разрушение фундаментальных основ капитализма как противоположной (левому тоталитаризму) системы.

Интеллектуальная рефлексия американских «австрийцев» в первой половине 1990-х годов стимулировалась рядом фактором. Значительную роль сыграл кризис социалистической модели экономики и то, что ряд государств отказался от социалистической формы политического и экономического управления, сделав выбор, в том числе, и в пользу тех концепций, которые впервые были предложены «австрийцами». Немаловажным фактором был и триумф демократических режимов, политический реванш, одержанный ими в борьбе против авторитарных предшественников в Латинской Америке. А. Пиночет был вынужден передать власть гражданским, что вселяло в «австрийцев» уверенность в универсальности ценностей свободного рынка и либерализма. Интеллектуальная эйфория первой половины 1990-х годов оказалась, с другой стороны, весьма непродолжительной. В Латинской Америке не только сохранились авторитарные режимы (Куба), но возникли и новые, которые активно начали вмешиваться в управление экономикой. «Австрийцы» были вынуждены продолжить полемику с американскими неокейнсианцами, которые воспринимали непрекращающиеся попытки государственного управления экономикой как подтверждение собственной правоты.

Свободный рынок в концепциях американского антиэтатизма

Экономическая депрессия 1930-х годов вынудила американские политические элиты отказаться от принципов неучастия в экономике. Вмешательство государства в экономику встретило в США различные оценки от позитивных до негативных. Часть американских интеллектуалов полагала, что ограниченное государственное вмешательство вполне допустимо. Их оппоненты настаивали на том, что государственное вмешательство вредно и опасно. Предполагалось, что участие государства в экономике чревато политическими экспериментами, которые могут привести к установлению авторитарного / тоталитарного политического режима. С другой стороны, подчеркивалось, что в кейнсианстве, вере в необходимость государственного вмешательства в экономику, нет почти ничего национально американского.

Кейнсианство преподносилось как чуждая европейская идеология¹. На этом фоне совершенно естественной кажется интеллекту-

¹ Американизированная версия восприятия кейнсианства представлена в работах Дж. Хикса. См.: Хикс Дж. Господин Кейнс и «классики» / Дж. Хикс // Истоки. —

альная реакция, которая проявилась в неприятии кейнсианства, обосновании самодостаточности свободного рынка и защите ценностей классического либерализма¹. Стимулирующим фактором для развития подобных концепций стало и пребывание в США двух австрийских экономистов Людвиг фон Мизеса и Фридриха фон Хайека, которые в своих исследованиях показали опасность не только государственного регулирования, но и то, что участие государства в экономике может привести к негативным политическим изменениям – установлению авторитарных режимов. В подобных интеллектуальных условиях в американской экономической теории сложилось течение, представители которого значительное внимание уделяли критике кейнсианства. Среди американских оппонентов кейнсианства особое место занимает Дэвид Хендерсон. Если Элвин Хансен имел репутацию «американского Кейнса», то Д. Хендерсон – своеобразный «анти-Кейнс», апологет либерализма и защитник принципов свободного рынка.

Среди центральных положений концепции Д. Хендерсона – идея того, что вмешательство государства в экономику, как правило, приводит к отрицательным, «фатальным» результатам². Д. Хендерсон активно критиковал кейнсианские концепции экономического развития, настаивая, что большинство примеров позитивного воздействия государственного вмешательства в экономику, являются сфальсифицированными [Хендерсон, 2004. С. 41]. По мнению Д. Хендерсона, экономики, основанные на принципах свободного рынка, более адаптивны и конкурентоспособны по сравнению с экономиками, основанными на вмешательстве государства в силу того, что рынок увеличивает адаптивные способности различных акторов [Хендерсон, 2004. С. 172 – 174] и способствует росту ответственности участников экономических процессов [Хендерсон, 2004. С. 175 – 176].

1998. – № 3. Правда, следует признать, что интерпретация работ Дж.М. Кейнса британцем Джоном Хиксом способствовала в США росту их популярности и востребованности в научном сообществе.

¹ Подобная точка зрения широко представлена в сериях «Экономика» и «Политика» качественных переводных публикаций Института распространения информации по социальным и общественным наукам. См.: Арментано Д. Антитраст против конкуренции / Д. Арментано. – М., 2007; Бетелл Т. Собственность и процветание / Т. Бетелл / пер. с англ. Б. Пинскера. – М., 2008; Герземанн О. Ковбойский капитализм / О. Герземанн / пер. с англ. Б. Пинскера, под. ред. А. Куряева. – М., 2008; Котликофф Л., Бернс С. Пенсионная система перед бурей / Л. Котликофф, С. Бернс. – М., 2007.

² Хендерсон Д. Радость свободы или рынок без тормозов. Надо ли регулировать свободный рынок / Д. Хендерсон. – М., 2004. – С. 40 (Henderson D. The Joy of Freedom. An Economist's Odyssey / D. Henderson. – L., 2002). Далее ссылки на русское издание 2004 года приводятся в тексте в квадратных скобках.

С другой стороны, основное преимущество свободного рынка перед плановыми экономиками и экономиками со значительным государственным участием состоит в том, что рынок стимулирует развитие чувства общности и идентичности [Хендерсон, 2004. С. 184 – 185] в то время, как плановые экономики могут достигать аналогичных результатов исключительно в результате принуждения. Д. Хендерсон создал весьма непривлекательные образы плановой экономики, которые основанные на всеобщем доминировании государства: «произведенное колхозами зерно, не принадлежало никому... установленные государством цены... приводили к огромным избыткам... многие советские товары были убыточны» [Хендерсон, 2004. С. 47].

Анализируя экономику, основанную на доминирующей роли государства, полагал, что центральным институционализирующим фактором является насилие и принуждение: «Советский Союз добился [экономического роста – М.В.] миллионами трупов украинских фермеров и кулаков, у которых была отобрана земля» [Хендерсон, 2004. С. 49]. Более того, развивая идеи Ф. фон Хайека, Д. Хендерсон полагал, что конечным итогом развития социалистического государства, основанного на государственном вмешательстве в экономику, создание тоталитарного государства, основанного на «применении массового рабства с государством в роли рабовладельца» [Хендерсон, 2004. С. 56].

В этом контексте Д. Хендерсон указывал на то, что подобные экономические системы, как правило, характерны для недемократических, авторитарных и тоталитарных обществ, формируясь в результате политического насилия со стороны государства. Хендерсоном отторгались также профсоюзы как форма социальной организации со значительным государственным участием. Мотивируя свое неприятие профсоюзов [Хендерсон, 2004. С. 98 – 99], Д. Хендерсон подчеркивал, что они быстро политизируются, способствуя росту политической нестабильности.

По мнению Д. Хендерсона, свободный рынок был более эффективным, чем экономические системы, основанные на государственном регулировании. Эффективность свободного рынка проявляется в том, что он не только не отрицает права частной собственности – его развитие основано именно на принципах частной собственности. Поэтому, Д. Хендерсон крайне негативно оценивал государственное регулирование экономики, основанное на попытках изменения статуса собственности [Хендерсон, 2004. С. 75], настаивая, что подобные государственные мероприятия и эксперименты могут привести к крайне негативным результатам. Хендерсон полагал, что принудительное изменение статуса собственности может привести к крайне негативным последствиям, что, по его мнению, име-

ло место в национал-социалистической Германии, где собственность, которая до 1933 года принадлежала евреям, после прихода к власти НСДАП принудительно сменила своего владельца [Хендерсон, 2004. С. 108].

Другим примером подобной непродуманной государственной политики в сфере собственности может быть признан стратегия национализации, на которую сделало ставку правительство «Народного единства» в Чили, что стало и одной из причин военного переворота 1973 года. Анализируя отношения коммунистов и национал-социалистов, как сторонников авторитарных / тоталитарных политических режимов к институтам свободного рынка, Д. Хендерсон настаивал, что экономическая свобода отторгается ими, так как ее применение делает невозможным угнетение и преследование по социальным и национальным признакам [Хендерсон, 2004. С. 131].

Именно поэтому в рамках недемократических и авторизирующихся режимов предпринимались попытки ликвидации экономических свобод (например, в Чили в период правления «Народного единства»), как барьера на пути к окончательной институционализации авторитаризма. Д. Хендерсон полагал, что наиболее показательным примером неэффективности государственного управления экономикой является Советский Союз [Хендерсон, 2004. С. 47]. Хендерсон полагал, что закономерным результатом развития плановой экономики является всеобщий кризис и отказ государства от принципов государственного вмешательства: «движение по направлению к экономической свободе стало неумолимо набирать обороты в различных странах мира... разные страны становятся более свободными, и эта свобода порождает рост благосостояния людей» [Хендерсон, 2004. С. 50 – 51]. В этом контексте, по мнению Д. Хендерсона, процессы политического и экономического транзита были совершенно естественны в силу того, что плановая и управляемая государством экономика была неработоспособной.

Концепция Д. Хендерсона, порожденная страхом не перед европейскими авторитаризмами, а угрозами антидемократических трансформаций западного общества, генетически связана с работами Л. фон Мизеса и Ф. фон Хайека. Д. Хендерсон полагал, что экономическая система, основанная на принципах свободного рынка, является не только более прогнозируемой, но и эффективной по сравнению с теми режимами, которые активно практикуют государственное вмешательство в экономику. В этом отношении идеи Д. Хендерсона близки ценностям американского неолиберализма. По ряду принципиально важных вопросов Дэвид Хендерсон в идейном и теоретическом плане близок Милтону Фридману. Подобно идеям М. Фридмана, экономические принципы, о которых писал Д. Хендерсон, нашли свое применение не только в рыночных

экономиках западных демократий, но и использовались авторитарными режимами, которые стремились в своей экономической политике сочетать принципы свободного рынка с государственным участием, что давало им возможности осуществлять контроль над политическим и экономическим пространством.

Проблемы рынка и ограниченного государственного участия в экономике («чикагская школа» М. Фридмана)

Авторитарные политические режимы в Западном полушарии активно подчеркивали свою принадлежность к западному миру не только акцентируя внимание на географической близости, но и используя те политические и экономические теории, которые были разработаны в западных демократиях. Примером подобного авторитарного правого режима является военный режим в Чили, установленный в результате переворота 1973 года. Политические предшественники Аугусто Пиночета, чилийские левые, также использовали западный политический и экономический опыт, возникший в рамках марксистской модели.

Элиты, сменившие у власти чилийских социалистов и демократов, были левой риторике совершенно чужды, активно используя методы экономического управления, предложенные «чикагской школой»¹, в частности – одним из ее лидеров Милтоном Фридманом (Фридменом)². Парадоксальность применения теории М. Фридмана авторитарными режимами состоит в том, что сам американский экономист был склонен позиционировать себя как либерала, не имевшего особых симпатий к авторитарным режимам, которые активно использовали методы государственного вмешательства в управление экономиками. Милтон Фридман (Фридмэн) принадлежал к числу тех экономистов, которые полагали, что экономика

¹ О «чикагской школе» см.: Блауг М. Сто великих экономистов после Кейнса / М. Блауг / пер. с англ., под. ред. М.А. Сторчевого. – СПб., 2005. – С. 316 – 320; Рисин И.Е., Трещевский Ю.И., Сотников С.М. Государственное регулирование экономики / И.Е. Рисин, Ю.И. Трещевский, С.М. Сотников. – Воронеж, 2003. – С. 11 – 16; Сорвина Г.Н. Экономическая мысль XX столетия: страницы истории / Г.Н. Сорвина. – М., 2000. – С. 157 – 159; Ядгаров Я.С. История экономических учений / Я.С. Ядгаров. – М., 2007. – С. 371 – 373.

² О Милтоне Фридмане см.: Молдовану Дм. Экономические доктрины / Дм. Молдовану / пер. с рум. Н.Ф. Мицул, Н.Е. Лобановой. – Кишинэу, 2003. – С. 200 – 203; Усокин В.М. «Денежный мир» Милтона Фридмана / В.М. Усокин. – М., 1989.

как наука является междисциплинарной, будучи тесно связанной с политологией¹.

По мнению М. Фридмана, государство – исключительно инструмент, но не инициатор экономической политики; государство выступает в роли ведомого, а не ведущего [С. 25]. В отношениях между государством и обществом, как полагал американский экономист, должно доминировать второе. Поэтому экономический и политический идеал М. Фридмана – государство «свободной конкуренции», где именно экономическая свобода является «необходимым условием свободы политической» [С. 28]. С другой стороны, по мнению М. Фридмана, не существовало принципиальной разницы между политическими и экономическими методами в ограничении свободы [С. 32], которые воспринимались им как неэффективные.

Удивительно то, что экономические концепции М. Фридмана, декларировавшего, что «свобода – это редкое растение... главную угрозу свободе представляет концентрация власти... государство необходимо для сохранения нашей свободы» [С. 26], столь активно использовались в рамках авторитарной модели экономической модернизации в Чили после 1973 года, где под сомнение были поставлены именно политические свободы. Подобные режимы М. Фридман был склонен определять как экономически капиталистические, но политически несвободные [С. 33]. По мнению М. Фридмана, левоориентированные политические режимы стремятся выстроить такую экономическую систему, которая пытается «принудить людей действовать вопреки их собственным интересам» [С. 230]. Режим «Народного единства», существовавший в Чили с 1970 по 1973 год, вполне вписывается в модель, предложенную американским экономистом.

Милтон Фридман полагал, что политическая и экономическая свобода тесно связаны: «капитализм свободной конкуренции способствует развитию политической свободы, ибо отделяет экономическую власть от политической и превращает первую в противовес второй» [С. 33]. В этом отношении переворот 1973 года в Чили следует рассматривать как прогрессивное явление с политической и экономической точек зрения. Прогрессивность переворота проявлялась в том, что он был... демократическим. По мнению М. Фридмана, развитие свободного капитализма и прогресс демократии тесно связаны. В связи с этим он подчеркивал, что «развитие капитализма сопровождалось значительным сокращением особых ограничений, которые испытывали в своей деятельности различные группы» [С. 133].

¹ Фридман М. Капитализм и свобода / М. Фридман. – М., 2006. – С. 31. Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте в квадратных скобках.

Если анализировать переворот 1973 года в Чили и дальнейшее использование чилийскими властями идей М. Фридмана в этой перспективе, то установление авторитарного режима привело к ликвидации как экономических (отказ от национализации, курс на возвращение и привлечение в страну новых иностранных инвестиций), так и политических ограничений, столь широко практиковавшихся правительством «Народного единства». М. Фридман весьма скептически относился к государственному вмешательству в экономику, инициаторами которого выступали левые, полагая, что приход левых в экономику и их пришествие в политику исключает сохранение «свободы в социалистическом обществе» [С. 43].

Левая политическая риторика и методы управления экономикой, которые использовались в Чили до 1973 года под кубинско-советским влиянием, вели к ограничению, как политической, так и экономической свободы, что, например, проявилось в национализации медной промышленности. В связи с этим М. Фридман полагал, что «коллективистское экономическое планирование действительно ущемило индивидуальную свободу» [С. 34]. В подобном понимании военный переворот был актом политического и экономического освобождения, так как способствовал актуализации экономической свободы, что неизбежно вело к постепенной ограниченной демократизации авторитарного режима.

С другой стороны, Милтон Фридман не исключал участия государства в управлении экономикой в принципе. «Мы располагаем опытом государственного вмешательства... мы можем сравнивать одни реальные факты с другими» [С. 227], – подчеркивал М. Фридман в своей классической работе «Капитализм и свобода». По мнению М. Фридмана, число сфер, в которые вмешивается государство, должно быть ограниченным. М. Фридман полагал, что государство должно играть роль нормотворческого органа и принимать такие законы, реализация которых обеспечивала бы развитие экономики [С. 50 – 51], гарантировавшей, в свою очередь, национальную безопасность.

Комментируя связь государственного вмешательства и национальной безопасности, М. Фридман (в 1982 году) констатировал, что «даже если нам удастся избежать ядерной катастрофы, кремлевская угроза вынуждает нас выделять значительную часть наших ресурсов на оборону» [С. 232]. Государственное вмешательство, по мнению М. Фридмана, возможно и необходимо исключительно в тех случаях, если оно способствует воспроизводству не просто свободного рынка, но демократического политического режима, что было особенно актуально для западных демократий до распада Советского Союза.

Кроме этого М. Фридман настаивал на том, что само государство должно со значительной осторожностью подходить к своему участию в экономике, полагая, что большинство программ, инициатором которых является государство, «не достигают своих целей» [С. 229]. В этом отношении выбор авторитарного режима в Чили в пользу теории М. Фридмана и использование высказанных им идей после 1973 года для управления чилийской экономики явились для американского экономиста доказательством его правоты. Вероятная популярность идей М. Фридмана среди сторонников авторитарного режима была связана с крайне негативным отношением американского экономиста к левым, в частности – к коммунистам.

С другой стороны, востребованность и использование теории М. Фридмана в недемократических обществах способствовало постепенному размыванию авторитаризма в силу того, что одно из центральных положений концепции американского экономиста звучит следующим образом: «экономическая свобода – это необходимое средство к достижению свободы политической» [С. 31]. Режим А. Пиночета, несмотря на присущий ему авторитаризм в политической сфере, не решился на столь радикальную перестройку экономического пространства, попытки которой предпринимались в период между 1970 и 1973 годами. Ревизия результатов экономической политики С. Альенде привела к безусловному усилению и укреплению в Чили принципов экономической свободы, что вылилось и в активизацию чилийского гражданского общества, которое, осознав ликвидацию коммунистической угрозы, начало активно предъявлять свои претензии относительно разделения политических ролей.

Чилийское «экономическое чудо», достигнутое благодаря использованию идей М. Фридмана и «чикагской школы» привело к относительно стабильному экономическому развитию на протяжении 1990-х годов. Экономическая стабильность не означала стабильности политической. Дебаты относительно политически символического «наследия Пиночета» привели к переоценке чилийской истории 1973 – 1990 годов. Демократы 1990-х и их левые наследники 2000-х годов в Чили, активно используя экономическую инерцию, унаследованную от авторитарного режима, восприняли в качестве центральной идею именно политической свободы, отказавшись от активного (не конструирующего, а направляющего и курирующего) участия государства в экономике, которое практиковалось в период авторитарного режима.

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В УПРАВЛЕНИИ ЭКОНОМИКОЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ XX ВЕКА

Экономическая теория Дж.М. Кейнса

Экономическая депрессия конца 1920-х годов вынудила сторонников либеральной модели не только выступить в защиту свободного рынка, но и подвигла часть представителей научного сообщества на разработку новой теории, основанной на ценностях капитализма, но предусматривающей не только регулятивные функции рынка, но и значительное государственное участие в управлении национальной экономикой. Наиболее крупным теоретиком государственного регулирования до начала второй мировой войны стал британский экономист Джон Мейнард Кейнс (John Maynard Keynes, 1883 – 1946)¹.

Кейнс в экономической науке воспринимается как интеллектуал, который предпринял ревизию традиционной экономической системы, указав на необходимость государственного участия в управлении экономикой². В своем экономическом анализе отличался значительным консерватизмом, придерживаясь традиционных для общественных наук того времени позитивистского метода, не утруждая себя изучением экономических и социальных причин процессов, которые постепенно меняли облик западной цивилиза-

¹ О Дж.М. Кейнсе см.: Dissent on Keynes. A Critical Appraisal of Keynesian Economy / ed. M. Skousen. – NY., 1992; Hansen A.H. A Guide to Keynes / A.H. Hansen. – NY., 1953; Harrod R.F. The life of John Maynard Keynes / R.F. Harrod. – L., 1951; Keynes' ökonomische Lehren. Ein Führer durch sein Hauptwerk. – Stuttgart – Düsseldorf 1959; Skidelsky R. John Maynard Keynes: in 3 Vols. / R. Skidelsky. – L., 1983, 1992, 2000; Stewart M. Keynes and after / M. Stewart. – Harmondsworth, 1967.

² О вкладе Дж.М. Кейнса в развитие экономической теории см.: Ашмаров И.А., Боровников В.И. История экономических учений / И.А. Ашмаров, В.И. Боровников. – Воронеж, 2007. – С. 129 – 149; Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг. – М., 1994. – С. 607 – 646; Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров / Е.М. Майбурд. – М., 2000. – С. 466 – 491; Ольсевич Ю.Я. Загадка кейнсианства / Ю.Я. Ольсевич // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. – М., 2004. – Т. 4. Век глобальных трансформаций. – С. 129 – 137; Рисин И.Е., Трещевский Ю.И., Сотников С.М. Государственное регулирование экономики / И.Е. Рисин, Ю.И. Трещевский, С.М. Сотников. – Воронеж, 2003. – С. 7 – 11.

ции, низводя все перемены до результатов войн и деятельности диктаторов: «войны имеют разные причины. Диктаторы и прочие, кому войны сулят, как они по крайней мере надеются, приятное волнение, могут без труда играть на естественной воинственности народов. Но самое большое значение имеют, помогая им раздувать пламя народного гнева, экономические причины войны, а именно – чрезмерный рост населения и конкурентная борьба за рынки. Именно второй фактор, который, вероятно, играл основную роль в XIX в. и может сыграть ее опять, имеет наиболее непосредственное отношение к нашей теме... во второй половине XIX века правительства не располагали никакими другими средствами для смягчения экономических бедствий в своих странах, кроме конкурентной борьбы за рынки. Ведь все средства борьбы с хронической или перемежающейся безработицей были запрещены, кроме мер, направленных на улучшение торгового баланса за счет его поступлений»¹.

В этом контексте становится заметной близость интерпретаций Кейнса с теми политическими доктринами, которые доминировали в рамках авторитарных режимов. С другой стороны, во внимание следует принимать и тот фактор, что исследования Дж.М. Кейнса оказались востребованы как в авторитаризирующихся, так и авторитарных режимах². В связи с этим американский исследователь А. Коккбёрн подчеркивает, что «Hitler, genocidal monster that he was, was also the first practicing Keynesian leader»³. Авторитарная модель экономического знания нередко базировалась на своеобразном социально-экономическом фатализме и примордиальности (изначальности) экономических институтов и связанных с ними отношений, в первую очередь – доминированием государства.

По мнению британского экономиста, «наиболее значительными пороками экономического общества, в котором мы живем, являют-

¹ Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег / Д. М. Кейнс // <http://ek-lit.narod.ru/keynesod.htm> Далее ссылки в тексте в квадратных скобках [Кейнс 1].

² Джон Мейнард Кейнс был популярен в Веймарской Республике. После прихода к власти НСДАП и Адольфа Гитлера, тоталитарный режим которого активно практиковал государственное вмешательство в экономику, перевод его работ на немецкий язык не прекратился, а сами тексты, в отличие от других исследований иностранных авторов, не преследовались. См.: Keynes J.M. Die wirtschaftlichen Folgen des Friedensvertrages / J.M. Keynes. – München 1920; Keynes J.M. Über Wahrscheinlichkeit / J.M. Keynes. – Leipzig 1926; Keynes J.M. Revision des Friedensvertrages. Eine Fortsetzung von „Die wirtschaftlichen Folgen des Friedensvertrages“ / J.M. Keynes. – München – Leipzig, 1922; Keynes J.M. Ein Traktat über Währungsreform / J.M. Keynes. – München, 1924; Keynes J.M. Das Ende des Laissez-faire. Ideen zur Verbindung von Privat- und Gemeinwirtschaft / J.M. Keynes. – München, 1926; Keynes J.M. Vom Gelde / J.M. Keynes. – München, 1932.

³ Цит. по: Keynes Was No Crypto-Fascist // http://www.nationalreview.com/nrof_bartlett/bartlett200401190849.asp

ся его неспособность обеспечить полную занятость, а также его произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов» [Кейнс 1]. Подобная ситуация, по его мнению, требовала вмешательства в экономические процессы со стороны государства. Кейнс полагал, что государство может регулировать экономику различными способами, одним из которых является налогообложение: «с конца XIX в. был достигнут значительный прогресс в устранении чрезмерного неравенства богатства и доходов посредством прямых налогов: подоходного, добавочного прогрессивного и налога с наследства, особенно в Великобритании. Многие хотели бы пойти по этому пути еще дальше» [Кейнс 1]. Другой формой государственного вмешательства, как полагал Д.М. Кейнс, было стимулирование граждан со стороны государства занимать активную политику в экономической жизни: «человеческие наклонности можно направить по сравнительно безобидному руслу там, где существуют перспективы “делать деньги” и накапливать личное богатство» [Кейнс 1].

Значение экономической теории Дж.М. Кейнса для развития западной экономики сложно переоценить. Благодаря теоретическим построениям британского экономиста был создан механизм государственного вмешательства в экономику. Анализируя теорию Д. Кейнса во внимание следует принимать то, что она практически отторгалась его соотечественниками – британскими экономистами, которые крайне неохотно практиковали ограниченное государственное участие. С другой стороны, кейнсианские модели, в большей или меньшей степени, использовались недемократическими политическими режимами в Европе и Латинской Америке. Теория Д.М. Кейнса стала мощным интеллектуальным стимулом для развития экономической мысли в развивающихся странах, в том числе – и в Бразилии, где кейнсианская модель, с одной стороны, активно использовалась авторитарными режимами, а, с другой, в условиях синтеза с региональными экономическими теориями, идеологиями национализма и популизма, привела к возникновению национальных школ в рамках кейнсианства.

Рынок, государство и *ordnung*: «фрайбургская школа» между государственным регулированием и свободным рынком

Одной из центральных идей в европейской и американской экономической теории была идея свободного рынка. Экономический рост и динамичное развитие экономик Запада, стабильность в первой половине XX века на фоне резкого усиления роли Соединенных Штатов в мировой политике убедили интеллектуалов в универсальности экономической модели, основанной на примате свободного рынка и минимальном участии государства в управлении экономикой. Росту американской экономической эйфории способствовали и результаты первой мировой войны, которые, казалось бы, подтверждали правильность американской политики в отношении экономики.

Экономический кризис 1929 года, который перерос для США в период затяжного спада, известного как Великая Депрессия, оказался неприятной неожиданностью для американского политического и экономического сообщества, хотя уже в начале 1920-х годов некоторые европейские экономисты указывали на возможность наступления крупного экономического кризиса¹. Американские интеллектуалы были вынуждены пересмотреть свои концепции относительно универсальности свободного рынка, признав необходимость государственного вмешательства в экономику, что стало результатом, с одной стороны, европейского интеллектуального влияния, а, с другой, ревизия американских экономических концепций.

После завершения второй мировой войны идеи кейнсианства² оказались востребованными немецкими экономистами, которые составили основу «фрайбургской школы», хотя предпосылки для возникновения этого течения сложились в период национал-социалистической диктатуры. Позднее идеи фрайбургской школы

¹ Скоузен М. Кто предсказал крах 1929 года? / М. Скоузен // Бум, крах и будущее. Анализ австрийской школы / сост. А.В. Куряев. – М., 2002. – С. 172 – 215.

² О кейнсианстве см.: Ашмаров И.А., Боровников В.И. История экономических учений / И.А. Ашмаров, В.И. Боровников. – Воронеж, 2007. – С. 129 – 149; Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг. – М., 1994. – С. 607 – 646; Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров / Е.М. Майбурд. – М., 2000. – С. 466 – 491; Ольсевич Ю.Я. Загадка кейнсианства / Ю.Я. Ольсевич // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. – М., 2004. – Т. 4. Век глобальных трансформаций. – С. 129 – 137; Рисин И.Е., Трещевский Ю.И., Сотников С.М. Государственное регулирование экономики / И.Е. Рисин, Ю.И. Трещевский, С.М. Сотников. – Воронеж, 2003. – С. 7 – 11.

трансформировались в ордолиберализм. Под фрайбургской школой, согласно немецкому исследователю Х.Г. Крюссельбергу, следует понимать «группу экономистов, которые в Германии применительно к праву и национальной экономике поставили вопрос о критериях порядка хозяйства, общества, прав и государства»¹. Ордолиберализм, по мнению немецкого экономиста А. Шюллера, «концепция свободного, основанного на частном рыночном хозяйстве общественного и экономического порядка»².

Интеллектуальные предпосылки для появления фрайбургской школы сложились в 1939 году с выходом исследования немецкого экономиста Вальтера Ойкена «Основы национальной экономики». Одним из центральных вопросов, изучением которых занимался В. Ойкен (1891 – 1950)³, была проблема возможности использования

¹ Крюссельберг Х.Г. Фрайбургская школа / Х.Г. Крюссельберг // Основы рыночного хозяйства: понятия и концепции / ред. А. Шюллер, Х.Г. Крюссельберг. – Марбург, 1993. – С. 60 – 61. См. также: Волченко М.Я. Концепции германских ордолибералов и проблемы системной трансформации российской экономики / М.Я. Волченко // Концепция хозяйственного порядка. Учение ордолиберализма / под. общ. ред. К. Херманна-Пиллата. – М., 1997. – С. 5 – 25; Гутник В. Концепции свободного и экономического рынка: германский вариант / В. Гутник // Теория хозяйственного порядка. «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм / ред. В. Гутник. – М., 2002. – С. I – XIX; Молдовану Дм. Экономические доктрины / Дм. Молдовану / пер. с рум. Н.Ф. Мицул, Н.Е. Лобановой. – Кишинэу, 2003. – С. 193 – 196.

² Шюллер А. Ордолиберализм / А. Шюллер // Основы рыночного хозяйства: понятия и концепции. – С. 62 – 65. На русском языке доступно несколько переводов теоретиков ордолиберализма. См.: Лутц Ф.А. Политические убеждения и национально-экономическая теория / Ф.А. Лутц // Концепция хозяйственного порядка. Учение ордолиберализма / под. общ. ред. К. Херманна-Пиллата. – М., 1997. – С. 51 – 61; Рюстоу А. Между капитализмом и коммунизмом / А. Рюстоу // Концепция хозяйственного порядка. Учение ордолиберализма / под. общ. ред. К. Херманна-Пиллата. – М., 1997. – С. 62 – 114; Вайт О. «Ордо» и порядок. Попытка синтеза / О. Вайт // Концепция хозяйственного порядка. Учение ордолиберализма / под. общ. ред. К. Херманна-Пиллата. – М., 1997. – С. 301 – 337.

³ О Вальтере Ойкене см.: Автономов В., Гутник В. Особенности немецкой экономической мысли и феномен Вальтера Ойкена / В. Автономов, В. Гутник // Ойкен В. Основы национальной экономики / В. Ойкен. – М., 1996. – С. 5 – 9; Ашмаров И.А., Боровников В.И. История экономических учений / И.А. Ашмаров, В.И. Боровников. – Воронеж, 2007. – С. 166 – 171; Лацис О.Р. Вальтер Ойкен, Карл Маркс и мы, марксисты / О.Р. Лацис // Ойкен В. Основные принципы экономической политики / В. Ойкен. – М., 1995. – С. 5 – 19. О месте идей В. Ойкена в экономической теории см.: Сорвина Г.Н. Экономическая мысль XX столетия: страницы истории / Г.Н. Сорвина. – М., 2000. – С. 154 – 156; Худокормов А.Г., Чаплыгина И.Г. Неолиберальный проект как противовес ультралиберализму и этатизму / А.Г. Худокормов, И.Г. Чаплыгина // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. – М., 2004. – Т. 4. Век глобальных трансформаций. – С. 231 – 261.

центрального управления национальной экономикой¹. Вальтер Ойкен (развивая идеи центральноевропейских, австрийских и немецких экономистов², считавших, что право является фактором урегулирования и упорядочения экономики) полагал, что процесс государственного регулирования является сложным и многоуровневым³. По мнению В. Ойкена, государственное вмешательство в экономику может привести к установлению «полностью централизованного хозяйства», которое характеризуется полным отсутствием обмена и значительным государственным регулированием [Ойкен, 1996. С. 108].

По мнению немецкого экономиста, подобные экономические системы могут быть разделены на два типа. Центральным принципом типологии является отношение государства к частной собственности. Вальтер Ойкен полагал, что национал-социалистическая модель тоталитарной экономики оказалась в большей степени трансформационной и предрасположенной к рынку, чем советская, что связывалось с сохранением (в Германии) и отказом (в СССР) от частной собственности [Ойкен, 1995. С. 117] в экономической жизни на макроэкономическом уровне. Значительное внимание Вальтер Ойкен уделял проблемам генезиса политических режимов, которые активно практиковали государственное вмешательство в экономику.

Установление тоталитарного режима в Германии в 1933 году вовсе не было реакцией антикапиталистических групп на вызовы рыночного общества в условиях экономического кризиса. Предпосылки появления подобной антирыночной, этатистской модели В. Ойкен был склонен искать в развитии предшествующей экономики, основанной именно на принципах свободного рынка, которая в Германии трансформировалась в экономику «промышленной концентрации, концернов и синдикатов» [Ойкен, 1995. С. 153]. Анализируя недемократический тип экономической организации, который основан на отрицании свободного рынка, В. Ойкен подчеркивал, что государство «указывает каждому его профессию и его ра-

¹ Ойкен В. Основы национальной экономики / В. Ойкен. – М., 1996. – С. 106. Далее ссылки на русское издание 1996 года приводятся в тексте в квадратных скобках [Ойкен, 1996].

² Об интеллектуальных истоках ордолиберализма фрайбургской школы см.: Дроздов В.В. «Правовая экономика»: методология «целостности», платформы хозяйственного коллективизма и корпоративизма / В.В. Дроздов // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков / ред. А.Г. Худокормов. – М., 2005. – Т. 3. – С. 283 – 301.

³ Ойкен В. Основные принципы экономической политики / В. Ойкен. – М., 1995. – С. 57. Далее ссылки на русское издание 1995 года приводятся в тексте в квадратных скобках [Ойкен, 1995].

бочее место... работник не может реализовать собственную волю при выборе профессии» [Ойкен, 1996. С. 109].

По мнению В. Ойкена тоталитарные политические режимы в состоянии обеспечить экономический рост, который окажется хронологически непродолжительным, что связано с особенностями недемократических моделей модернизации. В рамках этой модели инициатором экономического развития выступает государство, которое в состоянии создавать новые отрасли экономики (как это имело, например, место в Германии в период диктатуры НСДАП [Ойкен, 1995. С. 119]), появление которых в большей степени связано не с экономическими потребностями, но с политическими амбициями правящих элит. Вальтер Ойкен полагал, что для тоталитаризма характерно «обезличивание» – процесс, в рамках которого «отдельные лица утрачивают самосознание индивидуальности» [Ойкен, 1996. С. 108], что сочетается с навязыванием обществу тоталитарных политических идеологий [Ойкен, 1995. С. 68 – 69].

«Полностью централизованное хозяйство» в концепции В. Ойкена – тоталитарная система, основанная на директивных инструкциях государства и принудительных директивах. Для подобной системы характерно то, что именно государство определяет «что, где и сколько и как должно быть произведено и как будет осуществляться разделение социального продукта» [Ойкен, 1995. С. 115]. В. Ойкен полагал, что государственное управление экономикой возможно, но его результаты могут быть, как правило, ограниченными [Ойкен, 1996. С. 107]. Вальтер Ойкен указывал на то, что государство может быть инициатором и такой экономической политике, которая, вероятно, соотносится в большей степени не с интересами государства, но с интересами бизнес-сообщества, в частности – именно политические элиты могут инициировать политику последовательной денационализации, отказа от государственной собственности [Ойкен, 1995. С. 61] – подобная экономическая модель была, например, реализована в Чили после государственного переворота 1973 года.

Кейнсианская экономическая модель сыграла важную роль в выработке и дальнейшей корректировке американского государственного вмешательства в сферу экономики, а также экономических политик ряда стран Европы. С другой стороны, кейнсианство не стало ни для Соединенных Штатов, ни европейских государств универсальной парадигмой американской экономической политики. Идеи Дж.М. Кейнса были востребованы европейскими и американскими интеллектуалами и экономистами исключительно в период экономического кризиса. Экономическая стабилизация привела к реанимации уверенности политиков в универсальности модели свободного рынка, но и после этого американские и европейские эко-

номисты продолжали развивать теории, призванные обосновать необходимость государственного вмешательства в экономику. После второй мировой войны идеи этатизма стали в значительной степени экспортным продуктом в развитии американской экономической теории. Эти идеи нашли применение в рамках авторитарных политических режимов в регионе Латинской Америки.

Проблемы государственного управления экономикой в теории регуляции

На протяжении второй половины XX века вопросы участия государства или неучастия политических элит в управлении экономикой привлекали значительное внимание исследователей, что стимулировалось не только идеологическим противостоянием Востока и Запада, но и конфронтацией двух политических моделей, которые основывались на диаметрально противоположных основаниях. В то время как Запад признавал примат рынка, капитализма и рыночной экономики, социалистические режимы в своей экономической политике делали ставку на демонтаж рынка, индивидуализма и частной собственности.

После завершения второй мировой войны западные демократии осознали, что европейская и американская демократические модели не обладают универсальным характером. В странах Восточной и Центральной Европы благодаря усилению в этом регионе СССР была искусственно применена социалистическая модель, что вылилось в отказ от рынка. Столь неприятные для западного академического сообщества перемены вынудили экономистов заняться поисками такой модели экономического развития, которая была бы не только капиталистической, но обладала бы значительными потенциальными возможностями к воспроизводству. В качестве гаранта этого процесса большинство экономистов было склонно видеть государство, а наилучшей формой ее исполнения казался рынок. Государство и рынок воспринимались как категории взаимосвязанные и дополняющие друг друга, что нашло свое отражение в теории регуляции.

В рамках теории регуляции функции государства как участника экономических процессов определены четко. По мнению французского экономиста Робера Буайе¹. Государство должно «ликвидировать безработицу, стимулировать технологические изменения и до-

¹ О французских школах в развитии экономической теории XX века см.: Сорвина Г.Н. Экономическая мысль XX столетия: страницы истории / Г.Н. Сорвина. – М., 2000. – С. 202 – 207.

бываться экономического роста»¹. Робер Буайе склонен позиционировать теорию регуляции как один из многочисленных экономических конкурирующих концептов [Буайе, 1997. С. 42]. Сложность развития теории регуляции состоит в том, что концепция является в значительной степени фрагментированной. Под теорией регуляции следует понимать не только «активное и сознательное вмешательство в экономику со стороны государства», но и «сочетание механизмов, способствующих воспроизводству экономических структур и общественных форм» [Буайе, 1997. С. 63]. Французский экономист М. Агльетта полагает, что под теорией регуляции следует понимать «глобальную альтернативу теории всеобщего равновесия... теорию возникновения, развития и отмирания общественных форм» [Буайе, 1997. С. 184 – 185]. Жан-Паскаль Бенасси под регуляцией предлагает понимать «совокупность процессов. Управляющих распределением факторов производства, их использованием и распределением доходов» [Буайе, 1997. С. 185].

Робер Буайе в рамках теории регуляции полагает, что государство должно воспроизводить «базовые общественные отношения... поддерживать и направлять действующий режим накопления... обеспечивать совместимость принимаемых децентрализованных решений» [Буайе, 1997. С. 93]². Особое внимание в концепте регуляции уделяется тому, что современная экономика национально фрагментирована: «способы регуляции отличаются во времени и пространстве... не существует вечного и неизменного способа регуляции» [Буайе, 1997. С. 12, 13]. Центральным актором в процессе регуляции экономики должно быть государство, что вызвано отсутствием самодостаточности у рынка, который «не формируется сам по себе» [Буайе, 1997. С. 20], но представляет четко выстроенное пространство, одним из форматоров которого является политическая власть.

Полемизируя с неолибералами, Р. Буайе указывает и на то, что роль государства может быть эффективной – именно оно выступает в качестве основного «фактора развития» [Буайе, 1997. С. 21]. Кроме этого государство, как инициатор регулирования экономики,

¹ Буайе Р. Теория регуляции. Критический анализ / Р. Буайе. – М., 1997. – С. 5. Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте [Буайе, 1997].

² Французский экономист Ж. Сапир в своем исследовании «К экономической теории неоднородных систем. Опыт исследования децентрализованной экономики» предпочитает писать о «координации» со стороны государства в управлении экономикой, полагая, что органы государственной власти (специализированные министерства, Центральный или Национальный Банк) могут заниматься регулированием частной экономической сферы. См.: Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем. Опыт исследования децентрализованной экономики / Ж. Сапир / пер. с франц.; науч. ред. Н.А. Макашева. – М., 2001.

может в зависимости от экономической конъюнктуры и политической ситуации менять способы и формы своего вмешательства в экономическую жизнь [Буайе, 1997. С. 17]. По мнению французского экономиста, «цели, инструменты и эффективность государственного вмешательства непосредственно зависят от конкретных особенностей способа развития» [Буайе, 1997. С. 133].

Поэтому, механизмы регуляции и формы государственного участия могут в значительной степени отличаться. Сторонники теории регуляции полагают, что государственное вмешательство в экономику имеет не только национальные причины, проявляющиеся в «отмирании старого институционального порядка» [Буайе, 1997. С. 7]. Существенным фактором является процесс международной экономической интеграции, который определялся Р. Буайе как «интернационализация национальных хозяйств» [Буайе, 1997. С. 6]. В обосновании необходимости государственного регулирования экономики сторонники теории регуляции настаивают на том, что государство должно уделять значительное внимание тем проблемам, с которыми сталкиваются экономические институты [Буайе, 1997. С. 9].

С другой стороны, государственное регулирование не должно обретать формы сознательно выстраивания определенной институциональной системы. Именно поэтому, Р. Буайе подчеркивает следующий фактор: «чтобы рынки были эффективными, им требуется весь набор институтов» [Буайе, 1997. С. 19]. Вот почему, анализируя особенности советского регулирования экономики, Р. Буайе акцентировал внимание на том, что в экономике СССР не существовало полного набора институтов, что вело к появлению негативных тенденций [Буайе, 1997. С. 19]. Робер Буайе полагал, что слабость советской экономики состояла в восприятии марксизма как единственно правильной концепции [Буайе, 1997. С. 53]. По мнению французского экономиста, советская модель государственного регулирования экономики отличалась не только «ведущей ролью государства», но и «неспособностью развивать отношения найма, слабой конкуренцией на рынках готовой продукции» [Буайе, 1997. С. 28].

Теория регуляции сыграла значительную роль не только в функционировании, но и в укреплении западной модели экономического развития. В рамках этой концепции были предложены как формы, так и механизмы взаимного сосуществования рынка и государства. Теория регуляции предусматривало и то, что этот рынок должен быть капиталистическим, а государство демократическим. Поэтому, функции государства ограничивались регулятивными. Теория регуляции сохраняла свою эффективность на протяжении ограниченного периода. Распад СССР и ликвидация социалистиче-

ской модели сняли вопрос о принципиальном сохранении капитализма, придав большую актуальность проблемам, связанным с экономическим и политическим транзитом бывших социалистических государств, что требовало от политических элит Запада решения совершенно иных задач нежели тех, которые они выполняли, когда противоречия носили не экономический, но политический и идеологический характер.

Монетарная политика как форма государственного регулирования в американском кейнсианстве

В период Великой Депрессии американские и европейские экономисты были вынуждены пересмотреть традиционные для того времени концепции, которые касались роли государства в экономике. Если в более ранний период государству отводилась роль «ночного сторожа», а его вмешательство в экономику рассматривалось как нежелательное, то в годы экономического кризиса американские политики и экономисты признали необходимость государственного участия в управлении экономикой, в принятии и реализации экономических решений. Интеллектуальной реакцией на кризис в США стало появление в экономической мысли нового течения, которое может быть определено как американская версия кейнсианства¹. Среди американских кейнсианцев² и сторонников государственного участия в управлении экономикой был Элвин Хансен (1887 – 1975), который не только переложил кейнсианские концепции на американскую почву, но и принял непосредственное участие в реализации американской версии кейнсианского проекта. В период экономического кризиса Э. Хансен являлся советником Администрации Франклина Рузвельта.

Одним из центральных положений в теории Э. Хансена было восприятие денежной политики как уникальной формы государст-

¹ О кейнсианстве в контексте развития экономической теории см.: Сорвина Г.Н. Экономическая мысль XX столетия: страницы истории / Г.Н. Сорвина. – М., 2000. – С. 164 – 172; Ядгаров Я.С. История экономических учений / Я.С. Ядгаров. – М., 2007. – С. 355 – 365.

² О кейнсианстве после Дж.М. Кейнса и некейнсианских теориях см.: Всемирная история экономической мысли / ред. В.В. Радаев. – М., 1997. – Т.5. Теоретические и прикладные концепции развитых стран Запада (послевоенный период). – С. 13 – 30, 61 – 63, 84 – 107, 406 – 409, 427 – 432, 496 – 499.

венного участия в управлении экономикой¹. Элвин Хансен, развивая идеи Дж.М. Кейнса [Хансен, 2006. С. 104 – 105, 181 – 182, 293 – 294], предостерегал от абсолютизации позитивного эффекта денежной политики: «денежная политика сама по себе не может быть единственным эффективным методом достижения стабильности экономики» [Хансен, 2006. С. 228]. По мнению С. Хансена, государство является эффективным менеджером исключительно в период экономических и политических кризисов, в частности – таковыми США были во время Великой Депрессии. «Политические настроения не позволяют продолжать политику [вмешательства государства в экономику – М.В.] длительное время» [Хансен, 2006. С. 225], – подчеркивал Э. Хансен.

В этом контексте показательным является опыт государственного участия в экономике Бразилии на протяжении 1930 – 1950-х годов. Инициатором государственного вмешательства являлся авторитарный политический режим Жетулиу Варгаса, ликвидированный Вооруженными Силами в середине 1940-х годов, но вскоре институционализированный вновь в рамках демократических политических процедур. На протяжении определенного времени политика Ж. Варгаса, основанная на принципах бразильского национализма и государственного вмешательства, принималась не только массовыми, но и крупнейшими экономическими игроками. Отторжение этатистской модели стало результатом институционализации национальной буржуазии и ее превращения в самостоятельного актора, который уже не проявлял заинтересованности в значительном государственном вмешательстве в развитие экономики.

Анализируя государственное участие в экономике, С. Хансен подчеркивал, что государство может быть эффективным менеджером в условиях политической и экономической модернизации. «Строительство и размещение новых предприятий» [Хансен, 2006. С. 231 – 232] являлось по С. Хансену универсальной формой модернизации. Настоящая дефиниция С. Хансена вполне применима к экономической политике политических элит Бразилии 1930 – 1960-х годов: именно государство являлось инициатором экономических проектов, направленных на модернизацию как экономической, так и политической сферы.

Стабилизация экономики, согласно С. Хансену, должна стимулом к сокращению государственного вмешательства. С другой стороны, Э. Хансен полагал, что государство следует играть регулятивную роль [Хансен, 2006. С. 224], например – в сфере регулирования кредита [Хансен, 2006. С. 78 – 79] или ограниченного кон-

¹ Хансен Э. Денежная теория и финансовая политика / Э. Хансен. – М., 2006. – С. 223 (Hansen A. Monetary Theory and Fiscal Policy / A. Hansen. – NY., 1949). Далее ссылки на русское издание 2006 года приводятся в тексте в квадратных скобках.

троля над ценами [Хансен, 2006. С. 164 – 165] но не брать на себя функции рынка в силу того, что экономически государство менее эффективно, чем рынок. Эта государственная функция активно использовалась различными политическими режимами. В частности, попытки регулирования цен в период правления С. Альенде в Чили привели к экономическому кризису и государственному перевороту 1973 года. Комментируя государственное участие в экономике, Э. Хансен подчеркивал, что эффективный контроль над ценами «неосуществим без взаимодействия бизнеса и большей части потребителей» [Хансен, 2006. С. 226].

С другой стороны, государственное вмешательство в экономику, по мнению Э. Хансена, должно иметь не только форму «правительственных расходов», но и проявляться в «росте частных инвестиций» [Хансен, 2006. С. 256]. Попытки заменить свободный рынок государством неэффективны, о чем, например, свидетельствует опыт неудачных экономических реформ в Чили в 1970 – 1973 годах, когда правящие левоориентированные политические элиты фактически в максимальной степени сузили свою экономическую базу, создав условия для государственного переворота 1973 года. Именно этот принцип не соблюдался социальными и экономическими реформаторами в Чили в 1970 – 1973 годы, которых поддерживали политические радикалы, но которые оказались не в состоянии найти общего языка с чилийским бизнес-сообществом. Режим А. Пиночета также использовал ценовое регулирование, не ограничивая, но, наоборот, отпуская цены, что было выгодно в большей степени большому бизнесу.

Модель государственного участия в формировании экономической политики, принятии и реализации экономических решений, предложенная Э. Хансеном, носила в значительной степени умеренный характер. Американские интеллектуалы признавали ограниченное государственное вмешательство, полагая, что государство не только должно отказаться от пассивной политики, но и выстраивать государственные действия таким образом, чтобы государство не подменяло собой институты свободного рынка. Некоторые идеи Э. Хансена нашли свое применение не только в рамках политики американской Администрации в период борьбы с экономической депрессией, но и в более поздний период в авторитарных модернизациях, что подтверждает в значительной степени универсальность принципов государственного вмешательства, которые оказались применимы не только в условиях демократических, но и авторитарных режимов.

Проблемы левой и правой модели этатизма в работах М. Ротбарда

Принципы участия и вмешательства государства в экономику, столь активно используемые авторитарными режимами в XX веке, были разработаны не в тех странах, где они применялись. Значительный вклад в культивирование идей дирижизма и этатизма снесли экономисты, которые работали в государствах, придерживающихся в политической сфере ценностей демократии. Именно американские и британские экономисты внесли значительный вклад в критику той философско-политической системы, которая лежала в основе экономики *laissez faire*. Среди американских экономистов неокейнсианского направления¹, которые детально анализировали принципы государственного вмешательства в экономику, был исследователь рынка и экономической динамики Мюррэй Ротбард.

По мнению М. Ротбарда, государство, в качестве актора экономических отношений, может выступать в качестве инициатора тех или иных политических процессов; принуждать участников рынка поступать именно так, а не иначе; полностью прекращать экономическую активность². Эти три формы государственного участия в экономике в значительной степени ситуативны, завися от политической и экономической конъюнктуры. По мнению М. Ротбарда, методы государственного участия в экономике различны. Среди методов, которые анализировал Мюррэй (Мюррей) Ротбард, фигурируют регулирование цен [С. 40 – 44], регулирование производства через установление запретов [С. 53 – 54], предоставление монопольных привилегий [С. 57 – 60], принудительное отчуждение частной собственности [С. 116].

Государственное регулирование монополий в перспективе, по мнению М. Ротбарда, может оказаться малоперспективным, так как способствует экономической стагнации [С. 78 – 79]. Связи государства с монополиями, как правило, характерны для правых авторитарных режимов, что выражается в сращивании политических и экономических элит, росте коррупции и попыткам институционализации неформальных экономических групп, что неизбежно ведет к росту противоречий между политическим авторитаризмом, с одной стороны, и экономическим влиянием монополий, с другой, которые

¹ О неокейнсианстве см.: Сорвина Г.Н. Экономическая мысль XX столетия: страницы истории / Г.Н. Сорвина. – М., 2000. – С. 183 – 188.

² Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика / М. Ротбард. – Челябинск, 2002. – С. 18 – 19 (Rothbard M.N. Power and Market. Government and the Economy / M. Rothbard. – Kansas City, 1977). Далее ссылки на русское издание 2002 года приводятся в тексте в квадратных скобках.

нуждаются в большей свободе для реализации своих экономических задач. М. Ротбард весьма скептически оценивал потенциал такой формы участия государства в экономике как отчуждения частной собственности [С. 118].

В XX веке политические и экономические эксперименты над частной собственностью (фактически не только над собственными гражданами, но над целыми социальными классами) ставили почти исключительно левые авторитарные режимы. Ликвидация частной собственности в радикальной форме, что имело место в рамках советской экономической модели, привела к кризису не только экономической, но и политической системы. Мюррэй Ротбард полагал, что участие государства в экономике – особенность почти исключительно авторитарных режимов, разделение которых на правые и левые он считал искусственным. В связи с этим им подчеркивалось, что «многие отказываются признавать фашизм и нацизм “социалистическими” режимами... но экономическая теория не интересуется цветом мундиров... для нее важно, какие классы стоят у власти в различных политических режимах. С точки зрения экономической теории неважно, как они приходят к власти... экономическую теорию интересуют только отношения собственности или масштаб государственного контроля над экономикой» [С. 280].

Не следует столь радикально смешивать правые и левые формы авторитаризма в силу того, что они имеют различный политический и интеллектуальный генезис. Левый авторитаризм преимущественно идеологичен и в меньшей степени экономически прагматичен. Он почти не склонен к развитию и внутренним трансформациям. Правый авторитаризм не столь устойчив, он склонен в большей степени к инертному развитию, проведению политических и экономических модернизаций. Правые используют идеологию нередко как прикрытие для реализации экономических целей – экономического прорыва, роста, создания новых отраслей. Правые авторитаризмы имели больше шансов трансформироваться в транзитные демократизирующиеся общества. Левые авторитарные режимы в своем большинстве представляют потенциальные failed states – несостоявшиеся государства.

Комментируя усилия левых авторитарных режимов в экономической сфере, Мюррэй Ротбард предложил следующую дефиницию социализма как воплощения и практической реализации идей политической и экономической несвободы в левой редакции: «социализм – это ситуация, когда государство владеет всеми средствами производства... государство монополизует сферу производства и накладывает запрет на частное предпринимательство... социализм – это распространение государственной монополии с отдельных

предприятий на все народное хозяйство. Это насильственное упразднение рынка» [С. 279].

Подобные фактически политические эксперименты в XX веке реализовывались над экономиками домодернизированных обществ, где авторитарное идеологическое государство подавляло слабый и неокрепший рынок, полностью заменяя его государственным регулированием. С другой стороны, аналогичные попытки в государствах, где экономика имела определенный опыт развития в рамках капиталистической рыночной модели, приводили к негативным результатам. Примером подобного провала переноса социалистических методов в капиталистическое общество является крах экономической политики Сальвадора Альенде в Чили, экономика и общество которого не были готовы принять национализацию, бесплатное образование и бесплатное здравоохранение (введя последние, «Народное единство» явно переоценило экономические потенциалы Чили), что привело к военному перевороту, установившему правую модель, подавлявшую левые тренды политического поля. Правые авторитаризмы, в отличие от левых, были в этом отношении более осторожны, предпочитая отчуждать у граждан не частную собственность, но их политические права и свободы (или существенно их ограничивая), но сохраняя за ними возможности свободного экономического маневра.

Анализируя регулирование цен, М. Ротбард указывал на то, что подобные методы государственного участия в экономике ведут к «искажению структуры производства» [С. 42], что чревато экономическими кризисами. Регулирование цен могут позволить себе, как правило, левые авторитарные режимы, политические элиты которых в большей степени заинтересованы в сохранении контроля над политическим пространством и массами (в том числе, и через приручение населения при помощи низких цен), чем в экономическом росте. В подобных режимах первостепенное значение имеет идеология, которая ослабляет экономическую мотивацию. М. Ротбард полагает, что процесс участия государства в экономике связан с политическими процессами, в рамках которых «одна группа выигрывает за счет другой» [С. 23].

В этом контексте государственное участие в управление экономикой неизбежно ведет к фрагментации политического пространства. Эта фрагментация может иметь различные основания – не только экономические и политические, но и национальные. Примером подобного национально маркированного вмешательства государства в экономику являются экономические (и одновременно политические) стратегии национал-социалистического правительства в Германии второй половины 1930-х годов и мероприятия авторитарного режима Жетулиу Варгаса в Бразилии. Если жертвами

первого стал тот сегмент германской экономики, которые контролировался евреями, то этатистские устремления Ж. Варгаса привели к усилению бразильского экономического национализма, что выразилось в ослаблении позиций национальных сообществ (например - немецкого) в бразильской экономике.

Примечательно то, что подобные мероприятия правительства нуждаются в принятии и легитимации со стороны населения или его подавляющего большинства. М. Ротбард, например, полагал, что с подобной легитимацией не возникает проблем в демократических режимах, где почти все «формы вмешательства получают поддержку со стороны большинства населения» [С. 26]. Авторитаризм предусматривает иные формы политического участия граждан, нежели демократические режимы. Феномен авторитаризма тесно связан с политическими традициями того или иного сообщества. По мнению М. Ротбарда, «в известном смысле любая тирания – это тирания большинства» [С. 28].

Поэтому авторитарные режимы могут в глазах собственных граждан являться вполне легитимными и объективно нормальными. Отторжение и неприятие авторитарных режимов западными демократиями в XX веке стимулировалось не только идеологическими расхождениями, но и тем, что в рамках западной демократии авторитаризм, склонный к проведению форсированных модернизаций, воспринимался в качестве не только экономического, но (и что более важно) идеологического, идентичностного конкурента. С другой стороны, на протяжении XX столетия в Европе и Южной Америке сложились два типа авторитарных режимов – левые и правые. Левые авторитарные режимы основаны на принципах, как правило, полной и последовательной унификации не только политического, но и экономического пространства – вплоть до ликвидации частной собственности и полного исключения негосударственных структур от выработки, принятия и реализации экономических решений.

В этой ситуации основной формой легитимации выступает политическая идеология. Правые авторитаризмы, в отличие от левых, не столь радикальны и последовательны в унификации политических и экономических пространств. Ограничивая деятельность политической оппозиции, активно участвуя в форсированном развитии тех отраслей экономики, которые призваны обеспечить воспроизводство и функционирование авторитарного режима, политические элиты оставляют гражданам, которые к моменту установления авторитаризма, как правило, успевают консолидироваться в гражданское общество, определенное (но незначительное) пространство для экономического маневра, чего не наблюдалось в левых авторитарных режимах. Государственное участие правых авторитаризмов в экономике было именно участием, а не попыткой радикального

преобразования политического и экономического пространства. Именно поэтому в соотношении правых авторитаризмов и демократий просматривается континуитет в то время, как левый авторитаризм и последующие экономические эксперименты, как правило, дискретны.

АВТОРИТАРНЫЕ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ

Итальянский фашизм как классическая модель авторитарного управления экономикой

XX век стал столетием политических экспериментов, которые нередко протекали в авторитарных режимах. Феномен европейского авторитаризма, который развивался в правой и левой формах, был порожден первой мировой войной, крушением старых континентальных империй, появлением новых национальных и динамично национализирующихся государств. Предпосылки для формирования правого и левого авторитаризма сложились задолго до первой мировой войны. Значительную роль в генезисе авторитарных режимов сыграли политические процессы, связанные с возникновением новых идеологических концептов. В европейской интеллектуальной истории достаточно сложно выделить идеологические течения, которые предшествовали только левому или исключительно правому авторитаризму. Несомненно, что появление марксизма с его идей диктатуры пролетариата в одинаковой мере способствовало возникновению и европейского авторитарного социализма и фашизма.

Левые и правые режимы в идее диктатуры различно расставляли акценты, но в остальном и правый, и левый авторитаризм оказались феноменами в значительной степени близкими. И правые диктатуры, которые оперировали ценностями нации, и левые авторитарные режимы, первостепенное значение для которых имел социальный класс, активно использовали государственное вмешательство в экономику. С другой стороны, формы и степень этого вмешательства были различны. Левые режимы активно шли на демонтаж рынка как института и отказ от частной собственности. Столь активная перестройка экономического пространства отличалась и унификацией пространства политического: альтернативные политические партии запрещались, инакомыслие преследовалось, диссиденты подвергались преследованиям по политическим мотивам. Все эти методы в различных формах и проявлениях были характер-

ны для авторитарных режимов, которые на политической карте мира начинают возникать в 1920-е годы. Классическая разновидность левой недемократии, которая соответствует упомянутым выше признакам – советский тоталитаризм, который постепенно трансформировался в авторитаризм.

Политические репрессии и преследования политических оппонентов характерны для левых режимов и в Латинской Америке. Классическим левоавторитарным режимом с развитым репрессивным аппаратом подавления является режим братьев Фиделя и Рауля Кастро на Кубе. Элементы репрессивной политики были характерны и для режима «Народного единства» в Чили – они не получили столь широкого развития как на Кубе, что было связано с военным переворотом 1973 года, который привел к установлению правоавторитарного режима А. Пиночета. В советской научной традиции режим А. Пиночета нередко ассоциировался с фашизмом. Вероятно, именно фашизм следует признать в качестве классической формы правого авторитаризма. Феномен фашизма возник в Италии и связан с деятельностью Бенито Муссолини, пришедшего к власти в 1922 году и установившего в Италии правоавторитарный режим, в рамках которого практиковалось активное вмешательство в экономику.

Авторитарный режим Б. Муссолини¹ представлял собой реализацию правой авторитарной модели в рамках фашистской политической идеологии. Режим А. Гитлера в Германии, установленный в 1933 году и просуществовавший до 1945 года, являлся национал-социалистическим и тоталитарным, основанным на радикальной перестройке политического и экономического пространства. Подобно итальянскому фашизму немецкий национал-социализм активно практиковал государственное вмешательство в экономику². Правые авторитарные режимы использовали такие стратегии

¹ Об итальянском фашизме см.: Алатри П. Происхождение фашизма / П. Алатри. – М., 1961; Григорьева И.В. Италия в XX веке / И.В. Григорьева. – М., 2006; Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии, 1919 – 1929 гг. / Б.Р. Лопухов. – М., 1968; Михайленко В.И. Итальянский фашизм. Основные вопросы историографии / В.И. Михайленко. – Свердловск, 1987; Филатов Г.С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии / Г.С. Филатов. – М., 1984.

² В настоящем разделе анализируется итальянская модель авторитарного регулирования экономики. О национал-социалистической стратегии управления экономикой см.: Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / Дж. Моссе. – М., 2003 (чрезвычайно информативное и полезное издание, состоящее из переводов политических и художественных произведений, изданных в период национал-социалистической диктатуры); Препарата Г.Д. Гитлер, Inc. Как Британия и США создавали Третий Рейх / Г.Д. Препарата. – М., 2007; Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933 – 1945 / Н. Фрай. – М., 2009.

управления, которые были описаны британским экономистом Дж.М. Кейнсом¹. Комментируя этот аспект экономической политики авторитарных режимов немецкий исследователь Н. Фрай подчеркивает, что «в начале 1930-х годов Джон Мейнард Кейнс только приступил к разработке своей теории... однако именно по этому рецепту нацистский режим добился подъема»². При этом экономические рецепты Дж.М. Кейнса, которые предназначались для демократических государств, в большей степени были реализованы в авторитарных режимах межвоенного периода.

Для экономической концепции фашизма, который не следует ассоциировать с национал-социализмом³, характерно мощное коллективистское начало, связанное с государством, которое воспринималось теоретиками фашизма как высшее проявление нации: «для фашизма человек это индивид, единый с нацией, Отечеством, подчиняющийся моральному закону, связующему индивидов через традицию, историческую миссию, и парализующему жизненный инстинкт, ограниченный кругом мимолетного наслаждения, чтобы в сознании долга создать высшую жизнь, свободную от границ времени и пространства»⁴. С другой стороны Бенито Муссолини подчеркивал, что «фашистская концепция государства антииндивидуалистична; фашизм признает индивида, поскольку он совпадает с го-

¹ Работы Дж.М. Кейнса оказались востребованными в рамках авторитарных режимов, о чем, например, свидетельствуют переводы его исследований на немецкий язык. См.: Keynes J.M. Die wirtschaftlichen Folgen des Friedensvertrages / J.M. Keynes. – München 1920; Keynes J.M. Über Wahrscheinlichkeit / J.M. Keynes. – Leipzig 1926; Keynes J.M. Revision des Friedensvertrages. Eine Fortsetzung von „Die wirtschaftlichen Folgen des Friedensvertrages“ / J.M. Keynes. – München – Leipzig, 1922; Keynes J.M. Ein Traktat über Währungsreform / J.M. Keynes. – München, 1924; Keynes J.M. Das Ende des Laissez-faire. Ideen zur Verbindung von Privat- und Gemeinwirtschaft / J.M. Keynes. – München, 1926; Keynes J.M. Vom Gelde / J.M. Keynes. – München, 1932.

² Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933 – 1945 / Н. Фрай. – М., 2009. – С. 74.

³ О некорректности отождествления итальянского (и в более широком плане романского – испанского, португальского, румынского, бразильского, аргентинского) фашизма с германским национал-социализмом писали и немецкие правые. См.: Мёлер А. Фашистский стиль / А. Мёлер // <http://nationalism.org/vvv/library/mohler-fascist-style.htm> Не следует отождествлять итальянский фашизм с русским фашизмом, который существовал в среде эмиграции. См.: Азбука фашизма / сост. Г.В. Тараданов, ред. К.В. Родзаевский // Звезда и свастика. Большевизм и русский фашизм / ред.-сост. С. Кулешов. – М., 1994. – С. 191 – 270; Родзаевский К. Завещание русского фашиста / К. Родзаевский. – М., 2001.

⁴ Муссолини Б. Доктрина фашизма / Б. Муссолини / пер. с итал. В.Н. Новикова. – М., 1995. – С. 10. Далее ссылки на настоящее издание в тексте [Муссолини, 1995].

сударством, представляющем универсальное сознание и волю человека в его историческом существовании» [Муссолини, 1995. С. 14].

Фашистские экономические концепции были основаны на идее этатизма: «для фашиста все в государстве и ничто человеческое или духовное не существует и тем более не имеет ценности вне государства. В этом смысле фашизм тоталитарен» [Муссолини, 1995. С. 15]. Государство воспринималось не только как наивысший этап политического развития, но и как центральная экономическая институция. Для фашистских теорий экономики в романских странах был характерен мощный антилиберальный идеологический тренд: «фашизм против классического либерализма, возникшего из необходимости реакции против абсолютизма и счерпавшего свою задачу, когда государство превратилось в народное сознание и волю. Либерализм отрицал государство в интересах отдельного индивида; фашизм утверждает государство, как истинную реальность индивида» [Муссолини, 1995. С. 14].

Теоретики фашизма полагали, что в управлении национальной экономикой центральная роль должна принадлежать государству. Бенито Муссолини выдвинул принцип, согласно которому «только государство способно разрешить драматические противоречия капитализма» [Муссолини, 1995. С. 39]. В этом контексте итальянский фашизм противостоял традиции классического европейского и американского либерализма, в рамках которых признавался примат свободного рынка, а государству отводилась вспомогательная роль. Другим историческим противником европейского фашизма, по мнению его теоретиков, являлся социализм.

Анализируя особенности социализма как политической идеологии и левоориентированных экономических теорий, Б. Муссолини подчеркивал, что «фашизм против социализма, который историческое развитие сводит к борьбе классов и не признает государственного единства, сливающего классы в единую экономическую и моральную реальность» [Муссолини, 1995. С. 15]. С другой стороны, теоретики фашизма выступали против абсолютизации экономических факторов левыми экономистами: «никто не отрицает, что экономические факторы – открытие сырьевых ресурсов, новые методы работы, научные изобретения – имеют свое значение, но абсурдно допускать, что их достаточно для объяснения человеческой истории без учета других факторов» [Муссолини, 1995. С. 28].

Экономическая политика итальянского фашизма основывалась на политическом примате государства, которое воспринималось в качестве центрального элемента политической и экономической системы. Анализируя особенности экономической модели, которая реализовывалась в фашистской Италии, во внимание следует принимать ряд особенностей, которые характеризуют экономическую

стратегию фашизма как правой версии авторитаризма. 1920 – первая половина 1940-х годов были ознаменованы попыткой проведения в Италии авторитарной модернизации, инициатором которой выступало государство. В результате этой модернизации в итальянской экономике наметился определенный рост, который в 1923 – 1926 годах составлял 9.5 %, а в 1934 – 1937 – 9.8 % в год. К началу второй мировой войны, благодаря политике государственного вмешательства, в итальянской экономике стали заметны структурные изменения. К концу 1930-х годов общий объем валового продукта в промышленности составил 34.1 %, что свидетельствовало о превращении Италии в индустриально-аграрную страну, что было связано с сокращением аналогичных показателей в аграрном секторе до 29.4 %¹.

В рамках итальянского фашизма были не только впервые предложены, но и применены на практике методы управления экономической и политической сферой, которые активно применялись не только в Италии 1920-х – первой половине 1940-х годов, но и в Бразилии (1930 – начало 1940-х годов), в Португалии, Испании и других романских странах. Позднее методы авторитарного управления были использованы и в других режимах, что нашло свое отражение в патернализме и корпоративизме. Анализируя феномен авторитарного вмешательства в экономику, во внимание следует принимать и то, что правая, фашистская, модель оказалась более адаптивной и подверженной изменениям.

Этот адаптивный потенциал правых авторитаризмов был связан с тем, что правые режимы не ликвидировали в полной мере экономические и политические институты старых буржуазных демократий, сохраняя иногда в ограниченном виде многопартийность и свободный рынок, но почти не затрагивая и не ставя под сомнение принципы частной собственности. Именно сохранение определенных гражданских институтов и пространства для экономической перспективы гарантировали авторитарным режимам во второй половине XX столетия не только экономический рост, но создавали механизмы, которые способствовали началу процессов демократического транзита.

¹ См.: Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы / Л.С. Белоусов. – М., 2000. – С. 184 – 185.

Политическая экономия авторитаризма (Янош Корнай, Пол Грегори)

На протяжении XX века западная модель экономического развития, основанная на ценностях частной собственности и принципах свободного рынка, столкнулась с вызовами левого авторитаризма, актуализированных в ряде недемократических режимов, которые возникали в Восточной (СССР), Центральной (Венгрия, Чехословакия, Польша, ГДР) Европе, на Балканах (Болгария, Румыния) и в Латинской Америке (Чили, Куба). Угроза коммунизма достаточно рано была замечена центральноевропейскими экономистами, которые позднее сформировали «австрийскую школу». Острие критики Людвига фон Мизеса и Фридриха фон Хайека было в одинаковой степени направлено против антидемократических вызовов и устремлений советского коммунизма и немецкого национал-социализма.

Завершение второй мировой войны внесло некоторые изменения в систему ценностей западных интеллектуалов. На статус основного и наиболее опасного врага начал претендовать советский коммунизм, который воспринимался как радикально альтернативная экономическая система, основанная на отказе от ценностей частной собственности и свободного рынка, базирующаяся на примате государства и полном подавлении индивида. Западные интеллектуалы были настолько пленены страхом перед советским коммунизмом, что распад СССР оказался для них полной неожиданностью. Исчезновение Советского Союза и связанного с ним авторитарного типа управления экономикой, основанного на государственном доминировании, вынудило американских экономистов обратиться к теоретическим проблемам функционирования авторитарной альтернативы свободному рынку. Значительный вклад в изучение советской модели авторитарной экономики внесли американские экономисты Янош Корнай и Пол Грегори.

Янош Корнай¹, анализируя социалистические модели, организации экономики, подчеркивал, что «несмотря на различия социалистические страны похожи и обладают важными признаками», которые в совокупности составляли «социалистическую систему»².

¹ О Яноше Корнае см.: Блауг М. Сто великих экономистов после Кейнса / М. Блауг / пер. с англ., под ред. М.А. Сторчевого. – СПб., 2005. – С. 125 – 127. См. также воспоминания венгерского экономиста: Корнай Я. Силой мысли. Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии / Я. Корнай. – М., 2008.

² Корнай Я. Социалистическая система. Политическая экономия сталинизма / Я. Корнай. – М., 2001. – С. 31. Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте в квадратных скобках [Корнай, 2000].

По мнению Я. Корнаи, социалистический авторитаризм имел трех предшественников – революционно-переходные (от капитализма к социализму), классические (основанные на идеях классического социализма) и реформируемые (опирающиеся на трансформирующийся социализм) системы [Корнаи, 2000. С. 45].

Янош Корнаи, анализируя социалистическую альтернативу, указывал на то, что социалистический тоталитарный / авторитарный политический режим мог быть установлен не в каждой стране. В ряде государств социалистическая система оказалась привнесенной извне: причем уровень экономического развития новых социалистических государств мог быть выше уровня развития той страны, которая выступила в качестве экспортера социализма. Ярким примером является Чехословакия и Германия (ГДР), которые, как полагает Я. Корнаи, были «принуждены открытым и скрытым советским вмешательством перенять систему, которая впервые была воплощена в жизнь в более отсталом обществе» [Корнаи, 2000. С. 52].

В самой Советской России, преобразованной в первой половине 1920-х годов в СССР, социалистическая модель организации экономики окончательно утвердилась к 1930-м годам по инициативе «небольшой группы революционеров, вообще не имевших или имевших минимальное экономическое образование»¹. В связи с этим Янош Корнаи специально подчеркивал, что «ни в одной развитой капиталистической стране не возникло социалистического строя благодаря действуя внутренних сил» [Корнаи, 2000. С. 54]. С другой стороны, Я. Корнаи подчеркивает, что основная вина и ответственность за установление социалистических режимов в Восточной и Центральной Европе лежит на СССР, «навязавший социалистический строй, создавший такую политическую ситуацию, при которой коммунистические партии оказались способны получить монопольную власть» [Корнаи, 2000. С. 56].

Согласно концепции Я. Корнаи, основными предпосылками добровольного (по внутренним причинам) или принудительного (под внешним воздействием) перехода к социализму могли быть экономическая бедность в сочетании с незначительной степенью развития экономических институтов; преимущественно аграрный характер экономики, относительная неразвитость промышленности или ее современных секторов; сохранение традиционных (докапиталистических) отношений в общественной и политической жизни; существование ярко выраженного социального и политического неравенства; слабость политических институтов, призванных выпол-

¹ Грегори П. Политическая экономия сталинизма / П. Грегори. – М., 2006. – С. 11. Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте в квадратных скобках [Грегори, 2006].

нять функции политического представительства; наличие колониального или полуколониального статуса в прошлом; установлению социалистических режимов предшествовали острые внутривнутриполитические кризисы [Корнаи, 2000. С. 48 – 49].

Анализируя процесс перехода от капитализма к социализму, Янош Корнаи подчеркивал, что нередко этот процесс стимулировался внешними силами и поэтому сопровождался политическим насилием. В этой ситуации основными элементами социалистической трансформации следует признать национализацию и централизацию экономической жизни. Комментируя процесс форсированного отказа от капитализма Я. Корнаи писал, что «часть заводов, банков и других учреждений передается в государственную или коллективную собственность. Власти немедленно приступают к централизации производства и распределения... идет не просто волна национализации, она сопровождается перераспределением собственности» [Корнаи, 2000. С. 53].

Подобные процессы имели место и в рамках советской экономики на ранней стадии ее существования, но это не умоляет особенностей советского типа государственного регулирования. «Нет сомнения, диктатура в СССР была уникальна по целому ряду позиций» [Грегори, 2006. С. 21], – подчеркивает американский экономист Пол Грегори. Согласно концепции Я. Корнаи, социалистическая модель экономики, основанная на ликвидации институтов свободного рынка и принципов частной собственности, не может существовать в рамках демократического режима. Социалистические экономики, отказавшись от принципов рынка и частной собственности, делают ставку на планирование, которое основывается на политических убеждениях («главными побуждающими мотивами является вера в идеи партии, согласие с официальной идеологией и энтузиазм в достижении целей, поставленных планом»), отождествлении себя с работой, а также на власти, престиже, материальной выгоде, страхе наказания [Корнаи, 2000. С. 145].

Социалистические эксперименты ставятся и реализуются в авторитарных обществах, в которых «основным институтом власти выступает коммунистическая партия» [Корнаи, 2000. С. 59], что позволяет экономике развиваться с опорой на три принципа, которыми были «государственная собственность, планирование и ведущая роль партии» [Грегори, 2006. С. 65]. Другими инструментами, которые используются левыми режимами для сохранения политического контроля над обществом и для вмешательства в экономику, являются массовые организации [Корнаи, 2000. С. 65], искусственно и принудительно навязываемая обществу идеология [Корнаи, 2000. С. 67], политическое принуждение со стороны государства в отношении простых членов общества [Корнаи, 2000. С. 69].

Использование этих принципов позволило в рамках советской экономической модели провести коллективизацию и форсированную индустриализацию, что вылилось в оформление планово-командной системы [Грегори, 2006. С. 73]. Наличие подобных принудительных механизмов дает возможность творцам и руководителям экономик в левоавторитарных режимах... забыть об экономике, подчинив управление ей политическим задачам. В этой ситуации экономика трансформируется в неэффективную: «коллективизация в долгосрочной перспективе свела к нулю шансы сельского хозяйства на успешное развитие» [Грегори, 2006. С. 35]. С другой стороны, ее неэффективность перекрывается идеологической обоснованностью существования именно такого типа организации экономики.

Идеологический фактор является чрезвычайно важным для левоавторитарных режимов, которые (в отличие от правых) стремятся к полной идеологической унификации политического пространства. Поэтому левые авторитаризмы культивируют «чувство превосходства, присущее социалистической системе», основанное на уверенности в том, что «капитализм прошел ту стадию, на которой он способствовал прогрессу общества» [Корнаи, 2000. С. 76, 77]. Позднее это чувство активно используется при мобилизации масс, направляемых на переформатирование экономической системы. Процессом этого переформатирования руководят партийные элиты. Подобные методы в различной степени применялись в большинстве авторитарных режимов, которые позиционировали себя в качестве социалистических.

В классических формах они существовали в СССР и некоторых других странах Восточной Европы (ГДР, Румыния), а также в виде определенных элементов в недемократических режимах на территории Латинской Америки (например, в Чили с 1970 по 1973 год). Сочетание всех этих методов способствует трансформации социалистического авторитаризма в тоталитаризм, в рамках которого экономика всецело подчинена интересам партийной элиты и связанной с ней государственной бюрократии [Корнаи, 2000. С. 73].

Центральное место в концепциях советской экономике, предложенным американскими исследователями, занимает анализ тех процессов, которые были призваны заменить свободный рынок плановым хозяйством и направлялись авторитарными политическими режимами. Заслуга Яноша Корнаи и Пола Грегори состоит в том, что ими была предложена синтезированная версия генезиса, функционирования, кризиса и распада социалистического авторитаризма. Теоретические выводы Я. Корнаи и П. Грегори убедительно доказали тупиковость социалистических экспериментов, показав, что социализм, с одной стороны, может существовать и функционировать исключительно в рамках авторитарных режимов. С

другой, Я. Корнаи и П. Грегори показывают, что именно недемократический характер внешней среды социализма исключает его возможность постепенной трансформации и демократизации при сохранении политического социалистического бэк-граунда.

**Расставание с авторитаризмом:
проблемы государственного управления
экономикой в работах Петера Козловски**

Политический и экономический кризис конца 1980-х – начала 1990-х годов и последовавший за ним распад авторитаризма стимулировал рефлексию среди западных интеллектуалов не только относительно проблем генезиса, функционирования и разрушения авторитарных режимов, но и значительной устойчивости и адаптивной способности западной модели экономического развития. Среди европейских интеллектуалов, которые внесли значительный вклад в изучение этой проблематики, особое место занимают работы немецкого экономиста и политолога Петера Козловски.

Петер Козловски полагал необходимым разграничивать понятия «рыночная экономика» и «капитализм». По мнению П. Козловски, капитализм – широкое, родовое, понятие. Термин «рыночная экономика», с другой стороны, иллюстрирует частный случай функционирования капитализма¹. П. Козловски полагал, что такой тип экономики характеризуется тем, что рынок выступает в качестве «инструмента хозяйственной координации». П. Козловски определяет капитализм как «общественный строй», характерными признаками которого являются рыночная экономика, частная собственность и хозяйственный индивидуализм [Козловски 1, С. 10].

Рыночная модель при таком понимании дефиниции «рыночная экономика» может применяться не только в капиталистических (то есть демократических), но и в авторитарных (левых и правых) режимах. Петер Козловски категорически не исключал возможности участия государства в управлении экономикой при соблюдении ряда условий со стороны правящих элит, а именно: отказ от попыток насильственно и принудительно регулировать отношения частной собственности на фоне предпочтения рыночных механизмов [Коз-

¹ Козловски П. Этика капитализма / П. Козловски // Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. Критика социобиологии / П. Козловски / пер. с нем., ред. М.Н. Грецкий. – СПб., 1996. – С. 10. Далее ссылки на настоящее исследование Петера Козловски приводятся в тексте в квадратных скобках [Козловски 1].

ловски 1, С. 18]. По мнению П. Козловски, демократическое государство может стать той силой, которая в состоянии уравновесить принципы политической власти и ценности рынка [Козловски 1, С. 61], что имеет принципиальное значение на фоне неудачи ничем не регулируемого капитализма и государственного доминирования в экономике авторитарных режимов.

В этом отношении государство для свободного рынка – «суверенный институт общества»¹, призванный соотносить и сочетать интересы собственно общества и его представителя государства с интересами рынка. Именно поэтому, как полагал П. Козловски, государство является той институцией, которая не только может, но и должна устанавливать «социальные рамки для капитализма» [Козловски 1, С. 65], но исключительно – в случаях политического и / или экономических кризисов. В связи с этим, П. Козловски подчеркивал, что два института демократического режима, рынок и выборы, «в состоянии компенсировать их взаимную недостаточность» [Козловски 3, С. 169].

Петер Козловски подчеркивал, что «в тех случаях, когда бессильны рынок и этика»² наряду с моральными ограничениями капитализма должны применяться и «государственные ограничения» [Козловски 2, С. 70]. С другой стороны, П. Козловски подчеркивал и то, что не следует в этом контексте идеализировать регулятивные способности государства: «правительства часто не в состоянии удовлетворить ожидания, связанные с компенсацией сбоев рыночных механизмов посредством государственного вмешательства» [Козловски 3, С. 168].

Анализируя попытки государственного вмешательства в экономику в рамках левоавторитарных политических режимов, Петер Козловски отталкивался от идеи, что в начале 1990-х годов крах потерпела «не только марксистская экономическая теория, но и ее метафизическая и мировоззренческая основа – диалектический и исторический материализм» [Козловски 2, С. 9]. П. Козловски подчеркивал, что коммунистические режимы представляют собой

¹ Козловски П. Очерки персоналистской философии / П. Козловски // Козловски П. Прощание с марксизмом-ленинизмом. Очерки персоналистской философии / П. Козловски / пер. с нем., ред. М.Н. Грецкий. – СПб., 1997. – С. 168. Далее ссылки на настоящее исследование Петера Козловски приводятся в тексте в квадратных скобках [Козловски 3].

² Козловски П. Прощание с марксизмом-ленинизмом. О логике перехода от развитого социализма к этическому и демократическому капитализму / П. Козловски // Козловски П. Прощание с марксизмом-ленинизмом. Очерки персоналистской философии / П. Козловски / пер. с нем., ред. М.Н. Грецкий. – СПб., 1997. – С. 9. Далее ссылки на настоящее исследование Петера Козловски приводятся в тексте в квадратных скобках [Козловски 2].

«особо болезненные обходные пути к капитализму» [Козловски 1, С. 12], о чем, например, свидетельствует опыт неудачных попыток идеологически левой экономической модели в ряде стран Латинской Америки.

Эксперименты по переносу социалистических методов управления экономикой завершились или экономической стагнацией (Куба), или радикальными попытками утверждения рыночной модели с использованием репрессий против политических оппонентов (Чили). Анализируя левые режимы и попытки государственного вмешательства в экономику путем принудительной ликвидации капитализма, Петер Козловски полагал, что события 1989 – 1991 в Восточной Европе доказали невозможность построение социалистического / коммунистического общества [Козловски 2, С. 19], основанного на безрыночных ценностях.

По мнению П. Козловски, экономический транзит посткоммунистических государств осложняется тем, что распавшиеся коммунистические режимы оставляют транзитные общества в условиях идеологического вакуума [Козловски 2, С. 15], что осложняет выработку теоретических ориентиров для экономического транзита. Экономический транзит отягощен тем, что отношения между социализмом и рынком дискретны. В связи с этим, он подчеркивал, что «рынок и демократия с неизбежностью отсылают друг к другу» [Козловски 3, С. 171]. Подобное предположение немецкого исследователя кажется вполне уместным, если принять во внимание те процессы, которые протекали в экономической и политической жизни Чили после военного переворота 1973 года: ликвидировав левый режим, склонный к трансформации в авторитаризм, армия не ликвидировала институты свободного рынка, чем обеспечила развитие политической оппозиции, центральным требованием которой, было проведение демократизации. Петер Козловски, рассматривая проблемы экономического транзита, полагал, что экономические реформы должны быть инициированы государством с целью восстановления примата частной собственности, который был разрушен социалистическим режимом [Козловски 2, С. 56].

Исследования Петера Козловски, написанные на границе экономического и политологического знания, отличаются междисциплинарным характером. Отличительная черта текстов немецкого экономиста состоит в их взаимосвязи с политической динамикой и теми политическими переменами, которые переживала Европа в период политических, социальных и экономических трансформаций. Тексты П. Козловски стали своеобразной интеллектуальной реакцией, попыткой европейского научного сообщества подчеркнуть и продемонстрировать свою верность и приверженность идеям свободного рынка. С другой стороны, работы немецкого экономи-

ста в некоторой степени продолжают и развивают идеи, высказанные представителям австрийской школы относительно изначальной порочности и экономического обреченности левой модели экономического и политического развития.

Капитализм без исторических конкурентов: проблемы государственного вмешательства в экономику в постбиполярном мире

Политические вызовы, с которыми в XX столетии столкнулся Запад, вынудили европейских и американских интеллектуалов, в том числе – и экономистов, более активно исследовать как социальные и экономические основы модели свободного рынка, так и альтернативные авторитарные проекты. Интерес к этой проблематике стимулировался не только тем, что в первой половине XX века возникли две модели европейского авторитаризма – правая и левая – но и тем, что уже к середине столетия правый авторитаризм в наиболее радикальных и последовательных формах прекратил свое существование. К началу 1990-х годов серьезно были подорваны позиции и левого авторитаризма на территории Европы.

Политические перемены, направленные в сторону демократии в Латинской Америке (например, в Чили), хотя и казались неизбежными, но западные аналитики предпочитали не делать прогнозов относительно конкретных сроков и начала демократизации. В этой интеллектуальной ситуации демократическая волна 1990-х годов для значительной части западного мира оказалась неожиданной, что не только привело, как было отмечено выше – к интеллектуальной эйфории, но и стимулировало рефлексии и спекуляции относительно судеб капиталистической модели.

По мнению Л. Туроу западная модель развития основана всецело на капиталистических ценностях¹. В связи с этим американский экономист подчеркивает, что «с началом промышленной революции не удалась никакая другая система кроме капитализма... никто не знает, как устроить успешную экономику на других основаниях... господствует рынок и только рынок»². Анализируя состоя-

¹ Синтезированная американская версия истории экономики как истории генезиса, развития и функционирования капитализма представлена в исследовании Рондо Камерона. См.: Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней / Р. Камерон. – М., 2001.

² Туроу Л.К. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Л.К. Туроу / пер. с англ. А.И. Федорова. – Новосибирск,

ние мира к началу 1990-х годов, Лестер Туроу подчеркивал, что капитализм и демократия оказались в «небывалом периоде истории, где у них по существу нет конкурентов» [Туроу, 1999. С. 79].

На смену миру, основанному на конфронтации США и СССР, противостоянии капитализма и коммунизма пришел мир, в котором «нет угроз, нет идеологий и нет достаточно сильных лидеров, способных поддерживать единство мировой системы» [Туроу, 1999. С. 191]. Классик американской социологии Э. Гидденс в связи с этим подчеркивает, что «сейчас мы живем в период подъема модернити»¹. Конкретизируя это предположение Л. Туроу подчеркивал, что «в настоящее время капитализм имеет то преимущество, что после смерти коммунизма и социализма у него нет больше активного конкурента в виде какой-либо общественной системы. Невозможно устроить революцию без альтернативной идеологии» [Туроу, 1999. С. 365]. Поэтому альтернативные экономические системы маргинальны, в том числе – и коммунизм. В отношении последнего Л. Туроу категоричен: «у коммунизма была плохая экономика» [Туроу, 1999. С. 59].

Лестер Туроу считает, что исторической ошибкой советского коммунизма, и построенной на его основе экономической модели принудительной мобилизации экономических и человеческих ресурсов, является попытка намеренного и сознательного разрушения индивидуалистской природы человека: «социалисты полагали, что будет создан новый человек... коммунизм провалился потому, что на практике не удалось создать такого человека. Оказалось, что невозможно побудить людей на протяжении длительного времени работать ради общественных целей... в состязании между индивидуальными и социальными ценностями победили ценности индивидуальные» [Туроу, 1999. С. 13]. В значительной степени аналогичной точки зрения придерживается и Э. Гидденс, полагающий, что социалистическая модель управления экономикой являлась «экономически неэффективным и политически авторитарным способом функционирования индустриализма» [Гидденс, 1999. С. 114].

С другой стороны, по мнению Л. Туроу, некоторые коммунистические режимы обладали большими адаптивными способностями, чем Советский Союз. К подобным государствам он относит Ки-

1999. – С. 10. Далее ссылки на настоящее издание в тексте в квадратных скобках [Туроу, 1999]. Некоторые главы из этой монографии были параллельно опубликованы в 1999 году. См.: Туроу Л. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний / Л. Туроу // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под. ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999. – С. 188 – 222.

¹ Гидденс Э. Последствия модернити / Э. Гидденс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под. ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999. – С. 114. Далее ссылки на настоящее издание в тексте в квадратных скобках [Гидденс, 1999].

тай. Лестер Туроу полагает, что китайская экономическая модель основана на доминирующей роли государства, что позволяет китайскому коммунизму не только «инвестировать средства во множество проектов», но демонстрировать стабильный экономический рост, что, как считает американский экономист, вызвано вовсе не приверженностью китайских элит коммунистической доктрине, но использование эффективной системы управления [Туроу, 1999. С. 64].

Успех капиталистических методов в недемократическом Китае¹, как полагает Л. Туроу, связан и с тем, что не следует абсолютизировать родовую связь между принципами демократии и капитализма: «демократия и капитализм имеют очень различные взгляды по поводу распределения политической власти» [Туроу, 1999. С. 288]. Американский социолог Э. Гидденс полагает, что китайская модель может функционировать только в рамках авторитарного режима: «подчинение рынков централизованному контролю со стороны центра экономически неэффективно и ведет к политическому авторитаризму» [Гидденс, 1999. С. 115]. С другой стороны, китайский опыт в этом случае не является исключением: например, в Латинской Америке (Чили) попытки государства в 1970 – 1973 годах не только контролировать, но и демонтировать рынок, создало условия для появления левого авторитаризма кубинского типа, что не произошло только по причине военного переворота 1973 года, который не просто установил авторитаризм, но и реанимировал рынок, расчистив тем самым дорогу для восстановления демократии, принципы которой активно пересматривались не военной хунтой, но чилийскими левыми в начале 1970-х годов.

Анализируя экономическую историю Европы, Лестер Туроу полагает, что капитализм стал универсальной экономической системой, что автоматически исключает возможность создания экономических отношений, построенных на других, отличных от капитализма, принципах². С другой стороны, Л. Туроу, констатируя, что конкуренты капитализма «погружаются во мглу истории» [Туроу,

¹ О проблемах универсальности капиталистической модели развития и ее применении в Азии в теоретическом плане см.: Шрадер Х. Экономическая антропология / Х. Шрадер. – СПб., 1999.

² В рамках американской экономической теории подобные системы оцениваются как «нерыночные». Научное изучение нерыночной экономики началось в 1960-е годы. Одним из создателей американского канона в восприятии подобных экономических систем был нобелевский лауреат по экономике 1972 года Джон Хикс. Под нерыночной экономикой, о которой фактически пишет Л. Туроу, Дж. Хикс понимал «организацию, представляющую собой совокупность правил, писанных и неписанных, соединяющих в единое целое различные уровни ее иерархии». Хикс Дж. Теория экономической истории / Дж. Хикс / пер. с англ.; под общ. ред. Р.М. Нуреева. – М., 2003. – С. 29 – 30.

1999. С. 10], вынужденно признает, что западная модель сталкивается с различными вызовами. Согласно концепции Л. Туроу пришествие государства в управление капиталистической экономикой было неизбежным явлением. Одна из наиболее эффективных стратегий государственного участия была предложена в рамках «нового курса» в США. Комментируя политику Ф.Д. Рузвельта, Л. Туроу полагал, что американские президент «спроектировал государство всеобщего благосостояния, которое спасло капитализм после катастрофы... это не произошло бы, если капитализм не был под угрозой» [Туроу, 1999. С. 12].

Само государственное вмешательство стимулировалось не желанием социальных перемен, но диктовалось задачами спасения капитализма и, как следствие, той политической модели в которую он был встроен. Анализируя государственное участие в управление американской экономикой Л. Туроу полагает, что после завершения второй мировой войны оно в значительной степени изменилась. Отказ США от старых стратегий был вызван тем, что американская экономика из национальной трансформировалась в мировую [Туроу, 1999. С. 167]. С другой стороны, США оказались вынуждены управлять не только собственно американской, но вмешиваться в экономики других государств, стимулируя этатизм за пределами Америки. Предпосылки подобной экономической стратегии, как считает Л. Туроу, следует искать не только в американском экономическом альтруизме, но и в «страхе перед коммунизмом» [Туроу, 1999. С. 168].

Именно поэтому американский антикоммунизм трансформировался фактически в разновидность интернационализма, который проявлялся в американском вмешательстве в экономики других стран. Лестер Туроу полагает, что характерные особенности современного капитализма, «экономический рост, полная занятость, финансовая стабильность, повышение реальной заработной платы» [Туроу, 1999. С. 11], сформировались исторически, а их существование гарантировалось западным государством.

По мнению Л. Туроу, после распада СССР на Западе «национальная экономика с кейнсианскими антициклическими стимулами просто исчезла» [Туроу, 1999. С. 257]. С другой стороны, политика, определяемая Л. Туроу как «кейнсианская антициклическая» [Туроу, 1999. С. 258], не имеет шансов на реализацию в условиях глобальной экономики, которая исключает реализацию кейнсианской модели на уровне национальной экономики. Отказ от кейнсианской модели, как считает Лестер Туроу, стимулируется не усилением или триумфом неолибералов, но столкновением Запада с теми вызовами, которые не были для него актуальны до начала 1990-х годов –

религиозным фундаментализмом [Туроу, 1999. С. 278 – 282] и этническим сепаратизмом [Туроу, 1999. С. 283 – 285].

Прекращение идеологического противостояния создало условия не только для политической интеграции, но и в значительной степени ограничило возможности государственного вмешательства в экономику, даже – на национальном уровне. Политические перемены начала 1990-х годов вылились в размывание национального государства, что, в свою очередь, в значительной степени снизило не только адаптивную способность капиталистической экономики, но и поставило перед государствами Запада новые задачи, вынудив их пересмотреть старые кейнсианские концепции управления экономикой в условиях интеграции, в рамках которой понятия «национальное государство» и «национальная экономика» постепенно утрачивают свое значение.

Экономическая футурология в версии Лестера Туроу оказалась тесно связана с политическими исследованиями. Это, вероятно, было вызвано генетическими связями между концепциями американского экономиста и его предшественников, которые принадлежали к «австрийской школе». Дискуссии относительно будущего западного мира и капитализма актуализировали проблемы политических вызовов, связанных с сепаратистскими движениями и террористическими угрозами. Кроме этого они актуализировали вопрос о роли государства в управлении экономикой, показав, что несмотря на триумф идей рынка и поражение социалистических ценностей, государство остается универсальным политическим институтом, способным выступать в качестве гаранта в процессе воспроизводства и функционирования капитализма.

Советский экономический дирижизм: российско-американское переосмысление

Распад Советского Союза и ликвидация социалистических режимов на территории Восточной Европы, очередная волна демократического транзита в Латинской Америке вселяли в американских экономистов не только уверенность в правильности и универсальности экономики, основанной на принципах свободного рынка, усиливали чувство неуверенности, но и стимулировали их рефлексию относительно несостоявшихся моделей экономического развития, хотя всего за несколько лет до этого, в середине 1980-х годов, никто в американской и западноевропейской академической среде

не прогнозировал скорый распад не только СССР, но и исчезновение советских сателлитов в Европе.

В 1990-е годы российскими экономистами совместно с американскими коллегами неоднократно предпринимались попытки переосмысления советского опыта участия государства в управлении экономикой¹. Эта проблематика в одинаковой степени была интересна как для российских, так и для американских исследователей в силу, с одной стороны, краха советской экономической модели, и, с другой, попыток объяснения относительной успешности участия государства в регулировании экономики и принятии экономических решений в Соединенных Штатах. Активизация государства в экономической жизни, вызванная кризисом традиционных политических и экономических институтов, сопровождалась весьма напряженной полемикой между сторонниками и противниками государственного участия.

В то время как на Западе эта дискуссия носила свободные формы, в Советском Союзе, который сделал планирование системообразующим элементом в экономике², обсуждение эффективности и форм государственного вмешательства вообще не имела места на фоне частых переводов на русский язык работ западных экономистов [С. 10] и их периодических визитов в СССР в том числе и с целью изучения советской экономической модели [С. 12], что отмечается и некоторыми современными российскими исследователями – вопрос о том, почему эти переводы не стимулировали интеллектуальное сообщество к более активным действиям остается открытым, хотя сама авторитарная система и невозможность свободной академической дискуссии делает молчание советских экономистов понятным.

С другой стороны, следует учитывать и то, что принятие экономических решений (государственное управление экономикой) и экономические исследования в СССР развивались в значительной степени изолировано. Советский экономист и заместитель председателя Госплана А.В. Бачурин констатировал, что на протяжении второй половины 1960 – начала 1980-х годов среди советских партийных чиновников «не было особого стремления к изучению экономической теории и ее применению на практике»³. В европейских

¹ Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР / Ю. Ольсевич, П. Грегори. – М., 2000. Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте в квадратных скобках.

² О плановой экономике и ее отличиях от свободного рынка см.: Сравнительный анализ плановой и рыночной экономики / ред. Л.Н. Грязнова. – Мн., 1994.

³ Реформа А.Н. Косыгина и ее преодоление административно-командной системой управления. Интервью с бывшим заместителем председателя Госплана СССР профессором А.В. Бачуриным // Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в

и американских государствах ситуация развивалась иначе: интеллектуалы выступали не только в качестве теоретиков развития экономики, но непосредственно обосновывали и показывали необходимость государственного вмешательства в экономические процессы.

Только крах СССР и добровольный отказ ряда государств Запада от «квази-плановых методов государственного регулирования» [С. 7] стимулировал научное и политическое сообщество к обращению к проблеме государственного участия в экономике. Российский экономист Ю. Ольсевич и его американский коллега П. Грегори в связи с этим указывали и на необходимость разделения и четкого разграничения плановой экономики Советского Союза от «некоторых элементов плана» [С. 8], которые могли использоваться несоциалистическими государствами. В 1990-е годы в исследовательской литературе относительно экономической системы СССР¹ велись дискуссии, которые касались определения советского типа экономики как «плановой» или «центрально-управляемой».

В российской исследовательской литературе единого определения «плановой экономики» не выработано. Значительная часть российских экономистов интерпретирует последнюю как «такую систему народного хозяйства, в которой определяющую роль играют взаимоувязанные централизованные директивные задания предприятиям на более или менее длительный срок» [С. 11]. Советская модель экономики базировалась и строилась именно на воспроизводстве подобной системы на функционально-отраслевом (министерства, ведомства), территориальном (советские союзные республики и в меньшей степени автономные образования в рамках союзных республик) и политическом (идеологическое обоснование плановой системы как единственно верной и правильной) уровнях.

Участие государства в управлении экономикой было одной из форм политической и экономической модернизации. В СССР практиковались две модели проведения модернизационной политики – тоталитарная (до 1953 года) и мобилизационная (после 1953 года). Тоталитарная модель не могла применяться в СССР в течение длительного времени, по мнению Ю. Ольсевича и П. Грегори, по причине «кризиса мотиваций» [С. 25] советских граждан, на которые

ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР / Ю. Ольсевич, П. Грегори. – М., 2000. – С. 108.

¹ Важным источником информации об участии государства в функционировании советской экономики являются официальные публикации 1960 – 1980-х годов. См.: Совершенствование хозяйственного механизма / ред. А.Ф. Румянцев, А.В. Бачурин. – М., 1980; Хозяйственная реформа в СССР. Сборник официальных материалов и статей / ред. А.Ф. Румянцев. – М., 1969; Хозяйственная реформа: опыт, перспективы / ред. Н.Е. Дрогичинский, Д.И. Царев. – М., 1969.

опиралось планирование¹. Обе стратегии по своей сущности были неэффективны в силу того, что первая строилась на основе полной унификации политического и экономического пространства, а вторая давала возможность для ограниченного экономического маневра, результаты которого минимизировались закрытостью и статичностью политической системы.

На участие государства в управлении экономики влияло и то, что советская система была фрагментирована и в политическом плане: в качестве акторов в процессе принятия экономических решений выступали не только представители партийной номенклатуры союзного и республиканского уровня, но также – армия, спецслужбы и неформальные (то есть формально неинституционализированные) кланы, связанные в первую очередь с республиканскими коммунистическими партиями. В этом контексте экономика в Советском Союзе носила вторичный характер относительно политики. Поэтому, Ю. Ольсевич подчеркивает, что даже влиятельный и всемогущий Госплан был не в состоянии «сопротивляться напору партийных чиновников» [С. 14].

К 2000-м годам в научной литературе утвердилось мнение, что план был только «инструментом советского управления», а соотношение между плановыми и директивными методами «менялось на разных этапах трансформации централизованной системы», что привело к деградации плана от «основы управления» до «средства координации управленческих решений, диктуемых ведомствами и партийными органами» [С. 9]. Ситуация осложнялась тем, что на фоне значительной политической централизации и высокой степени унификации политического пространства, советская экономика, несмотря на доминирование плана, развивалась дискретно.

Планирование протекало не только в центральных министерствах в Москве, но и на уровне партийного руководства в союзных республиках и республиканских министерствах, что в значительной степени снижало позитивный потенциал, который все-таки был характерен для советского планирования. Позитивные моменты в государственном регулировании и управлении экономики СССР сводились к тому, что результаты реализации пятилетних планов постепенно становились меньше потерь, которые несла советская экономика в соответствующие пятилетние периоды. Советская модель генерализованного и всеобщего участия государства в экономике была почти лишена эффективности. Ю. Ольсевич, напри-

¹ О планировании как форме государственного управления экономикой в СССР см.: Бачурин А.В. Планово-экономические методы управления / А.В. Бачурин. – М., 1973; Иванченко В.М., Панова М.И. Хозяйственная реформа и планирование / В.М. Иванченко, М.И. Панова. – М., 1970; Экономическое планирование в СССР / ред. А.Н. Ефимов. – М., 1967.

мер, указывает на то, что участие государства в экономике не было последовательным: «пятилетние планы, как правило, не выполнялись даже при репрессивной системе» [С. 16].

Столь значительная политизация экономики и экономического участия государства (которое руководствовалось не экономическими, рациональными, а политическими и, поэтому, иррациональными мотивами), привело к неэффективности, а позднее и к кризису советской модели Советская модель государственного участия в экономике, в отличие от аналогичных практик на Западе, была преимущественно этатистской, что исключало, как участие негосударственных акторов, так и весьма ограничивало пространственный маневр советской экономики. Именно это привело к тому, что все попытки корректировки государственного участия, трансформации плановой системы демонстрировали ее несостоятельность: советская система не приобрела того адаптационного и реактивного потенциала, который был характерен для государств Запада, сочетавших участие государства в экономике с неприятием принципов полной унификации политического пространства.

КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БРАЗИЛИИ

Проблемы социального и экономического развития Бразилии первой четверти XX века в работах Алберту Торреса

На протяжении первой четверти XX века Бразилия пребывала в состоянии интеллектуального кризиса, который по проявлениям, формам и масштабу сравним с теми кризисными процессами и явлениями, которые имели место в континентальной Европе после завершения первой мировой войны. Кризис стимулировался крушением Империи и установлением Республики, был связан со сложностями утверждения новой политической республиканской идентичности. С другой стороны, в Бразилии динамичными темпами шли процессы формирования бразильской гражданской нации и новой идентичности. Важную роль в этих процессах играл и социально-экономический фактор. В Бразилии сложился ряд национальных экономических школ¹. Бразильское интеллектуальное сообщество прилагало немалые усилия, направленные на выработку модели развития Бразилии. Значительный вклад в формирование бразильского политического национализма внес Алберту Торрес. В Бразилии (как и в Латинской Америке) в целом явления национальной и экономической жизни развивались, будучи тесно связанными и переплетенными. Экономика воспринималась как одна из сфер проявления национализма, как сфера действия нации, развертывания и функционирования национального самосознания.

Работы Алберту Торреса вышли в первой четверти XX века, когда модель научного познания и анализа бразильской историче-

¹ Бразильские экономические теории в России относятся к числу практически неизученных тем. Отрывочное и фрагментарное изложение, основанное на анализе не оригинальных работ (а испанских переводов), представлено в издании «Всемирная история экономической мысли». См.: Латинская Америка: эволюция концепции периферийной экономики // Всемирная история экономической мысли / ред. В.В. Радаев. – М., 1997. – Т.6. – Ч. 2 (Экономическая мысль социалистических и развивающихся стран в послевоенный период. 40-е – первая половина 90-х годов) – С. 158 – 167.

ской, социальной и экономической действительности только формировалась. Именно поэтому в своем сочинении «Источники существования Бразилии» А. Торрес подчеркивал, что «реальность нашей социальной и экономической ситуации не только полностью игнорируется, но и запутана самыми нелепыми ошибками»¹. Алберту Торрес Полагал, что негативную роль в экономическом развитии Бразилии сыграли не только «предрассудки экспансии и колонизации», но и интеллектуальная зависимость Бразилии от европейских научных и экономических теорий [Torres, 1]. По мнению А. Торреса, европейские доктрины расизма, которые в начале XX века проникли в Бразилию, в полной мере не отражали и не описывали национальную и региональную бразильскую специфику.

Алберту Торрес ставил под сомнение именно расовую аргументацию расцвета и упадка, полагая, что в Бразилии более значительную роль играет социальный фактор, что ведет к формированию не биологически, но социально выделенных расовых групп – «социальных рас» [Torres, 1]. Алберту Торрес полагал, что уже в начале XX века в Бразилии сложились предпосылки для формирования бразильской нации на локальном уровне как «объединения отдельных лиц и семей, которые живут в Бразилию с намерением остаться»². С другой стороны, несмотря на свою отдаленность от Европы в начале XX века Бразилия была вынуждена столкнуться с такими же вызовами, что и европейские государства. В данном контексте речь идет об империализме и милитаризме [Torres, 1].

Алберту Торрес полагал, что после 1914 года Бразилия обрела уникальный исторический шанс. По мнению бразильского интеллектуала, европейскую войну, которая не докатилась до Южной Америки, следовало использовать для социальной и экономической консолидации пока «современный империализм продолжает воевать, используя свои пушки, милитаризм, капитал, миграцию и предложение» [Torres, 1]. Подобный технический и экономический инструментарий бразильский интеллектуал определил как «философию милитаристского патриотизма»³. Алберту Торрес указывал на то, что первая мировая война в Европе была в значительной сте-

¹ Torres A. As fontes de vida no Brasil / A. Torres // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/fontes.html> Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте [Torres, 1]

² Torres A. O problema nacional brasileiro / A. Torres // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/torresb.html#5> Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте [Torres, 2]

³ Torres A. O problema mundial / A. Torres // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/mundial.html> Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте [Torres, 3]

пени вызвана не политическими, а экономическими причинами [Torres, 3].

По мнению А. Торреса, несмотря на то, что на бразильской территории не велось военных действий, Бразилия тоже участвовала в войне «за свободу, мир и порядок» в социальной и экономической сферах [Torres, 1]. С другой стороны, А. Торрес высказывал предположение, что первая мировая война приведет к значительным социальным и экономическим изменениям, предпосылки для которых сложились в Германии с ее стремлениями к «капиталу и пространству», а так же в Италии, где социальные и экономические проблемы сочетаются со способностью к экономическому росту [Torres, 1]. Таким образом, Алберту Торрес прогнозировал появление новых политических режимов, которые будут в своей политике опираться на противоречивые результаты войны, сочетая государственное вмешательство в экономику с приверженностью к рыночным отношениям.

Анализируя особенности развития бразильской экономики в начале XX века, А. Торрес значительное внимание уделил логистической составляющей, указывая на то, что столь обширные географические размеры страны, природно-климатическая различность отдельных регионов в значительной степени затрудняют экономические связи и сообщения между ними. Это ведет к возникновению различных уровней жизни, например, в Рио-де-Жанейро, с одной стороны, и в регионе Амазонки, с другой [Torres, 1]. Решение подобных проблем А. Торрес видел в поощрении европейской иммиграции в Бразилию. Алберту Торрес понимал, что эти «новые люди», приехавшие в Бразилию «без своих социальных и политических учреждений» в процессе освоения новых территорий столкнутся со значительными сложностями. Но вместе с тем, именно иммиграция в Бразилию дает им возможность участвовать в создании нового с экономической и социальной точки зрения общества.

Касаясь проблемы географического разнообразия Бразилии, А. Торрес указывал на то, что оно связано с национальным составом населения тех или иных регионов. Например, преимущественно германское население Блуменау и романские жители Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и Минас-Жерайс, имевшие португальские, итальянские или испанские корни [Torres, 2], обладали различными экономическими предпочтениями, что существенно отражалось на развитии отдельных регионов. По мнению А. Торреса, немецкая колонизация некоторых регионов Бразилии привела к позитивным результатам, став стимулом для развития и роста экономики [Torres, 2].

В этом контексте возникает новое футуристическое измерение бразильской социальной реальности, а сама Бразилия начинает фи-

гурировать как «свободное общество» [Torres, 1] и как страна, которая потенциально способна на конкуренцию с Соединенными Штатами. Эта конкуренция, по мнению А. Торреса, может стать реальной только в случае развития экономики и экономического роста. Именно экономика воспринималась А. Торресом как основа национальной независимости [Torres, 2]. Подобное общество, как полагал А. Торрес, могло быть создано благодаря активному участию государства, которому следует играть значительную роль в экономике, выстраивая и создавая условия для стабильного экономического роста. В этой ситуации наиболее важной и актуальной экономической задачей, как считал Алберту Торрес, был сознательный отказ от экономики монокультуры [Torres, 1] в пользу диверсифицированной экономики.

Согласно А. Торресу, в первой четверти XX века бразильская экономика имела три основания, а именно: сельское хозяйство (созданное в колониальный период), торговля и промышленность, создаваемая не столько усилиями национальной буржуазии, сколько инициативами властей, действующих «при помощи протекционистских тарифов» [Torres, 2]. Этот экономический переход осложнялся наследием эпохи рабовладения, которая привела к тому, что в Бразилии не возникло национального крестьянства и городских слоев. Поэтому А. Торрес вынуждено констатировал, что «Бразилия не обладает национальным рабочим классом» [Torres, 1]. В целом же, большинство проблем, которые возникли в Бразилии к началу XX века, как полагал Алберту Торрес, не были знакомы европейцам.

Торрес настаивал, что важнейшими проблемами Бразилии являются социальная бедность, связанная с двумя другими – нехваткой воды и истощением природных ресурсов. В начале XX века Алберту Торрес писал о проблеме возобновляемости природных ресурсов как необходимом условии развития экономики [Torres, 1]. Таким образом, уже в начале XX века усилиями бразильских интеллектуалов были сформулированы основные внутренние вызовы, с которыми позднее столкнется бразильская экономика. Именно это оказало существенное влияние на дальнейшее развитие экономической теории и социальных концепций в рамках бразильских гуманитарных исследований.

Анализируя политическое и социально-экономическое наследие Алберту Торреса, во внимание следует принимать то, что его идеи имели переходный характер. Алберту Торрес предстает как носитель политических традиций «высокой культуры», которая постепенно начинает ослабевать, деградировать и сдавать свои позиции культуре нового типа. На смену концепциям, которые предлагал А. Торрес, приходит модернизм с его культом современности и современного научного знания. В Бразилии 1920 – 1930-х годов

идеи А. Торреса казались в значительной степени архаичными, хотя к ним и обращались бразильские интегралисты. Концепция А. Торреса являлась преимущественно позитивистской со значительной региональной спецификой, что, например, проявилось в интересе интеллектуала к вопросам расы и веры. На смену преимущественно нарративным и описательным версиям восприятия социальной и экономической реальности приходили дискурсивные практики, которые в классической своей форме в 1930-е годы проявились в работе Жилберту Фрейри «Casa-grande e senzala». С другой стороны, рождение новой бразильской социологии и экономической теории вряд ли было возможно без интеллектуальных исканий Алберту Торреса в первой четверти XX столетия.

Традиционные институты в модернизирующемся обществе: социо-экономические концепции Жилберту Фрейри

Одной из центральных фигур в развитии политических и экономических наук в Бразилии в XX веке является Жилберту Фрейри (Gilberto Freyre)¹. На протяжении длительного времени Ж. Фрейри пользовался почти непререкаемым авторитетом, имел репутацию классика. Многочисленные работы интеллектуала посвящены широкому кругу вопросов. В центре его исследований – проблемы истории, литературы, политологии, социологии, экономики, этнологии. Значительную роль Жилберту Фрейри сыграл в трансформации общественных наук в Бразилии, способствуя их интеграции в западную модель гуманитарного знания.

Одна из центральных тем в научном наследии Жилберту Фрейри – распад традиционности и формирование новых отношений в Бразилии «в тени больших амазонских лесов». В 1920 – 1930-е годы, названные позднее «временем, имеющим решающее значение для развития»², Ж. Фрейри (как бразильский националист) негативно оценивал проникновение американского капитала в «аг-

¹ О Жилберту Фрейри см.: Amaral A. Relações perigosas o imaginário freyriano no discurso governamental / A. Amaral // TS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 163 – 186; Bastos E. Gilberto Freyre e as Ciências Sociais no Brasil / E. Bastos // ES. – 1995. – Vol. 1. – No 1. – P. 63 – 72.

² Freyre G. Regionalismo Brasileiro / G. Freyre // Folha de São Paulo. – 1978. – Setembro 6.

рарно-патриархальное общество»¹, позитивно воспринимая попытки бразильских политических элит сделать экономику страны более национальной на фоне постепенного распада традиционализма. Этот процесс определялся Ж. Фрейри как одновременная «дезорганизация и реорганизация общества»².

В середине 1930-х годов Ж. Фрейри прилагал значительные усилия, направленные на формирование нового образа Бразилии – не только страны высокой культуры, но и государства со значительными возможностями для развития экономики. По мнению Жилберту Фрейри, трансформационные и адаптационные способности Бразилии были огромны, о чем, например, свидетельствовало то, что бразильская политическая, социальная и экономическая культура аккумулировала «европейский монархизм, африканский ислам, растворившийся в иберийском католицизме»³. Ж. Фрейри подчеркивал, что процесс развития Бразилии и бразильской экономики был в значительной степени подвержен регионализации, что стало результатом португальской колонизации, активного ввоза черных рабов, которые через межрасовые связи постепенно ассимилировались⁴, а позднее немецкой и итальянской иммиграции, которая способствовала формированию региональных особенностей в развитии бразильской экономики, наложив существенный отпечаток на процесс урбанизации Бразилии.

Позднее Бразилия стала привлекательной страной для польских, сирийских и японских иммигрантов⁵, которые разделили судьбу своих предшественников, постепенно ассимилируясь и интегрируясь в систему экономических и социальных отношений. Комментируя процесс расового смешения и формирования политической нации в Бразилии, Ж. Фрейри подчеркивал, что «победившие в военном отношении европейцы были вынуждены пойти на генетические и социальные контакты с чернокожим населением... нехватка белых женщин привела к росту связей между белыми и черными, между хозяевами и рабами... смешение рас несколько

¹ Freyre G. A Propósito de um livro em 3ª edição “Casa grande e senzala” / G. Freyre // Revista do Brasil. – 1938. – Vol. 1. – No 1. – P. 33 – 40.

² Freyre G. Atualidade da sociologia / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1941. – Outubro 8.

³ Freyre G. Os interesses do Brasil / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1938. – Novembro 10; Freyre G. Estudos afro-americanos / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1942. – Março 21.

⁴ О роли и месте негров в изменявшемся бразильском обществе см.: Freyre G. Um escravo velho / G. Freyre // Diário de Pernambuco. – 1942. – Julho 2.

⁵ Freyre G. A necessidade do pluralismo sociológico / G. Freyre // Folha de São Paulo. – 1942. – Maio 18.

уменьшило социальную дистанцию... способствуя демократизации общества в Бразилии»¹.

Проявлением регионализации следует признать и появление феномена «экономики кофе», которая, согласно Ж. Фрейри, привела к пересмотру социальных и гендерных ролей, что выразилось в «процессе девальвации мужчины»², который постепенно перестал быть центральной фигурой в системе экономических и социальных отношений на микроуровне. По мнению Жилберту Фрейри, кофе в Бразилии стал монокультурой, которая оказала значительное влияние на развитие экономики: «в Бразилии, отношения между белыми и цветными расами были обусловлены системой экономического производства... и нехваткой белых женщин... монокультура требовала огромной массы рабов»³.

Поэтому в Бразилии на протяжении «социального времени»⁴ возникло несколько культур гибридного типа, которые сочетали элементы лузо-португальской традиции, а также культурных традиций принесенных черными африканскими рабами и привезенных позднейшими итальянскими и немецкими иммигрантами. В концепции, предложенной бразильским интеллектуалом, и «старые» и «новые» бразильцы изначально являлись носителями традиционной культуры, которая не выдержала конкуренции с набирающим силу бразильским вариантом капитализма. Комментируя особенности экономической и социальной истории Бразилии, Ж. Фрейри подчеркивал, что «сельские жители стали жертвами прогресса, сахарной и кофейной промышленности»⁵ в период «социальной неопределенности и социальных колебаний»⁶.

Экономическую динамику Ж. Фрейри связывал с политическими процессами, полагая, что развитие кофейной промышленности стало одним из факторов, способствовавших падению Империи. «Кофе стал основой республиканского строя в нашей стра-

¹ Freyre G. Casa-grande e senzala: formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1933.

² Freyre G. O homem e as paisagens ruraes / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1939. – Julho 5.

³ Freyre G. Casa-grande e senzala: formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1933.

⁴ Freyre G. Atualidade da sociologia / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1941. – Outubro 8.

⁵ Freyre G. O homem e as paisagens ruraes / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1939. – Julho 5.

⁶ Freyre G. Atualidade da sociologia / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1941. – Outubro 8.

не»¹, – подчеркивал бразильский исследователь. Жилберту Фрейри полагал, что синтез различных культур и традиций на территории Бразилии вместе с новейшими техническими достижениями может создать условия для экономического и политического прорыва. По мнению бразильского интеллектуала, этот прорыв возможен при участии государства исключительно в рамках капиталистической модели развития, основанной на принципах индивидуализма и свободного рынка.

По мнению Ж. Фрейри, в Бразилии не сложились национальные предпосылки для реализации левой альтернативы. Согласно концепции предложенной Жилберту Фрейри в своей классической работе «Casa-grande e senzala»² даже бразильские индейцы были в большей степени склонны к индивидуализму, нежели к коллективизму³. Ж. Фрейри полагал, что несмотря на некую изначальную традиционность, домодерное общество в Бразилии быстро пришло в упадок, что было связано со своеобразной социальной локализацией социальных и экономических отношений на микроуровне – на уровне casa-grande – одновременно «патриархальной твердыни, часовни, школы, мастерской, святого дома, гарема и женского монастыря».

Акцентируя внимание на экономической и культурной значимости этого института, Ж. Фрейри подчеркивал, что «социальная история “большого дома” является неотъемлемой частью семейных историй многих бразильцев»⁴. Именно этот «большой дом» представлял систему социальных, политических и экономических связей, актуализированных в таких формах межгендерной и одновременно (или часто) межрасовой и межклассовой коммуникации как экономика на локальном уровне (кофе, сахар, табак), труд (работа белых и рабство черных), религия (католицизм белых, католицизм части негров и мулатов, традиционных культа черных рабов), семья и секс (фактическая полигамия с широким спектром социальных возможностей для детей, родившихся в результате связи белого и негритянки, негра и белой).

В 1930-е годы Ж. Фрейри был среди инициаторов вытеснения американских компаний из тропиков Бразилии. По мнению Ж. Фрейри, «крупнейшие тропические леса Америки» должны при-

¹ Freyre G. O homem e as paisagens ruraes / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1939. – Julho 5.

² Freyre G. Casa-grande e senzala: formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1933.

³ Freyre G. A Propósito de um livro em 3ª edição “Casa grande e senzala” / G. Freyre // Revista do Brasil. – 1938. – Vol. 1. – No 1. – P. 33 – 40.

⁴ Freyre G. Casa-grande e senzala: formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1933.

носить пользу для экономики той страны, на территории которой они находятся, то есть для Бразилии. Именно поэтому, по мнению Ж. Фрейри, леса в Бразилии следовало национализировать. С другой стороны, Ж. Фрейри выступал против вырубки сельвы под предлогом расширения сельскохозяйственных территорий. Этот процесс определялся им как «капиталистическая экспансия». «Сельское хозяйство и промышленность должны иметь свои границы и пределы»¹, – констатировалось Жилберту Фрейри в статье 1935 года «Леса Бразилии». Претензии со стороны бразильского националиста и интеллектуала Ж. Фрейри к США не ограничивались исключительно экономической сферой.

Согласно его точке зрения, между двумя странами установились неравноправные интеллектуальные отношения, что было связано с оттоком бразильских студентов в США². Именно Жилберту Фрейри был среди инициаторов создания новых университетов на территории Бразилии, полагая, что развитие национального образования является необходимым условием для экономического роста. Другой сферой, о необходимости развития которой писал Ж. Фрейри, являлся туризм³. По мнению Ж. Фрейри, следовало развивать внутренний, что могло привести к позитивным экономическим (формирование новых экономических регионов, урбанизация, возникновение новых рабочих мест, увеличение инвестиционной активности) и политическим (интеграция, усиление и консолидация гражданской бразильской идентичности) результатам.

Жилберту Фрейри заложил основания для последующего интеллектуального прорыва Бразилии. Будучи бразильским националистом, Ж. Фрейри внес значительный вклад в формирование и консолидацию идентичности бразильской политической нации. Исследования Ж. Фрейри глубоко интегрированы в процесс социальной и культурной трансформации Бразилии в рамках модернизационной модели, на которую делали ставку политические элиты. Работы бразильского интеллектуала имеют принципиально важное значение для изучения бразильской экономики, в том числе – и проблем государственного участия, так как именно они стали первой академической попыткой интерпретации и объяснения кризиса традиционных отношений и выстраивания в Бразилии новой экономической системы, основанной на ценностях политической нации, гражданской свободы (связанной с ценностями свободного рынка) и патернализма, представленного национальным государст-

¹ Freyre G. As matas do Brasil / G. Freyre // Folha do Povo. – 1935. – Agosto 12.

² Freyre G. A Propósito de relações culturais / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1941. – Fevereiro 7.

³ Freyre G. Turismo no Brasil / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1942. – Janeiro, 13.

вом как центральном элементом новой социальной, экономической и политической системы.

Капитализм, зависимость и национализм (проблемы экономического развития Бразилии в работах Сельсу Фуртаду)

Политическая динамика в Бразилии на протяжении XX века отличалась значительной нестабильностью. К началу 1930-х годов страна имела сорокалетний опыт развития в рамках республиканской капиталистической модели. Приход к власти в 1930 году Жетулиу Варгаса положил начало политическому и социальному эксперименту, связанному с приходом государства в экономику. Со второй половины 1940-х до середины 1960-х годов Бразилия развивалась в рамках в целом демократической, но не совсем стабильной политической модели. Правившие после второго свержения Жетулиу Варгаса президенты актуализировали государственное участие в экономике, взяв курс на государственно управляемую модернизацию. По мнению политических элит и интеллектуального сообщества, модернизационные процессы должны были в большей степени затрагивать экономическую сферу. Проблемы модернизации, национализма и преодоления экономической зависимости принадлежат к числу центральных в исследованиях Сельсу Фуртаду (1920 – 2004) – одного из крупнейших бразильских экономистов второй половины XX века¹.

Сельсу Фуртаду, который является знаковой фигурой в истории бразильской экономической теории XX столетия², полагал, что со-

¹ О Сельсу Фуртаду см.: Alves Cepêda V. O pensamento político de Celso Furtado: desenvolvimento e democracia / V. Alves Cepêda // <http://www.artnet.com.br/gramsci/arquiv272.htm>; Mallorquin C. Celso Furtado: vida y alma al Brasil / C. Mallorquin // <http://www.artnet.com.br/gramsci/arquiv261.htm> Ricupero B. Celso Furtado e o pensamento social brasileiro / B. Ricupero // <http://www.artnet.com.br/gramsci/arquiv260.htm>;

² Сельсу Фуртаду – автор более двадцати монографий и нескольких десятков статей, посвященных проблемам социального и экономического развития Бразилии. См.: Furtado C. L'économie coloniale brésilienne. Tese de Doutorado da Universidade de Paris, defendida na Faculté de Droit et Sciences Economiques, 1948 (португальский перевод вышел более пятидесяти лет спустя под редакцией известного бразильского экономиста Т. Шмречаного – Furtado C. Economia Colonial no Brasil nos séculos XVI e XVII / C. Furtado / apresent. do Prof. Tomás Szmrecsányi. – São Paulo, 2001. См. также: Szmrecsányi T. Retomando a questao do inicio da historiografia economica no Brasil / T. Szmrecsányi // Nova Economia. – 2004. – Vol. 14. – No 1. –

временная экономическая теория в Бразилии возникает во второй половине 1940 годов, что было связано с деятельностью «Фонда Жетулиу Варгаса», начавшего в 1947 году издание журнала «Revista Brasileira de Economia», который способствовал популяризации в элитарной Бразилии неолиберальных концепций американских экономистов¹. В 1950 году молодые бразильские экономисты инициировали новый издательский проект, положивший начало журналу «Economia Brasileira», который составил основу националистического и в некоторой степени «лефтистского» течения в рамках бразильского интеллектуального сообщества [Furtado, 1999].

На протяжении второй половины XX века бразильская экономическая теория развивалась в условиях значительного зарубежного влияния, представленного как либеральными и кейнсианскими концепциями из США, так и латиноамериканскими экономическими теориями, наиболее популярной из которых оказалась теория периферийного капитализма аргентинского экономиста немецкого происхождения Рауля Пребиша (Raúl Prebisch). Интеллектуальное сообщество в Бразилии конца 1940-х – начала 1990-х было в значительной степени фрагментировано: часть экономистов полагала необходимым «вернуться к традиционным формам развития, используя некоторые преимущества международной торговли» [Furtado, 1999] в то время, как их оппоненты (к которым относился и С. Фуртаду) настаивали на использовании тех «преимуществ, которые создавала индустриализация» [Furtado, 1999].

Сельсу Фуртаду полагал, что бразильская экономика должна стать экономикой развития. Именно поэтому С. Фуртаду вошел в

P. 11 – 37; Szmrecsányi T. Sobre a formacao da “Formacao Economica do Brasil” de C. Furtado / T. Szmrecsányi // Estudos Avancados. – 1999. – Vol. 13. – No 37. – P. 207 – 214; Szmrecsányi T. Celso Furtado / T. Szmrecsányi // Estudos Avancados. – 2001. – Vol. 15. – No 43. – P. 347 – 362; Szmrecsányi T. Celso Furtado e o inicio, da industrializacao no Brasil / T. Szmrecsányi // Revista de Economia Politica. – 2002. – Vol. 22. – No 2. – P. 3 – 14); Furtado C. A economia brasileira / C. Furtado. – Rio de Janeiro, 1954; Furtado C. Uma economia dependente / C. Furtado. – Rio de Janeiro, 1956; Furtado C. Perspectivas da economia brasileira / C. Furtado. – Rio de Janeiro, 1958; Furtado C. Uma política de desenvolvimento econômico para o Nordeste / C. Furtado. – Rio de Janeiro, 1959; Furtado C. Formação econômica do Brasil / C. Furtado. – Rio de Janeiro, 1959 (в Бразилии книга переиздавалась в 1965 и 2000 году, кроме этого вышли испанское, английское, польское, итальянское, немецкое, французское, японское, румынское, китайское издания); Furtado C. A Operação Nordeste / C. Furtado. – Rio de Janeiro, 1959; Furtado C. Desenvolvimento e subdesenvolvimento / C. Furtado. – Rio de Janeiro, 1961.

¹ Furtado C. Global Capitalism (text imprint Mexico City, Fondo de Cultura Económica, 1999. Spanish by Jorge E. Navarrete, translated by D. Ohmans) / C. Furtado // <http://webshells.com/jdoug/furtado.html> Далее ссылки на настоящую работу в тексте в квадратных скобках [Furtado, 1999].

историю экономической теории как создатель бразильской школы девелопментализма – *desenvolvimento*¹. По мнению экономиста в развитии бразильской экономики значительную роль должно играть государство, в первую очередь – в развитии промышленности. Согласно С. Фуртаду, в Бразилии, в отличие от других стран Латинской Америки, существовали наиболее благоприятные условия для индустриализации, несмотря на то, что политические элиты не смогли выработать четкой тактики и стратегии индустриализации и развития национальной промышленности. С другой стороны, несмотря на общую культурную и экономическую выделенность и отличность от других стран региона, Бразилия в социальной сфере сталкивалась с аналогичными проблемами, наибольшими из которых были бедность и отсталость [Furtado, 1999].

По мнению С. Фуртаду, к середине XX века подобная ситуация стимулировалась тем, что Бразилия не использовала весь свой экономический потенциал и несмотря на свои значительные ресурсы имела «посредственную экономику даже по сравнению с Аргентиной, чье население не составляло и трети от бразильского» [Furtado, 1999]. Сельсу Фуртаду полагал, что на развитие бразильской экономики значительное влияние оказало несколько факторов, а именно: социальная (и связанная с ней этническая) гетерогенность населения, региональные особенности, длительный период преимущественного развития аграрного сектора [Furtado, 1999]. По мнению С. Фуртаду, выбор модели развития экономики тесно связан с существующим политическим режимом и теми, кто в его рамках принимает не только политические, но и экономические решения. Развитие бразильской экономики к середине XX века контролировалось, с одной стороны, производителями кофе, а, с другой, динамично растущей промышленностью. Именно эти группировки формировали основу «социальных сил, чьи интересы соотносились с обществом в целом» [Furtado, 1999].

Кроме этого «экономические ритмы» оказались в большей степени подчиненными внешним, а не внутренним факторам, что вылилось в экономическую зависимость Бразилии. При этом С. Фуртаду указывал и на значительную роль внутренних факторов в развитии национальной экономики. Согласно С. Фуртаду, подобными факторами являются экономический рост, технологические измене-

¹ В Бразилии действует научно-исследовательский фонд «Centro Internacionais Celso Furtado de Políticas para o Desenvolvimento» (Международный центр им. Сельсу Фуртаду по изучению политики развития, сайт центра: <http://www.centrocelsofurtado.org.br>), издающий специализированный журнал «Cadernos do Desenvolvimento».

ния и увеличение населения, которое получает «доступ к новым моделям потребления»¹.

В качестве универсальной панацеи от зависимости, по мнению С. Фуртаду, следовало использовать политику индустриализации. Сельсу Фуртаду был склонен к восприятию понятий «развитие» и «рост» как в значительной степени тождественных. Именно поэтому им подчеркивалось то, что развитие или «динамизм капиталистической экономики» является эффективным только тогда, когда оно протекает в обществе с растущими рынками [Furtado, 1]. Сельсу Фуртаду полагал, что исключительно в рамках индустриализации возможно решение проблем бедности, концентрации доходов в руках узких социальных групп и региональных диспропорций. Подобная политика воспринималась им как одна из возможных стратегий, которые будут способствовать преодолению отсталости экономики, которая «во второй половине XX века демонстрировала наиболее значительный и стабильный рост» [Furtado, 1999].

Начиная с 1950-х годов правящие элиты в Бразилии принимали попытки индустриализации и создания благоприятных условий для развития национальной промышленности, тем не менее, их усилия привели к военному перевороту 1964 года, после которого новые элиты попытались достичь экономического роста, используя в одинаковой степени политические, экономические и социальные методы. Тем не менее, военный режим не следовал исключительно тем рецептам, которые были выработаны в работах Сельсу Фуртаду, что уже в 1970-е годы начало вызывать опасения того, что «Бразилию ожидает долгий путь к современному обществу» [Furtado, 1999].

Анализируя развитие бразильской экономики, С. Фуртаду полагал, что Бразилия не разрабатывала своих уникальных стратегий, но развивалась экстенсивно: «Бразилия просто выросла»². С другой стороны, экономическая модель, основанная на «развитии внутреннего рынка с характерным для него значительным потенциалом» [Furtado, 1999], привела к экономическому росту. В рамках этого поста изменились и экономические стратегии поведения значительной части бразильцев, которые демонстрировали увеличение своей покупательной способности, что имело принципиальное значение для воспроизводства и функционирования системы [Furtado, 1].

В конце 1990-х годов С. Фуртаду в своих исследованиях значительное внимание уделял проблемам развития глобального капита-

¹ Furtado C. El nuevo capitalismo / C. Furtado // <http://www.eclac.cl/publicaciones/xml/2/19372/furtado.htm> Далее ссылки на эту работу С. Фуртаду приводятся в тексте как [Furtado, 1].

² Furtado C. Metamorfoses do capitalismo / C. Furtado // <http://www.redcelsofurtado.edu.mx/archivosPDF/furtado1.pdf>

лизма и глобализации. Сельсу Фуртаду полгал, что под глобализацией следует понимать «процесс роста взаимозависимости национальных экономик» [Furtado, 1999]. Для Сельсу Фуртаду характерно оригинальное восприятие процессов глобализации. Он полагал, что глобализация и становление мировой экономики не являются феноменом исключительно современным. Согласно концепции, предложенной бразильскими экономистом, мировая глобализирующаяся экономика представляет собой лишь восстановление «экономического динамизма», который был ранее характерен для капиталистической системы, но вера в который была подорвана двумя мировыми войнами и идеологическим расколом мира.

В связи с этим Сельсу Фуртаду констатировал, что «мы вернулись к оригинальной капиталистической модели, основанной на экспорте и инвестициях» [Furtado, 1]. По мнению бразильского экономиста, мировой капитализм является не только транснациональным, но и преимущественно финансовым феноменом. Формой развития мирового капитализма, как полагал С. Фуртаду, является региональная интеграция, которая в экономической сфере ведет к размыванию национального государства, что, например, проявляется в отказе от национальных валют. Глобализация экономики, как полагал С. Фуртаду, придавала особую актуальность вопросам, связанным с ролью государства [Furtado, 1999]. Экономическая дилемма состояла в том, кто должен и вправе направлять развитие национальных экономик – государство или свободный рынок. Согласно С. Фуртаду ситуация осложняется и тем, что международная экономическая интеграция ведет к сокращению регулятивной роли государства в сфере национальной экономики. Поэтому начинается процесс постепенного исчезновения «пространства для реализации национальной политики» [Furtado, 1999].

Политическая модернизация в Бразилии XX века развивалась на фоне экономической. Экономические процессы протекали в контексте политических экспериментов и социальных трансформаций. Бразилия, в отличие от других стран Запада, позднее вступила на путь политической и экономической модернизации, что оказало существенное влияние на эти процессы. Бразилия как страна догоняющей модернизации, догоняющего развития стремилась в максимально короткие сроки ликвидировать и преодолеть свое отставание от развитых стран. Это привело к формированию в Бразилии ограниченно мобилизационного типа экономики при сохранении рыночных отношений, что вылилось в политическую нестабильность, склонность к авторитарным политическим экспериментам, которые воспринимались как одно из условий экономического роста.

Проблемы модернизации и авторитаризма в Бразилии (на примере работ Симона Шварцмана)

Политическая модернизация в Бразилии ограничивалась трансформацией политической культуры, консолидацией политической идентичности и гражданской нации. Вероятно, процессы политической модернизации протекали не столь успешно, как модернизация в экономической сфере. К середине 1960-х годов перед бразильскими элитами вновь стала дилемма выбора пути политического развития при динамично трансформирующейся экономике. Бразильские элиты оказались вынуждены выбирать между демократической моделью и авторитаризмом. Переворот 1964 года положил начало новому, авторитарному, этапу в истории Бразилии. Проблемы соотношения демократии и авторитаризма привлекали значительное внимание интеллектуалов, которые пытаются ответить на вопрос, как экономические процессы, политические культуры, интеллектуальные традиции влияли на модернизационные процессы в Бразилии.

Среди бразильских исследователей, внесших значительный вклад в изучение этой тематики, особое место принадлежит Симону Шварцману¹, который в своих исследованиях 1970 – 1980-х годов стремился активно сочетать методы не только экономического, но политического и социального анализа².

Симон Шварцман полагал, что во второй половине XX века в Бразилии сложились особые отношения между обществом и государством. Другим фактором, который оказал значительное влияние на развитие политической и экономической сферы, были противо-

¹ Симон Шварцман принадлежит к той группе интеллектуалов, которая связана американской научной традицией. В 1973 году С. Шварцман получил степень Доктора Философии в Университете Беркли (Калифорния). См.: Schwartzman S. Regional Cleavages and Political Participation in Brazil. A dissertation presented to the Graduate Division of the University of California at Berkeley in partial fulfillment of the requirements for degree of doctor of philosophy 1973 / S. Schwartzman. – Berkeley, 1973. Для последующих исследований С. Шварцмана характерно сочетание достижений мировой политологии и бразильской традиции политического, социального и экономического знания.

² Schwartzman S. Celso Furtado: subdesenvolvimento e estagnação na América Latina / S. Schwartzman // Revista Latino-Americana de Sociologia. – 1967. – No 1; Schwartzman S. Desenvolvimento e abertura política / S. Schwartzman // Dados. – 1969. – No 5; Schwartzman S. Representação e cooptação política no Brasil / S. Schwartzman // Dados. – 1970. – No 7; Schwartzman S. São Paulo e o estado nacional / S. Schwartzman. – São Paulo, 1975.

речия между центром гражданского общества – Сан-Паулу и городами, связанными с традиционной политической культурой – Рио-де-Жанейро и Бразилиа. По мнению С. Шварцмана, именно из Сан-Паулу исходили инициативы «создания более открытой и стабильной системы»¹. Подобные проекты, вероятно, стимулировались тем, что «важнейшие штаты Бразилии практически никогда не играли такой политической роли, которая соответствовала бы их экономическому и демографическому значению» [Schwartzman, 1988].

Отличия между отдельными бразильскими регионами проявляются в путях развития двух системообразующих штатов – Сан-Паулу² и Минас-Жерайс, которые составляли центральные элементы оси «кофе – молоко». В экономической сфере Минас-Жерайс в значительной степени проигрывал кофейному Сан-Паулу, хотя Жетулиу Варгас был связан в большей степени с «мясомолочной» олигархией. Тем не менее, «мясомолочный» компонент бразильского экономического регионализма не пользовался столь большим вниманием со стороны государства как кофейный, о чем свидетельствует создание в 1931 году Национального совета кофе, в 1933 – Национального Департамента кофе, а в 1952 – Бразильского Института Кофе [Schwartzman, 1988].

Региональные диспропорции, «исторические оппозиции между городскими и сельскими сообществами», имеющие экономический бэк-граунд, привели к возникновению в Бразилии феномена «уникальной и атипичной индустриализации»³ и урбанизации» [Schwartzman, 1988]. Политическая реальность Бразилии состояла в том, что инициатива принятия решений исторически принадлежала Рио-де-Жанейро, а позднее – Бразилиа, что привело к невозможности для Сан-Паулу создать такую политическую систему, которая могла эффективно противостоять центру. Подобная ситуация в Бразилии сложилась исторически. По мнению бразильских исследователей, страна «унаследовала политическую систему, которая оказалась не в состоянии функционировать в качестве агента или представителя общества, но могла развиваться в соответствии со своей собственной динамикой» [Schwartzman, 1988].

Такая модель развития, как считает С. Шварцман, усложняет анализ бразильской политической модели: с одной стороны, не

¹ Schwartzman S. Bases do autoritarismo brasileiro / S. Schwartzman. – Rio de Janeiro, 1988. Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте в квадратных скобках [Schwartzman, 1988].

² О Сан-Паулу в контексте развития регионализма в Бразилии см.: Almeida Azevedo S. Imigração e colonização no Estado de São Paulo / S. Almeida Azevedo. – São Paulo, 1941.

³ Об особенностях индустриализации в Бразилии см.: Dean W. A industrialização de São Paulo / W. Dean. – São Paulo, 1971.

представляется возможным интерпретировать ее в рамках марксизма с его вниманием к классовой составляющей экономических и политических изменений; с другой, веберовский принцип анализа социальности в контексте политической наследственности также не совсем применим к Бразилии, так как она не знала принципов дворянства и элитарности в европейском понимании. Именно поэтому Симон Шварцман указывал на невозможность интерпретировать историю бразильской модернизации как истории «противостояния между бедными и богатыми, капиталистами и пролетариатом, эксплуататорами и эксплуатируемыми, аграрным сектором и промышленностью» [Schwartzman, 1988].

Специфика бразильского экономического, социального и политического развития, в отличие от Европы, состояла в особой роли государства. Именно поэтому в Бразилии сложился бюрократический тип политической системы. Бюрократы-технократы играли особую роль и в Империи (в период правления Педру II) и в республиканский период, например – в рамках «нового государства» Жетулиу Варгаса. Процессы экономической модернизации в Бразилии были отягощены социально-региональными противоречиями [Schwartzman, 1988]. Попытки форсированной модернизации в рамках авторитарной модели в период правления Ж. Варгаса привели к значительной политизации рабочего класса. Жетулиу Варгас, стремившейся в минимальной степени включить рабочих в процесс перераспределения национального богатства, почти не уделял внимания аграрным проблемам. Подобная политика оценивается С. Шварцманом как яркое проявление «консервативной модернизации» [Schwartzman, 1988].

В свою очередь, авторитарный режим, установленный после 1964 года, стремился исключить из политической сферы как городские, так и сельские слои. Особое внимание уделялось недопущению городских интеллектуалов, которые могли ставить под сомнение легитимность авторитарного режима. Региональные противоречия в Бразилии, как полагает С. Шварцман, осложнялись и экономическими дискуссиями относительно роли государства. Бразильское общество было фрагментировано: часть интеллектуалов защищала идеи свободного рынка, другие настаивали на необходимости сохранения свободы индивидуального предпринимательства, третьи выступали в защиту государственного вмешательства. Симон Шварцман, анализируя историю бразильского либерализма, полагал, что он проигрывал своим политическим конкурентам и в силу того, что «отрицал социальное планирование, необходимость государственного вмешательства в экономическую жизнь, возможность создания единых социальных и национальных ценностей» [Schwartzman, 1988].

Этатизм, с другой стороны, был слаб в силу отсутствия контрольных механизмов, что способствовало его трансформации в авторитаризм. Этатистская риторика политических элит¹ в Бразилии тесно смыкалась с популизмом. Симон Шварцман полагает, что в XX столетии в Бразилии существовало два типа политического и экономического популизма: первый тип популизма представлял форму коммуникации между элитами и массами «без посредничества иных социальных групп»; второй – использовался в наибольшей степени для достижения власти и ее дальнейшей концентрации. Такой тип популизма, определяемый С. Шварцманом как фашистский, был в наименьшей степени характерен для Бразилии [Schwartzman, 1988].

По мнению С. Шварцмана, авторитаризм сыграл значительную роль в социальной и экономической трансформации Бразилии: к моменту демократического перехода в 1980-е года бразильское общество радикальным образом отличалась от социума первой половины 1960-х годов, став более «более урбанизированным и промышленно развитым». В этом контексте авторитаризм выполнил историческую функцию перехода от «протокапиталистического общества к капиталистическому». Урбанизация привела не только к оттоку населения из аграрной периферии в города, но и к формированию т.н. «опасных классов», появление которых было вызвано «отсутствием адекватной структуры занятости в промышленном секторе» [Schwartzman, 1988].

Шварцман, анализируя феномен авторитаризма в Бразилии, высказывал мнение о том, что бразильский вариант авторитаризма «не представляет собой приходящее явление, он имеет глубокие исторические корни, а его последствия не могут быть ликвидированы путем проведения простой структурной перестройки». В этом контексте С. Шварцман констатировал, что Бразилия «страдает от врожденного стигмата авторитарности, от которого нет спасения» [Schwartzman, 1988]. Симон Шварцман полагал, что ранняя поставторитарная Бразилия 1980-х годов менее всего нуждается в политических дебатах, испытывая значительную потребность в партнерстве со стороны общества, что будет способствовать политической, социальной и экономической модернизации. По мнению С. Шварцмана, модернизация была невозможна без отказа от тех механизмов «обеспечения социальной стабильности» [Schwartzman, 1988], которые сложились между двумя мировыми войнами и к 1980-м годам стали архаичными. Государству, в свою очередь, согласно С. Шварцману, следовало большее внимание уделять своим социальным обязательствам перед обществом, а также «создать ин-

¹ О политических элитах в Бразилии см.: Boschi R.R. *Elites industriais e democracia (Hegemonia burguesa e mudança política)* / R.R. Boschi. – Rio de Janeiro, 1979.

фраструктуру для развития современной экономики». Симон Шварцман считал, что в условиях демократического транзита Бразилия остро нуждалась в национальном консенсусе, в рамках которого обществу следовало, с одной стороны, признать существование национального государства, а государству, с другой более активно реагировать на «социальные потребности общества» [Schwartzman, 1988].

Политические и экономические эксперименты Жетулиу Варгаса, экономические и в меньшей степени политические опыты его наследников (Жуселину Кубичека и Жоау Гуларта), а также почти исключительно экономические мероприятия военного режима, установленного в 1964 году, являются основными этапами развития дихотомии «экономика – политика» в рамках бразильской модели модернизации. Переключение политических режимов, существовавших со второй половины 1950-х годов, на решение преимущественно экономических задач привели к постепенному кризису тех социальных и культурных институтов, которые Симон Шварцман определил как «основы авторитаризма». Сохранение рынка и принципов частной собственности в совокупности с экономическими переменами привели к консолидации гражданского общества и выбору бразильских элит в пользу демократической модели развития.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ В БРАЗИЛИИ 1930 – 1940-Х ГОДОВ

Политический либерализм в Бразилии в начале 1930-х годов (антиэтатизм Медейруша и Альбукерке)

Первое правление Жетулиу Варгаса, которое отличалось свертывание демократических процедур и сокращением роли представительных институтов, стало важным этапом в истории государственного участия в управлении экономикой. В 1930-е годы бразильские правящие элиты предпринимали не только активные попытки государственного регулирования, но и стимулировали интеллектуалов к поиску наиболее оптимальных и эффективных моделей государственного вмешательства. Режим Жетулиу Варгаса не был демократическим. В период 1930-х – первой половине 1940-х годов в Бразилии получила развитие авторитарная политическая идентичность, центральным элементом которой было активно национализирующееся и расширяющее сферу своей деятельности государство. Именно поэтому на этапе правления Варгаса в Бразилии вышло несколько работ, написанных как с официальных, так и оппозиционных позиций, которые имеют принципиально важное значение для развития и дальнейшей трансформации бразильского этатизма.

Среди противников режима Жетулиу Варгаса особое место занимал Жоан-де-Кампуш Жоаким да Коста и Медейруш и Альбукерке (Medeiros e Albuquerque, 1867 – 1934) – автор книги «Парламентаризм и президентализм в Бразилии»¹, вышедшей на раннем этапе правления Ж. Варгаса, в 1932 году.

Центральной идеей в концепции Медейруш и Альбукерке была связь между политическим режимом, точнее – формой правления, и социально-экономическим развитием. По мнению бразильского автора в Бразилии более приемлемым был режим парламентской демократии [Medeiros e Albuquerque, 1932], а не президентской республики. По мнению бразильского автора, учреждение института

¹ Medeiros e Albuquerque. Parlamentarismo e presidencialismo / Medeiros e Albuquerque. – Rio de Janeiro, 1932. Далее ссылки в тексте в квадратных скобках [Medeiros e Albuquerque, 1932]

президентства в Бразилии явилось исторической ошибкой, вызванной сложностями перехода от Империи к Республике. Медейруш и Альбукерке, анализируя особенности развития президентской власти в Бразилии, полагал, что существенным фактором стала своеобразная историческая и политическая инерция, связанная с тем, что в имперский период центральной политической фигурой был император [Medeiros e Albuquerque, 1932].

Другим фактором, который упоминает Медейруш и Альбукерке, была идеализация президентской системы в США и практически полное отсутствие опыта политической деятельности в президентских режимах. Анализируя институт президентства в США Медейруш и Альбукерке подчеркивал, что своим прогрессом Соединенным Штатам обязаны не американским президентам, а благоприятной экономической динамикой [Medeiros e Albuquerque, 1932]. Медейруш и Альбукерке, критикуя президентский режим, настаивал на том, что наличие института президентства ведет к росту коррупции, делая элиты безответственными перед избирателями. В связи с этим бразильский политик констатировал, что «парламентская система уникальна тем, что в ее рамках существует ответственность власти... в противоположность ей президентская система предстает как полностью безответственная» [Medeiros e Albuquerque, 1932].

Примером подобной безответственности, как полагал Медейруш и Альбукерке, стала внешняя политика бразильского президента Венсеслау Браза, который инициировал вступление Бразилии в первую мировую войну на стороне Антанты, что не соответствовало бразильским национальным интересам. Критикуя внешнюю политику В. Браза, Медейруш и Альбукерке полагал, что втягивание Бразилии в войну привело к усилению американских позиций в бразильской экономике [Medeiros e Albuquerque, 1932]. Подобные идеи были, вероятно, навеяны свертыванием демократических институтов, инициатором чего стал президент Жетулиу Варгас. Медейруш и Альбукерке настаивал на том, что президентский режим неизбежно приведет к установлению авторитаризма, что связано с его закрытостью.

Медейруш и Альбукерке полагал, что для Бразилии президентский режим неприемлем и по той причине, что политические элиты должны играть патерналистскую роль в отношении всего населения страны в целом. С другой стороны, Медейруш и Альбукерке подчеркивал, что парламентские режимы легко отстраняемы от власти политической оппозицией, что дает возможность избежать не только военных переворотов, но и возможных революционных потрясений. Осуществление связи между массами и элитами, согласно точке зрения бразильского политика, было возможно ис-

ключительно через избираемый парламент, но не через фигуру президента [Medeiros e Albuquerque, 1932].

По мнению бразильского автора, Бразилии надлежало в политической сфере следовать примеру Франции и Великобритании, успех которых в первой мировой войне он связывал с существовавшими там режимами парламентской демократии. Политический кризис Германии и Австро-Венгрии, который привел их к военному поражению, как считал бразильский политик, был вызван существованием в этих странах режимов, центральной фигурой которых был император. Сравнивая империи и президентские республики Медейруш и Альбукерке настаивал, что между этими системами много общего, но главное сходство состоит в снижении адаптивной способности реагировать на внешние и внутренние политические вызовы.

По мнению бразильского политика, президентская система была неприемлема для Бразилии и по причине слабости политических элит: «каждый раз, когда у нас дело доходит до выборов президента, мы осознаем, что достойные кандидаты отсутствуют» [Medeiros e Albuquerque, 1932]. Медейруш и Альбукерке в своей критике президентских режимов исходил из того, что они крайне не только не склонны к развитию, но и крайне трудно отстраиваемы от власти, что может способствовать росту политической нестабильности [Medeiros e Albuquerque, 1932]. С другой стороны, парламентская демократия позиционировалась им как более открытая система, способная адаптироваться к изменениям и адекватно реагировать на внутренние политические вызовы. В начале 1930-х годов Медейруш и Альбукерке в значительной степени верно прогнозировал будущую политическую нестабильность авторитарного президентского режима Жетулиу Варгаса, который действительно в середине 1940-х годов был отстранен от власти в результате военного переворота.

В теоретическом плане концепция Медейруша и Альбукерке близка к идеологии европейского либерализма. Спустя несколько лет усилиями теоретиков «австрийской школы» будут оформлены концепции, призванные показать опасность политической концентрации власти и государственного участия в экономике со стороны авторитарных режимов. Защищая в политической сфере ценности и принципы парламентской демократии, бразильский политик стремился остановить процесс трансформации роли государства. Эта трансформация имела не только политическое, но и экономическое измерение, связанное с тем, что именно правящие политические элиты, которые консолидировались вокруг фигуры президента, являлись инициаторами государственного вмешательства в экономику.

Частная сфера и национальное государство (проблемы социально-экономической уникальности Бразилии в концепции Нестора Дуарти)

Политическое и интеллектуальное пространство Бразилии в 1930-е годы развивалось фрагментировано. Значительную часть интеллектуалов составляли сторонники президента Жетулиу Варгаса, которые писали о необходимости и пользе государственного участия в управлении экономикой, полагая, что именно авторитарная политическая модель в наибольшей степени соответствует национальным особенностям бразильцев. Их оппоненты, наоборот, писали о пользе демократических институтов, предпочитая более осторожно оценивать государственное участие в экономической жизни. К этой группе относился Нестор Дуарти (Nestor Guimarães Duarte, 1902 – 1970).

По мнению Нестора Дуарти, значительное влияние на формирование бразильской модели экономического развития оказал колониальный период, когда были заложены основы «социальной организации» бразильского общества¹. Нестор Дуарти полагал, что бразильское общество формировалось на протяжении длительного времени через синтез лузо-бразильских (португальских) и африканских элементов. Значительную роль сыграло то, что территория будущей Бразилии была колонизирована именно португальцами, которые принесли в колонию социальные отношения и экономические институты, характерные для Португалии [Duarte, 1939].

Поэтому на раннем этапе колониальной истории бразильское общество можно интерпретировать как попытку трансплантации португальской модели социально-экономического развития, представленного в различных формах «культуры и социальной активности португальского народа», которые были тесным образом связаны с «общинным духом нации и религиозными чувствами». На протяжении колониального периода важнейшими акторами экономической жизни были Католическая Церковь и семья, а роль государства, представленного колониальной администрацией, была не столь значительной, хотя именно в период пребывания Бразилии в составе Португалии были заложены основы такого типа экономического и политического управления, который Нестор Дуарти определял как «корпоративный» [Duarte, 1939].

¹ Duarte N. A Ordem Privada e a Organização Nacional (Contribuição à Sociologia Política Brasileira) / N. Duarte. – Rio de Janeiro, 1939. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте в квадратных скобках [Duarte, 1939].

Семейные отношения оказали существенное влияние на развитие бразильской экономической модели, заложив принципы патернализма и патерналистского отношения со стороны сильных в отношении слабых. Анализируя фактор семьи в ранней бразильской истории, Нестор Дуарти предполагал, что в Бразилии сложился феномен особого «семейного феодализма» – системы социально-экономических отношений, в рамках которой центральным элементом политических и экономических связей была семья. Постепенно функции семьи вышли за пределы элементарного воспроизводства новых членов колониального общества: семья начала играть политические и экономические роли.

Подобные процессы привели к возникновению феномена *casa grande*, вылившегося в закрепление неполноправного статуса женщины, определяемого Н. Дуарти как «социальная неполноценность». Эта «неполноценность» проявлялась и в том, что на микроуровне белые девушки были вынуждены конкурировать с молодыми черными рабынями. Эта конкуренция не остановила процесс расового смешения в Бразилии, что наложило существенный отпечаток на экономические и социальные отношения аграрного микроуровня бразильского общества. Нестор Дуарти, признавая авторитет Ж. Фрейри в изучении «большого дома», подчеркивал, что именно *casa grande* представляет собой «самый высокий уровень социальной организации за пределами государства» [Duarte, 1939].

Значение колониального периода, как полагал Н. Дуарти, состояло в формировании «стабильного и устойчивого общества». С феноменом *casa grande* в Бразилии был связан и институт рабства. Белые португальские мужчины в отношении своих рабов были вынуждены играть патерналистские роли. Ситуация «распущенности семейных отношений» [Duarte, 1939], как полагает Нестор Дуарти, привела к тому, что социальное существование рабынь протекало между постелью господина и кухней. В подобной ситуации черные не вызывали отторжения у белых португальцев. Чувство расовой терпимости распространялось и на мулатов. Эта своеобразная «роль отца» как правило, исполнялась экономически, но в ряде случаев – и фактически. Институт рабства в Бразилии оказался тесно связан с институтом семьи: рабство не имело значения вне пределов локального сообщества, что свидетельствует о силе социальной взаимосвязи между господами и рабами.

Особую роль в экономической трансформации Бразилии как португальской колонии, согласно Н. Дуарти, сыграло то, что именно португальцы принесли в регион институты частной собственности. Анализируя колониальный этап в бразильской истории Н. Дуарти, предположил, что тогда были заложены основы своеобразного

антиурбанизма, что создало условия для развития «преимущественного аграрной модели общества» [Duarte, 1939]. Именно этот преимущественно аграрный характер Бразилии привел к установлению экономики монокультур. Первой монокультурой, которая оказала значительное влияние на развитие Бразилии, был сахар.

Экспорт сахара привел не столько к экономическому росту колонии, сколько оказал влияние на ее урбанизацию и усложнение социальной и экономической структуры колониального общества. Если на раннем этапе колонизации ее основными участниками были белые португальцы-католики, то спустя сто лет после появления европейцев социальная картина в Бразилии выглядела более сложно: кроме сводного белого населения, составлявшего основу «экономического класса», и черных рабов существовали и новые социальные группы – метисы и мулаты.

С другой стороны, освоение бразильцами новых культур, кофе и какао, позволили начать более активную внутреннюю колонизацию, что привело к существенному расширению экономического пространства. Внутренняя колонизация Бразилии протекала в условиях «отсутствия белых женщин». В этом контексте Н. Дуарти солидарен с Ж. Фрейри, который полагал, что расовое смешение «в пределах обширной географической среды» [Duarte, 1939] оказало значительное влияние на развитие социальных и экономических отношений в Бразилии. Характерной чертой экономической динамики колониальной Бразилии была демографически-финансовая диспропорция: в регионе было много белых и черных мужчин, черных женщин, но крайне не первым крайне не хватало белых женщин и денег.

Это создало условия для расовой миксации и возникновения плантационного хозяйства, для постепенного политического и экономического отдаления южноамериканских колоний от Португалии. Негативную роль сыграли и территориальные размеры колонии, которые способствовали формированию ее экономической самодостаточности. Отделение Бразилии от Португалии поставило перед бразильскими элитами новые задачи, важнейшие из которых были связаны с преодолением экономической отсталости и формированием политической нации. Попытка форсированной интеграции и консолидации нации была предпринята в рамках авторитарной модернизационной стратегии, в пользу которой в 1930-е годы сделал выбор Жетулиу Варгас.

Интегралистские концепции социального и экономического развития Бразилии

В работах Жилберту Фрейри представлена академическая позиция бразильского интеллектуального сообщества относительно перспектив социального развития и экономической модернизации Бразилии. Наследие Ж. Фрейри является неотъемлемой частью классической социо-экономической гуманитарной традиции в Бразилии. Среди современников и оппонентов Жилберту Фрейри были интеллектуалы разных политических убеждений – от правых до левых. Вероятно, наиболее крупным правым интеллектуалом в бразильской политической истории XX века является Пилиниу Салгаду – фигура почти неизвестная среди российских исследователей. Вокруг Пилиниу Салгаду в советский период был создан ареол реакционера и фашиста. Пилиниу Салгаду на протяжении некоторого времени действительно являлся лидером интегрализма¹ – бразильского аналога европейского континентального фашизма. Поэтому экономические теории и концепции интегралистов Бразилии испытывали мощное влияние со стороны фашистской идеологии.

Одной из центральных идей бразильского интегрализма была идея экономического роста и развития, которые должны были базироваться не только на политике государственного вмешательства в экономику, но и государственном гарантировании социального и классового мира. Государству в идеологии интегрализма, делавшего ставку на идеи «духовной и культурной революции», следовало играть патерналистскую функцию, направленную на обеспечение «социального и политического порядка»², «национальное возрождение по всем направлениям»³. Патернализм государственной власти, по мнению теоретиков интегрализма, мог обеспечить не только

¹ Araújo R.B. de, *Totalitarismo e Revolução: O Integralismo de Plínio Salgado* / R.B. de Araújo. – Rio de Janeiro, 1987; Barbosa J.R. *A ascensão da ação integralista brasileira, 1932 – 1937* / J.R. Barbosa // RICFFC. – 2006. – Vol. 6. – No 1 – 3. – P. 67 – 82; Bertonha J.F. *Entre Mussolini e Plínio Salgado: o Fascismo italiano. O integralismo e o problemas descendentes* / J.F. Bertonha // RBH. – 2001. – Vol. 21. – No 40. – P. 85 – 105; Bertonha F. *A máquina simbólica do integralismo* / F. Bertonha // HP. – 1992. – No 7; Brito Silva G. *Uma proposta de análise interdisciplinar para os estudos do integralismo* / G. Brito Silva // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 75 – 98; Brito Silva G. *No entre guerra a situação dos integralistas na implantação de Getúlio Vargas do Estado Novo* / G. Brito Silva // História. – 2005. – No 30. – 225 – 241

² Salgado P. *A Lei de Segurança Nacional* / P. Salgado // *A Offensiva!* – 1935. – Janeiro 31. Далее ссылки на эту статью приводятся в тексте [Salgado, 1935]

³ Barroso G. *O integralismo* / G. Barroso // <http://www.integralismorio.org/doutrina/arquivos/index.html> Далее ссылки на эту статью приводятся в тексте [Barroso 1]

правильное развитие экономики, но и справедливое разрешение социальных проблем¹. Плиниу Салгаду² определял интегрализм как «революционное движение»³. Другой теоретик движения Жуставу Баррозу подчеркивал, что интегрализм не является политической партией в силу того, что партии в экономической и социальной жизни отстаивают интересы отдельных групп, а интегрализм в качестве центральной цели видит развитие государства [Barroso 1].

Подчеркивая трансформационность и переходность эпохи, П. Салгаду утверждал, что государство в Бразилии само должно стать «великим революционером» [Salgado], руководя процессами политической модернизации и создавая эффективную экономику. Политическим идеалом бразильского интегрализма было «неделимое, сильное, мощное, процветающее государство». Интегралисты полагали, что создание подобной системы невозможно пока Бразилия будет оставаться «государством борющихся партий, которые ведут страну к распаду» [Manifesto, 07.10.1932]. С другой стороны, общественный порядок, как полагал П. Салгаду, тесно связан с культурной и интеллектуальной ситуацией в Бразилии, являясь «следствием нравственного отношения государства» к собственным гражданам [Salgado, 1935].

Именно поэтому П. Салгаду подчеркивал, что одной из задач интегрализма является трансформация Бразилии в такое государство, о котором в первой четверти XX века писал Алберту Торрес [Salgado]. Интегралисты настаивали на необходимости трансформации и модернизации бразильской государственности, полагая, что государство не ограничивается «только правительством и управлением» [Manifesto, 07.10.1932]. В политической концепции интегрализма государства – это Нация, основанная на классовой солидарности и ценностях корпоративизма [Barroso 1]. По мнению Плиниу Салгаду, основной вызов, направленный против Бразилии, исходил не только от международного капитализма, «влияющего на решения правительства и подрывающего интересы бразильской на-

¹ Manifesto de 7 de Outubro de 1932 // <http://www.integralismorio.org/doutrina/arquivos/index.html> Далее ссылки на Манифест 7 октября 1932 году приводятся в тексте [Manifesto, 07.10.1932]

² Salgado P. O que é integralismo / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1933; Salgado P. A voz de oeste / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1934; Salgado P. O sofrimento Universal / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1934; Salgado P. Obras Completas / P. Salgado. – São Paulo, 1955; Salgado P. Trepande / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1972; Salgado P. O esperado / P. Salgado. – São Paulo, 1981; Salgado P. O dono do mundo / P. Salgado. – São Paulo, 1999.

³ Salgado P. Sentido e ritmo da nossa revolução / P. Salgado // <http://www.integralismorio.org/doutrina/arquivos/index.html> Далее ссылки на эту статью приводятся в тексте [Salgado]

ции» [Manifesto, 07.10.1932], но и от мирового коммунизма, который делал ставку на революционное движение.

В рамках подобного восприятия коммунисты автоматически становились врагами Бразилии в силу того, что они ставили классовые интересы выше, чем необходимость экономического развития собственной страны. Поэтому П. Салгаду настаивал на том, что революционная модель, на реализации которой настаивали коммунисты, не может быть принята в Бразилии [Salgado, 1935]. Плинию Салгаду настаивал на том, что для 1930-х годов наилучшей формой развития Бразилии является демократия¹. Другие теоретики интегрализма 1930-х годов полагали, что экономическая политика Ж. Варгаса не является эффективной по причине ее «безнравственности, обмана, мошенничества и пустых обещаний»². Режим Жетулиу Варгаса определялся Жуставу Баррозу как «псевдодемократия», а его появление связывалось с кризисом либерализма [Barroso].

По мнению П. Салгаду, репрессии против коммунистов только способствовали росту популярности их идей, превращая левых революционеров в мучеников. Плинию Салгаду полагал, что коммунизм в своей экономической политике не может быть эффективным, так как представляет не качественно новую, но частично измененную капиталистическую систему [Manifesto, 07.10.1932]. В связи с этим П. Салгаду подчеркивал, что «борьба против коммунизма не может обретать форму исключительно репрессий. Коммунизм – это проявление социальной боли» [Salgado, 1935]. Именно нерешенность социальных проблем, как полагал П. Салгаду, давала коммунистам возможность оспаривать ту модель экономического развития, в пользу которой сделал выбор Ж. Варгас.

Полемизируя с бразильскими коммунистами, «экстремистами под руководством Карлоса Луиса Престеса» [Salgado, 1935], относительно стратегии развития Бразилии, Плинию Салгаду выражал свое несогласие и с политикой авторитарного режима Ж. Варгаса, который сделал ставку на решении коммунистической проблемы путем репрессий. В целом для интегрализма был характерен как политический, так и экономический антикоммунизм. Коммунизм воспринимался ими как идеология неправильная – и с политической, и с экономической точек зрения. В одном из наиболее значимых документах бразильского интегрализма, Манифесте 10 октября 1932 года, подчеркивалось, что «коммунизм разрушает семья, стремясь поработить рабочего государством, коммунизм разрушает че-

¹ Salgado P. À Bandeira Nacional / P. Salgado // Diário de São Paulo, - 1973. – Novembro 25.

² Barroso G. Revolução Interior / G. Barroso // <http://www.integralismorio.org/doutrina/arquivos/index.html> Далее ссылки на эту статью в тексте [Barroso]

ловеческую личность, чтобы подчинить индивида обществу, коммунизм разрушает религию, чтобы уничтожить лучшие человеческие инстинкты, коммунизм убивает личную инициативу» [Manifesto, 07.10.1932].

Крупный теоретик интегрализма Ж. Баррозу, критикуя коммунистов, подчеркивал их связи с иностранными государствами, что создавало угрозу суверенитету Бразилии [Barroso]. Бразильским интегралистам казалось, что политика Ж. Варгаса, направленное на постепенное выдавливание иностранных корпораций, является слишком медленной и непоследовательной. Поэтому Жайми Кастру в иносказательной форме подчеркивал, что интересы бразильцев игнорируются, а проникновение иностранного капитала в экономику продолжается, когда «миллионы бразильцев страдают от голода»¹.

В качестве альтернативы режиму Варгаса, который, по мнению П. Салгаду, был недемократическим (в связи с этим фактом лидер интегралистов патетически восклицал: «мы не хотим диктатуры – только варвары могут мириться с диктатурой» [Salgado]), бразильские интегралисты предлагали построить государство социальных корпораций, в большей степени интегрировать в состав бразильской нации европейских переселенцев. Мариу Медейруш, например, указывал на необходимость интеграции бразильских немцев², что в принципе (правда, в большей степени политически, а не экономически) пытался сделать и Ж. Варгас. Кроме этого, П. Салгаду констатировалась необходимость выработки новой региональной политики, которая позволила бы уменьшить экономические диспропорции в развитии между отдельными бразильскими регионами, способствуя национальной консолидации. П. Салгаду настаивал, что если власти не изменят региональную политику «бразильский народ будет оставаться разделенным, ослабленным и неспособным противостоять засилью иностранного капитала» [Salgado].

Анализируя экономические концепции Плиниу Салгаду, следует принимать во внимание и то, что его можно назвать предшественником использования медицинской терминологии для описания экономических процессов. Описывая состояние бразильской экономики к середине 1930-х годов, П. Салгаду констатировал: «пациент шевелится и стонет, но никто не вспомнил о том, что его надо надежно зафиксировать» [Salgado, 1935]. Бразильские интегралисты настаивали, что большинство экономических проблем, с которыми в 1930-е годы столкнулась Бразилия, связаны с особенностями раз-

¹ Castro J. A Noite dos Tambores Silenciosos / J. Castro // <http://www.integralismorio.org/doutrina/arquivos/index.html>

² Medeiros M.F. O Integralismo e o Hitlerismo na colônia / M.F. Medeiros // Panorama – Collectanea do Pensamento Novo. – 1936. – Julho. – No 7.

вития капитализма. Жуставу Баррозу, например, подчеркивал, что особенностью бразильского капитализма является сращивание олигархических групп с политической властью, что не только ведет к коррупции, но и размывает границы собственности, что, в свою очередь, способствует активизации левых¹.

По мнению теоретиков интегрализма, решение экономических проблем в Бразилии было возможно исключительно вне существовавшего политического режима. Интегралисты настаивали, что ничем неограниченный капитализм социально опасен и экономически неэффективен. Поэтому, они предлагали отказаться от либерально-демократической модели, как «вредной для социальной стабильности» [Manifesto, 07.10.1932], заменив ее этатизмом и патернализмом. Развивая эти идеи П. Салгаду, Ж. Баррозу подчеркивал, что политика Ж. Варгаса, направленная на построение в Бразилии «государственного капитализма» способствует интернационализации бразильской экономики, увеличивая ее зависимость от международной конъюнктуры [Barroso]. П. Салгаду подчеркивал, что состояние «тела политической нации зависит от социальной структуры», которая им сравнивалась с кровеносной системой. В этой ситуации роль государства сводится к выбору правильной стратегии – «применения терапии или хирургических методов» [Salgado, 1935]. Представители будущей «чикагской школы», вероятно, не были знакомы с идеями лидера бразильского интегрализма, но это не помешало им писать о необходимости применения «шоковой терапии» как средства оздоровления экономики.

Правая альтернативная модель экономического развития Бразилии осталась исключительно проектом, который в 1930-е годы не получил шанса на реализацию, что было вызвано рядом причин. Важнейшей было то, что в стране существовал правоавторитарный политический режим Жетулиу Варгаса, в рамках которого были созданы необходимые механизмы для проведения модернизационной политики. На фоне умеренности, консерватизма и авторитаризма Ж. Варгаса интегрализм П. Салгаду казался радикальным, более консервативным и почти тоталитарным политическим проектом, что способствовало его постепенной маргинализации. Упадок интегрализма был вызван не только поражением во второй мировой войне государств, которые использовали фашистскую модель организации экономики. Авторитарная политика Ж. Варгаса, антикоммунистическая направленность режима при его модернизационном характере и послевоенная модернизация в рам-

¹ Barroso G. Capitalismo – Propriedade – Burguesia / G. Barroso // Barroso G. O que o Integralista Deve Saber / / G. Barroso. – Rio de Janeiro, 1935 // <http://www.integralismorio.org/doutrina/arquivos/index.html>

ках демократических режимов привели к окончательной маргинализации праворадикальной альтернативы экономического развития.

Кризис демократии как основа государственного вмешательства в экономику (национальный авторитаризм Азеведу Амарала)

Приход к власти в 1930 году Жетулиу Варгаса стал мощным фактором, который стимулировал обращение бразильских интеллектуалов к проблемам не только политического режима, но и государственного участия в управлении экономикой. Это было вызвано тем, что экономическая политика Варгаса в корне отличалась от той политики, которую в данном направлении проводили его предшественники. Режим Варгаса был не только авторитарным, но и качественно новым явлением в контексте государственного участия в управлении экономикой. Важным источником по интеллектуальной, политической и экономической истории Бразилии в период правления Жетулиу Варгаса следует признать книгу Азеведу Амарала (Azevedo Amaral)¹ «Авторитарное государство и национальная реальность» («O estado autoritário e a realidade nacional»), вышедшую в 1938 году².

Азеведу Амарал полагал, что политические и экономические процессы, которые протекали на протяжении 1930-х годов, нуждаются в изучении новой сложившейся «национальной реальности», что может быть достигнуто только через поиск «социологической доминанты исторического развития» Бразилии, на которое значительное влияние оказал как колониальный, так и имперский период, на протяжении которых были заложены основы той экономической модели, трансформацией которой был вынужден заниматься пришедший в 1930 году к власти Ж. Варгас. А. Амарал предполагал, что большинство проблем Бразилии 1930-х годов, коренилось в истории колониального периода, когда Бразилия как колония имела почти исключительно экономическое значение для Португалии [Amaral, 1938].

¹ Amaral A. O Brasil na Crise Atual / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1914; Amaral A. Ensaio Brasileiro / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1930; Amaral A. A Aventura Política do Brasil / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1935.

² Amaral A. O estado autoritário e a realidade nacional / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1938 // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/azevedo.html#A> Далее ссылки в тексте в квадратных скобках [Amaral, 1938]

В колониальный период Лиссабон в управлении своей крупнейшей колонией руководствовался «исключительно экономическими соображениями». Поэтому вся политика португальских властей была подчинена логике «эффективного использования бразильских богатств». Азеведу Амарал полагал, что появление независимой Бразилии было связано с развитием не только политического национализма, но и постепенным складыванием экономической самостоятельности колоний, что вело к росту противоречий между колонистами и метрополией. По мнению А. Амарала, именно в колониальный период в Бразилии сложились предпосылки негативного отношения к государству как экономическому актору, что было связано с ростом антипортугальского экономического национализма [Amaral, 1938].

Это привело к сложностям становления политической сферы в независимой Бразильской Империи. Во второй половине 1930-х годов А. Амарал полагал, что на протяжении XIX века имперские власти не смогли преодолеть экономическое отставание, заложенное португальцами и связанное с преимущественно сырьевым характером бразильской экономики. С другой стороны, именно на том этапе, как полагал Азеведу Амарал, на территории Бразилии протекали принципиально важные процессы, связанные с формированием бразильской нации через смешение трех групп – индейцев, португальцев и негров. Согласно А. Амаралу, именно две последние группы позднее внесли наиболее весомый вклад в развитие бразильской экономики [Amaral, 1938].

С другой стороны, процесс формирования бразильской экономической модели был в значительной степени отягощен рабством, которое привело к появлению олигархических группировок, которые определялись А. Амаралом как «паразитические». Азеведу Амарал полагал, что центральную роль в экономической эволюции Бразилии в прошлом играл средний класс, представленный буржуазией, торговой и промышленной, которая формировалась в результате иммиграции в Бразилию португальцев и других европейцев. Процесс формирования национальной бразильской буржуазии осложнялся отсутствием предпосылок для развития капитализма. По мнению Азеведу Амарала, «исторический фон и традиции, унаследованные от португальской метрополии, не имели ничего общего с теми процессами, которые могли бы привести буржуазному протесту против феодализма» [Amaral, 1938].

В Бразилии сложилась своеобразная антикапиталистическая идентичность, связанная с романскими народными традициями переселенцев из Португалии. Поэтому экономика Бразильской Империи, как считал А. Амарал, не была капиталистической в классическом понимании, так как не только зависела от региональных моно-

культур (сахар и кофе), но и от института рабства. Поэтому, как полагал А. Амарал, в имперский период в Бразилии не сложилась «национальная реальность», важные шаги в направлении которой были сделаны только после провозглашения Республики. Развитию новой республиканской идентичности, как полагал Азеведу Амарал, не способствовал политический опыт, полученный в рамках имперской модели. Несмотря на наличие в Империи «конституционных механизмов» центральной фигурой политической системы являлся император, личная власть и воля которого были «важнейшими движущими силами политики и государственного управления» [Amaral, 1938].

Именно поэтому А. Амарал подчеркивал, что установление Республики «не могло изменить менталитет, который сложился на протяжении длительного периода существования монархии». Процесс политического и экономического развития республики, согласно А. Амаралу, был в значительной степени отягощен попыткой трансплантации на бразильскую почву чуждый демократических и федералистских теорий, заимствованных из США. Азеведу Амарал, анализируя политические особенности республики, полагал, что она испытала мощное влияние со стороны имперского наследия, что связано с учреждением института президентства. В отличие от Медейруша и Альбукерке, А. Амарал полагал, что именно институт президентской власти способствовал не только политической консолидации, но и сохранению Республики. Именно те политические механизмы, которые были созданы в начале 1890-х годов, позволили Бразилии относительно динамично развиваться до 1920-х годов. Азеведу Амарал считал, что в Бразилии не сложились условия для нормального и эффективного «функционирования либеральной демократии» [Amaral, 1938].

А. Амарал полагал, что наиболее значительный удар по ценностям демократии нанесла первая мировая война, после которой «варвары вышли из окопов ради уничтожения политических иллюзий относительно возможного возрождения Европы». С другой стороны, до начала первой мировой войны в Бразилии начались процессы трансформации экономической модели развития. Создание открытой экономики и привлечение американских инвестиций имели двойственное значение, способствуя не только развитию бразильской экономики, но и усилению ее зависимого статуса. Именно формирование зависимости было важнейшей характеристикой «экономического развития и социального прогресса» в республиканский период [Amaral, 1938].

Революция 1930 года, связанная с приходом к власти Жетулиу Варгаса, как полагал А. Амарал, только доказывала то, что политический режим, существовавший в Бразилии с начала 1890-х до кон-

ца 1920-х годов, был навязан искусственно и «не был укоренен в общественном сознании». В рамках подобного восприятия история республики превращается в историю «институционального распада» [Amaral, 1938], а установление режима Ж. Варгаса можно воспринимать как форму реставрации не имперской, но устойчивой и стабильной системы. По мнению Азеведу Амарала, Бразилия 1930-х годов, в которой уже сложились «культурные и социальные группы различного уровня», переживала процесс постепенной адаптации к новым политическим и экономическим реалиям, связанным не только с мировым кризисом 1929 года, но и пересмотром той роли, которую в экономической жизни следовало играть государству. А. Амарал полагал, что «процесс адаптации Бразилии будет продолжительным и болезненным» [Amaral, 1938].

Основным содержанием этих трансформационных перемен, как полагал А. Амарал, было достижение баланса и равновесия между «политическими институтами и социально-экономическими отношениями». Подобные процессы, по мнению А. Амарала, стимулировались «национальным возрождением», которое им связывалось с фигурой Ж. Варгаса. В рамках официального идеологического дискурса президент Жетулиу Варгас воспринимался и позиционировался как строитель новой Бразилии и «сильного национального самосознания» [Amaral, 1938]. Азеведу Амарал в целом позитивно оценивал политику государственного вмешательства в экономику, сторонником и инициатором которой был Ж. Варгас. А. Амарал особое внимание акцентировал на социальной политике режима (попытки введения трудового законодательства, ограничение всемогущества работодателей, патерналистские меры в отношении рабочих со стороны государства), полагая, что она способствует национальной консолидации.

Угроза подобной консолидации, как считал А. Амарал, исходила справа, что было связано с ростом интегралистского движения, которое определялось им как фашистское. С другой стороны, фашизм, по мнению Азеведу Амарала, представлял меньшую опасность, чем коммунизм. В подобной интерпретации интегрализм представляет собой «национальную реакцию против коммунизма» и праворадикальное течение, которое не смогло достичь компромисса с режимом Ж. Варгаса. Азеведу Амарал настаивал на том, что режим Ж. Варгаса не является фашистским, не отрицая при этом и того, что он не имеет ничего общего с ценностями либеральной демократии. Анализируя особенности политического режима, который существовал в Бразилии, начиная с 1930 года, Азеведу Амарал подчеркивал, что он является «режимом нового типа, но безусловно демократическим» [Amaral, 1938].

Комментируя свертывание демократических процедур А. Амарал констатировал, что «утверждение авторитарного принципа в качестве основного постулата государственной организации не противоречит демократическому характеру режима». По мнению Азеведу Амарала, авторитарный режим оказался мощным стимулом экономического развития. Анализируя формы и особенности государственного участия в экономике, Азеведу Амарал указывал на то, что в 1930-е годы сложилось несколько моделей, которые реализовывались в СССР, фашистской Италии, национал-социалистической Германии и в рамках политики «нового курса» Ф. Рузвельта в США. Советские, итальянские и немецкие стратегии управления экономикой, в рамках которых центральную роль играл «государственный интервенционизм», А. Амарал интерпретировал как «командные». Экономическая политика Ф. Рузвельта оценивалась им как «сбалансированная», основанная на сохранении принципов рынка при признании необходимости государственного вмешательства [Amaral, 1938].

Государство позиционировалось как сила способная координировать усилия и действия отдельных акторов экономического процесса, что стало результатом «провала либеральной экономики» [Amaral, 1938], вызванного первой мировой войной. Подобная роль государства не влекла за собой автоматической ликвидации рынка – политические элиты брали на себя исключительно регулятивные роли, сохраняя за другими участниками свободу выбора и маневра. Азеведу Амарал полагал, что именно государство представляет собой «органическое воплощение нации», что дает ему право регулировать экономические отношения.

Вмешательство государства в экономику, согласно А. Амаралу, было вызвано стремлением Ж. Варгаса выстроить в Бразилии «сбалансированную экономическую систему», которая учитывала интересы государства, частных акторов и рабочих. Формой государственного участия в управлении национальной экономикой, по мнению А. Амарала, являлся корпоративизм¹. Азеведу Амарал считал ошибочным ассоциирование корпоративизма с фашизмом, полагая, что отношения корпоративного типа существовали в романских странах в период Средневековья. Центральным принципом корпоративизма, как полагал А. Амарал, являлось подчинение индивидуальных интересов общественным при патерналистском участии государства [Amaral, 1938].

¹ Азеведу Амарал был одним из популяризаторов идеи корпоративизма в Бразилии и инициаторов перевода на португальский язык работ теоретиков итальянского корпоративизма. См.: *O Século do Corporativismo* / trad. de Azevedo Amaral. – Rio de Janeiro, 1938.

Авторитарное государство в интеллектуальном дискурсе Бразилии 1930-х годов не только воспринималось как внешне демократическое, но и позиционировалось в качестве важнейшего фактора развития бразильской модели национальной демократии. В рамках подобного восприятия авторитаризм Ж. Варгаса позиционировался не столько как авторитарный режим, сколько попытка авторитарными методами скорректировать развитие бразильской демократии, решив задачи строительства не только национального государства, но и превратить государство в центральный элемент экономической организации, возложив, вместе с тем, на него ответственность за экономическое развитие и рост.

Рабочая политика в Бразилии начала 1940-х годов (социальный дирижизм Алешандру Фильу)

Официальный дискурс восприятия социальной и экономической политики Бразилии в период правления Жетулиу Варгас представлен и в работах Алешандру Маркондиша Машаду Фильу (1892 – 1974), который с 1941 по 1945 год являлся министром труда в правительстве Варгаса, то есть принимал непосредственное участие в разработке стратегии государственного управления экономикой. В 1943 году вышла одна из самых известных работ А. Машаду Фильу «Рабочие Бразилии», которая открывалась небольшим предисловием самого Ж. Варгаса, где тот констатировал, что идеи А.М. Фильу «являются наиболее правильным толкованием наших законов о труде». В свою очередь Алешандру Фильу писал о «политическом гении Варгаса» и о ежедневном труде бразильского лидера, направленном на развитие и процветание Бразилии¹.

Алешандру Фильу полагал, что бразильская экономика, пребывая в состоянии «социального переустройства и экономической экспансии», но при этом подверженная кризисам, связанным с нехваткой сырья и трудовых ресурсов [Filho, 1943], нуждается в опеке со стороны властей, в государственном регулировании, которое должно проявляться на двух уровнях – как государственная стратегия в целом, так и в деятельности отдельных министерств, призванных непосредственно реализовывать политические решения в эко-

¹ Filho A.M. Trabalhadores do Brasil! / A.M. Filho. – Rio de Janeiro, 1943 // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/trabalhadores.html#1> Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте в квадратных скобках [Filho, 1943].

номической сфере [Filho, 1943]. Фильу настаивал, что именно государство должно установить «определенные общие принципы, которыми следует руководствоваться» при принятии и реализации экономических решений.

По мнению А. Фильу, развитие бразильской экономики, направляемое государством, должно было соответствовать «коллективным интересам» не только отдельных классов, но и всего общества в целом. А. Фильу полагал, что государственное вмешательство может гарантировать «экономическое развитие» и рост бразильской промышленности [Filho, 1943]. Алешандру Фильу писал, что экономическая политика Ж. Варгаса проявляется в «укреплении социального обеспечения, комфорта, здоровья, образования, социального обеспечения рабочих» [Filho, 1943].

Именно этим А. Фильу мотивировал подчинение профсоюзов государству, указывая на то, что помощь со стороны политических властей дает не только новые преимущества, но и обязанности, связанные с поддержанием классового мира и недопущением конфликтов. По мнению А. Фильу, профсоюзам следовало отказаться от политической борьбы, что он мотивировал попытками государства решить социальные проблемы рабочих путем активного вмешательства в экономику. Согласно А. Фильу, государство вмешивается в экономику и заботится о расширении прав рабочих в надежде, что рабочие будут «не только достойны новых прав», но и лояльны в отношении властей. А. Фильу настаивал, что решение социальных проблем и экономический рост связаны, подчеркивая, что создание условий для развития промышленности приведет к улучшению положения рабочего класса [Filho, 1943].

В связи с этим бразильский политик подчеркивал, что нарушение социального и экономического равновесия чревато для Бразилии политическими кризисами. А. Фильу, констатируя, что «от неровности земли не исчезает параллельность рельсов», полагал, что государству следует крайне внимательно подходить к разрешению споров и урегулированию проблем, которые могут возникать между работодателями и рабочими. Поэтому, А. Фильу писал, что задачей государства является развитие чувства вертикальной и горизонтальной как классовой, так и межклассовой солидарности, «духа сотрудничества» между классами [Filho, 1943]. Развивая идеи Ж. Варгаса, А. Фильу писал о необходимости создания таких условий для развития бразильской экономики, которые привели бы к отказу от принципов классовой борьбы в пользу классовой солидарности и сотрудничества. Именно поэтому им подчеркивалась необходимость классового мира ради социальной консолидации, конечной целью которой должна была стать трансформация Бразилии в национальное государство.

Идеи Алешандру Фильу в значительной степени соотносились с программой развития корпоративизма, на которую делал ставку авторитарный политический режим Жетулиу Варгаса. Вместе с тем, рабочая политика режима была значительным шагом вперед по сравнению с более ранними правительствами. Ограничивая права работодателей, пытаясь решить социальные проблемы рабочих, авторитаризм стремился ликвидировать вызовы и угрозы как слева, так и справа. Решение или попытки решения социальных проблем ослабляли политический эффект антиправительственной критики со стороны левых радикалов, так и бразильских фашистов. Политика Жетулиу Варгаса в отношении рабочих заложила фундамент для дальнейших социальных преобразований в экономической сфере, которые протекали в условиях активного государственного вмешательства.

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БРАЗИЛИИ 1960 – 1980-Х ГОДОВ

Экономический национализм Р. Факу в Бразилии начала 1960-х годов

Бразильский национализм 1950 – 1960-х годов представлял собой преимущественно политический и экономический национализм, связанный с развитием нарратива об утверждении новой Бразилии в мире и самой бразильской политической нации в стране. Руй Факу интерпретировал историю Бразилии в духе революционного романтизма («...вся история Бразилии полна примерами непрерывных, радикальных, героических выступлений... эта борьба всегда захватывала широкие слои бразильского народа...»¹), предлагая новый вариант бразильской идентичности, укоренной не в политической культуре, не традициях и архаике, а в постоянной склонности к переменам, в своеобразном революционаризме.

В пользу этого предположения свидетельствует и попытка Р. Факу доказать, что именно рабочий класс, возникший в результате модернизации, должен стать ядром политической бразильской нации, стержнем политической жизни. Руй Факу писал: «...пролетариат, как быстро растущий класс, предназначен оказывать решающее влияние на национальную жизнь...» [Факу, 1962. С. 71 – 72]. В 1960-е годы она была определена как прогрессивная, а сам Руй Факу оценивался как прогрессивный и сочувствующий СССР бразильский автор. Вероятно, подобный подход не совсем верен в силу того, что Руй Факу был скорее левым националистом, чем коммунистом. На рабочий класс он смотрел не с социальных, а с технократических позиций. В этом контексте заметно определение смыкания идей левого национализма с неким футуристическим национализмом, в основе которого лежала идея социальной, идентичностной модернизации бразильской нации.

Одним из центральных положений концепции Р. Факу было признание того, что значительную роль в истории Бразилии сыграл расовый и национальный фактор: «...колоссальное расовое смеше-

¹ Фако Р. Бразилия XX столетия / Р. Фако. – М., 1962. – С. 58. Далее ссылки в тексте в квадратных скобках [Фако, 1962].

ние... не чистое в расовом отношении меньшинство с Иберийского полуострова... небольшое индейское население – все это привело... к возникновению народа с повышенной склонностью к чувственности, который пренебрегал завоеваниями прогресса...» [Факу, 1962. С. 35]. Смешение различных культур – европейских (не только романских), индейских, негритянских – привело к тому, что национальная идентичность в Бразилии изначально развивалась как сложный и комплексный проект.

С другой стороны, за этими национальными культурами стояли различные идентичности, некоторые из которых были традиционными, что стало одним из серьезных препятствий на пути к последовательной модернизации. По мнению Р. Факу, сближение и интеграция как культур с европейским географическим бэк-граундом, так и культуры африканцев привела к тому, что идентичность белых бразильцев обрела значительные особенности. В связи с этим Р. Факу писал, что «...в стране возник своеобразный тип белого, так называемый “бразильский белый”... он отличен от североамериканского белого, у него характерные признаки негритянской расы: черные волосы, темные глаза, коричневая или бледная, но не белая, кожа, не всегда тонкие губы... наличие африканской крови всегда более или менее заметно...» [Факу, 1962. С. 44]. Сближение культур, а тем более – смешение рас, вело к постепенному размыванию границ существовавших идентичностей.

В такой ситуации идентичностный дискурс в Бразилии в целом становится более широким, что, с одной стороны, ведет к появлению различных идентичностных (маргинальных или магистральных) субдискурсов и формированию новых культур, со стоящими и скрывающимися за ними идентичностными бэк-граундами. Руй Факу не утруждал себя объяснениями формирования самой бразильской нации. Вероятно, оба были примордиалистами: «...произошло чудо: на огромной территории с разбросанным населением создалась нация, сформировался народ, португальский язык претерпевал изменения в разговорной речи, обогащаясь африканскими терминами, словами и выражениями индейских племен... но сохранил свою структуру и распространился по всей стране...» [Факу, 1962. С. 38].

Но у Р. Факу этот примордиалистский сентимент заметен в большей степени. Как и для всех националистов для него было характерно восприятие появления бразильцев, самой бразильской нации как нечто совершенно естественное. Правда, в тексте Р. Факу заметно стремление интерпретировать некоторые проблемы бразильской истории с тех позиций, которые, вероятно, могут быть определены как неомарксистские: «...культурному единению благоприятствовала тесная взаимосвязь между расами, несмотря на все

возрастающий разрыв между городом и деревней, когда широкие крестьянские массы были брошены на произвол судьбы и обречены на нищету, находясь в полной зависимости от латифундистов...» [Факу, 1962. С. 38 – 39].

В данном случае мы имеем дело с набором нарративов, характерных для сторонников неомарксизма. Речь идет и об экономическом факторе, о колониализме и расовых отношениях, о борьбе центра и периферии. Но исключать того, что это сходство исключительно внешнее мы не можем. С другой стороны, для текста Р. Факу характерна попытка найти социальные основы тех идентичностных процессов, которые протекали в Бразилии. Факу пытался показать, какие идентичностные дискурсы возникали в рамках различных социальных групп. В этой связи он отталкивался от утверждения, что на территории Бразилии в результате колонизации европейцами возник своеобразный вариант глубоко традиционалистского общества, основой которого были различные социальные, почти изолированные группы, которые могут быть определены как касты. Замкнутость социальных групп в рамках бразильского социума имела совершенно иной характер, чем в Азии.

Колонизаторами той территории, где позднее возникла Бразилия, действительно, были выходцы из европейских периферий (как внутренних, так и внешних), которые принесли свои традиционные культуры и идентичности (который Руй Факу предпочитал определять как «феодалные»), что оказало существенное влияние на развитие традиционных институтов и длительную резистенцию со стороны архаики против модернизации в романских и нероманских (например, в Риу-Гранди-ду-Сул с немецкими, или в Паране – с украинским сообществом) штатах. В заключительной части книги своеобразный национал-футуризм, о котором мы писали выше, особенно заметен: «...бразильский рабочий класс развивается, растет его классовое сознание... развитие рабочего класса будет продолжаться и в дальнейшем по мере разрушения системы латифундий и роста промышленности... в строительстве сегодняшней Бразилии закладываются основы построения завтрашней Бразилии...» [Факу, 1962. С. 300 – 301].

Руй Факу тем самым фактически провозгласил в Бразилии конец истории, низведя исторический процесс к технократическим и социальным изменениям, к последовательной и планомерной модернизации страны. Иными словами, история стало только подготовительной фазой модернизации. В концепции Р. Факу история – это не сфера битвы за идентичность. История деградировала до уровня интеллектуальной рефлексии с определенным, леворадикальным и националистическим, подтекстом. Написание истории является и результатом социальных позиций. Эти социальные по-

зиции формируют условия существования и воспроизводства идентичности, которая служит для проявления самости, для подчеркивания черт того или иного сообщества. Поэтому, дискурс истории в современном обществе, пережившем модернизацию, подобно мифу в традиционном обществе, существующем в условиях доминирования архаичной культуры, представляет собой и дискурс идентичности.

Проблемы государственного участия в преодолении отсталости в Бразилии (экономические теории Нельсона Вернека Содре)

Установление военного режима актуализировало, с одной стороны, государственное вмешательство в экономику, а, с другой, вынудило бразильских интеллектуалов обратиться к проблеме невозможности проведения форсированной модернизации в условиях существования демократических режимов. Значительный вклад в разработку интеллектуального обоснования авторитарной направленной модернизации внес бразильский военный и интеллектуал Нельсон Вернек Содре. По мнению Н. Вернека Содре, экономическая история Бразилии является историей неудачных модернизационных экспериментов. Н. Вернек Содре полагал, что шанс проведения модернизации был впервые упущен в период португальского доминирования: «история знает страны, которые играли видную роль в мировой торговле и таким образом накапливали значительный для того времени капитал... но это не обеспечивало им необходимых условий для перехода к капитализму... хотя они играли роль авангарда... которую они утратили по причине того, что не последовала капиталистическая фаза...»¹.

Сферой доминирования и безраздельного господства традиционных отношений была аграрная периферия, о чем активно писал не только Нельсон Вернек Содре, но и некоторые другие авторы. Цельсу Фуртаду, в частности, подчеркивал, что в Бразилия была, вероятно, единственной страной в Южной Америке, которая была создана «торговым капиталом в виде сельскохозяйственного предприятия»². Бразилия, местная социальная структура, привнесенная

¹ Werneck Sodré N. Formação histórica do Brasil / N. Werneck Sodre. – São Paulo, 1971. – P. 26. Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте в квадратных скобках [Werneck Sodré, 1971].

² Fortado C. Análise do modelo Brasileiro / C. Fortado. – Rio de Janeiro, 1972. – P. 93.

европейцами развивалась как продолжение тех традиционных институтов и отношений, которые существовали на территории европейской периферии: «...в Бразилии была установлена система колониальной эксплуатации в форме сельскохозяйственного предприятия огромных масштабов, базирующегося на рабстве в латифундиях...колониальное общество... делилось на два класса – класс рабов и класс господ...»¹.

Вернек Содре полагал, что традиционные отношения в Бразилии были настолько устойчивы, что сохранялись на протяжении длительного времени, претерпевая незначительные изменения, что, в частности, выразилось в смене колониальной экономики зависимой. Под зависимой экономикой Нельсон Вернек Содре понимал «...такую экономику, в которой произошли качественные изменения, достаточные для того, чтобы уже не считать ее колониальной...» [Вернек Содре, 1976. С. 45]. Модернизационный эффект от таких изменений для Бразилии был крайне незначительным и не мог привести к радикальным переменам. Самыми важными, по мнению Вернека Содре, результатами от подобной модернизации для Бразилии стала постепенная политизация все еще колониального дискурса. Это выразилось в возникновении движений, которые в качестве своей основной цели декларировали достижение независимости. Вернек Содре, анализируя истоки бразильской независимости, полагал, что это движение было детерминировано не только политически, но и классово: «...характер движения за независимость определяется тем, какой класс руководит им... содержание любого политического процесса зависит от того... какой класс осуществляет руководство этим процессом... и от состава сил, которые его завершают...» [Вернек Содре, 1976. С. 48].

Комментируя эту проблему, Вернек Содре указывал на то, что по причине устойчивости традиционных отношений в Бразилии движение за независимость не переросло в буржуазную революцию: «...участие буржуазии в освободительном движении, ее включение в это движение вовсе не означает того, что процесс завоевания независимости является буржуазной революцией...» [Werneck Sodré, 1971. P. 180]. Значительная роль традиции, сосуществование различных культурных традиций в рамках казалось бы единого бразильского дискурса (который не осознал себя в качестве такового, оставаясь «в точном смысле этого слова колониальной областью» [Werneck Sodré, 1971. P. 181]) оказала существенное влияние и на процесс постепенного втягивания различных социальных групп с их идентичностями в политику.

¹ Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития» / Н. Вернек Содре. – М., 1976. – С. 38 – 39. Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте в квадратных скобках [Вернек Содре, 1976].

Политизация (к комплексу с участием представителей различных социальных классов, слабо пересекающихся, но за которыми стоят мощные культурные и идентичностные бэк-граунды) означала не просто появление неконтролируемых политических движений, но и постепенную радикализацию тех движений, которые ранее хотя и были оппозиционными, но оставались маргинальными и внесистемными в силу устойчивости всей системы традиционных отношений. Эта устойчивость в максимальной степени проявилась и после того, когда Бразилия стала независимым государством. Анализируя раннюю историю независимой Бразилии, Нельсон Вернек Содре акцентировал внимание на двух факторах.

Во-первых, «становление государственности было трудным процессом... правящий класс приложил максимальные усилия, чтобы исключить из участия в нем те слои, которые участвовали в борьбе...» [Вернек Содре, 1976. С. 50]. Независимость, таким образом, усилила процесс социальной, культурной и идентичностной дефрагментации общества, что привело к усилению и большей консолидации политических элит, которые формировались, основываясь на идее недопущения к участию в политических процессах тех слоев населения и тех социальных групп, участие которых и обеспечило достижение независимости.

Во-вторых, подобная тактика политических элит стимулировала не просто сохранение традиционных отношений, но благоприятно влияло на внесистемное, точнее – антисистемное, поведение масс, которые, будучи лишенными возможности официально на государственном уровне выражать свои интересы, принимали участие в «волнениях, восстаниях и других страшных политических коллизиях» [Вернек Содре, 1976. С. 50]. Такая политика элит и ответная реакция масс вовсе не способствовали возникновению в Бразилии благоприятных условий для модернизации.

В результате независимость не привела к умиранию традиционного общества в португальской Южной Америке – она сделала его лишь независимым от Португалии. В связи с этим Нельсон Вернек Содре писал, что «...господствующий класс Бразилии добился независимости с минимумом внутренних изменений, в стране сохранилась унаследованная от прошлого колониальная структура...» [Вернек Содре, 1976. С. 50]. Нельсон Вернек Содре полагал, что реальные условия для проведения в стране модернизации возникли относительно поздно, только в XX веке и были связаны с революцией 1930 года и приходом к власти Жетулиу Варгаса. Несмотря на свертывание демократических свобод, авторитарная модель модернизации в Бразилии дала первые результаты, которые выразились в возникновении экономической инфраструктуры и создании условий

для постепенной трансформации экономики в индустриальную [Вернек Содре, 1976. С. 100]. Росту бразильской промышленности способствовала Революция 1930 года, которая поставила вопрос политического участия бразильской буржуазии¹.

Именно благодаря модернизации, осуществляемой как авторитарными, так и демократическими методами, резко изменилась структура бразильской экономики, что выразилось в сокращении роли традиционных отраслей, а так же в появлении и сформированном развитии новых направлений [Вернек Содре, 1976. С. 101]. Примечательно, что именно подобная политическая модель, основанная на относительно активном участии государства в экономике как стимулирующего фактора в деле создания новых отраслей в промышленности, оказалось очень устойчивой. От нее не отказались и организаторы военного переворота 1964 года, которые фактически продолжили политику свергнутого Жоау Гуларта, существенно расширив государственный сектор [Вернек Содре, 1976. С. 142].

Подобная политика, по мнению Вернека Содре, была модернизационной, представляя собой «внесение с помощью акта насилия изменений, которые означали разрушение традиционных норм» [Вернек Содре, 1976. С. 245]. С другой стороны, Нельсон Вернек Содре весьма скептически относился к возможностям той политической стратегии модернизации, которую выбрал военный режим. Критикуя политику военного режима, Вернек Содре весьма активно использовал левую фразеологию, указывая, в частности, на то, что «успех модернизации является исключительно внешним, отвечающим интересам империализма» [Вернек Содре, 1976. С. 246].

Кроме этого Нельсон Вернек Содре полагал, что ошибка военного режима состояла в попытке последовательной институционализации: «...диктатура не была преходящим, временным явлением: ее установили для того, чтобы сделать долгой и увековечить... она отличается от предшествующих диктатур, от политических процессов прошлого, когда перевороты следовали один за другим, а диктаторские формы правления навязывались временно...» [Вернек Содре, 1976. С. 246]. Вернек Содре, вероятно, представлял оппозиционный дискурс в развитии военной интеллектуальной традиции в Бразилии. Вот почему он придерживался точки зрения, что вмешательство армии должно было быть ограниченным, а не выливаться в создание нового политического режима, преследуя цели исключительно экономического вмешательства и регулирования, что позволило в перспективе не допус-

¹ Werneck Sodré N. Quem é o povo no Brasil / N. Werneck Sodré // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/povonobrasil.html>

тить усиления левых настроений в политической и экономической жизни.

Социальные классы, партии и массы (проблемы экономического и социального содержания модернизации в работах О. Феррейры)

На протяжении первой половины 1960-х годов бразильские интеллектуалы уделяли значительное внимание проблемам социально-экономического развития Бразилии в контексте отношений между различными классами, что было особенно актуально на фоне не только растущей национальной экономики, но и увеличивающихся противоречий между олигархией и теми экономическими классами, которые оперировали идеологией бразильского национализма, стремясь в значительной степени переформатировать политический дискурс в стране, чтобы он в большей степени соотносился с задачами национальной, политической и экономической модернизации. Отражением подобных дискуссий является работы бразильского социолога и экономиста Оливейруша Феррейры, посвященные проблемам роли армии, политических партий и различных социальных групп в бразильской модернизации¹.

Оливейруш Феррейра полагал, что социальная и экономическая динамика развития Бразилии, начиная с середины 1940-х годов, оказалась в зависимости от взаимоотношений между государством и бразильским бизнесом, а также – «военно-гражданского движения». По мнению О. Феррейры, озвученному в 1983 году, бразильское общество оказалось не в состоянии достичь компромисса, что привело к перевороту 1964 года. Другим фактором была «безответственность исполнительной власти», которая, согласно О. Феррейре, была в значительной степени коррумпирована. Именно поэтому тот политический режим, который в Бразилии существовал до 1964 года, О. Феррейра определял как форму «институционализированной коррупции». Анализируя причины военного переворота 1964 года, О. Феррейра упомянул несколько факторов, среди которых: безответственность исполнительной власти, ослабление института

¹ Ferreira O.S. A Teoria da "Coisa Nossa" ou a Visão do Público como Negócio Particular seguido de O Estado e a Oligarquia, e o Sistema / O.S. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1964 // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/coisanossa.html> Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте в квадратных скобках [Ferreira, 1964].

парламентаризма, гипертрофированная роль президента, излишняя централизация процесса принятия решений¹.

Оливейруш Феррейра полагал, что наиболее важным этапом в становлении экономической и политической системы Бразилии являются события Революции 1930 года, которые привели к установлению диктатуры Жетулиу Варгаса. Формирование «институциональных связей между различными социальными группами» [Ferreira, 1964] О. Феррейра связывал именно с авторитарным режимом Ж. Варгаса, который привел Бразилию к экономическому прорыву в виде «индустриальной революции» [Ferreira, 1964a] – направляемой государством индустриализации, сопровождавшейся попытками национализации отдельных отраслей промышленности. О. Феррейра указывал, что значительное влияние на развитие бразильской экономики указывал региональный фактор, а также политические дебаты между сторонниками унитаризма и федерализма. Именно невозможность компромисса между двумя этими течениями и развитие региональных экономик привели к военному перевороту 1964 года [Ferreira, 1964].

Анализируя особенности развития Бразилии после свержения Ж. Варгаса, О. Феррейра указывает на то, что новее элиты не смогли в полной мере восстановить старую экономическую модель, что привело к постепенному упадку аграрного сектора, переставшего быть основой национальной экономики; росту промышленности, начинавшей играть доминирующую роль; усилению региональных различий в уровнях развития отдельных регионов; резким возрастанием государственной роли в управлении экономикой [Ferreira, 1964]. По мнению О. Феррейры, в начале 1960-х годов центральным вопросом в развитии бразильской экономики был не только вопрос доминирования государственного или частного сектора, но формирование политической нации, которая в условиях «технологической революции», могла бы стать гарантом «национального экономического развития»².

Поэтому государственная политика в отношении экономики в значительной степени выстраивалась с учетом интересов крупной бразильской олигархии. Ситуация осложнялась тем, что часть бразильских олигархов, несмотря на значительную роль, которую они играли в экономике, политически зависела от государства. С другой стороны, важным фактором в политической и экономической жизни

¹ Depoimento prestado pelo jornalista Oliveiros S. Ferreira, diretor de “O Estado de S. Paulo”, perante Comissão Especial do Senado Federal, a 18 de outubro de 1983 // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/coisanossa.html>

² Ferreira O.S. As Forças Armadas e o Desafio da Revolução / O.S. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1964 // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/desafior.html> Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте в квадратных скобках [Ferreira, 1964a].

ни Бразилии был регионализм. В этой ситуации, как полагал О. Феррейра, переворот 1964 года и дальнейшая институционализация военного режима были невозможны без легитимации и признания со стороны региональных политических элит.

Во внимание следует принимать и трансформацию политической культуры и идентичности в Бразилии на протяжении первой половины 1960-х годов, что привело к дискредитации идеи универсальности свободного рынка и предпринимательства в контексте резкого усиления государственных позиций в национальной экономике [Ferreira, 1964a]. В этой ситуации значительной ревизии подверглась не только роль, но и политическая идеология ряда партий в Бразилии. Традиционные политические идеологии, как считает О. Феррейра, не выдерживали конкуренции с новыми вызовами, что привело к разрыву некоторых бразильских интеллектуалов, например, с Коммунистической партией по тем же причинам, по которым они присоединились к ней в период между мировыми войнами [Ferreira, 1964a].

Помимо армии и олигархии, а также постепенно слабеющих партий, в первой половине 1960-х годов значительную роль в экономике Бразилии начали играть технократы. О. Феррейра констатировал, что 1960-е годы бразильские технократы пережили своеобразную трансформацию: выступая как союзники армии, они постепенно перешли в оппозицию режиму институционализированному военными¹. Анализируя экономические и политические процессы в Бразилии О. Феррейра предполагал, что во внимание следует принимать фактор масс. Согласно О. Феррейре, массы не всегда настроены революционно и антисистемно. По его мнению, массы могут отличаться и консервативным характером [Ferreira, 1964]. Другим немаловажным фактором являются политические институты, которые могут отражать «политические симпатии различных социальных групп, отличающиеся от их экономической артикуляции». По мере экономического развития, состоящего, как полагает О. Феррейра, не только в экономическом росте и концентрации производства, но и в резком усилении СМИ происходит постепенный процесс размывания политической власти, которая оказывается не в состоянии направлять развитие экономики [Ferreira, 1964].

Экономические группировки Бразилии, связанные с олигархическими кланами, в своем противоборстве с государством оказываются явными аутсайдерами, так как позиционировали государство исключительно в качестве «орудия классового угнетения», забывая о мощном консолидационном потенциале политической власти. В этой ситуации государство окончательно монополизирует

¹ O estado e a oligarquia // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/coisanossa.html>

роль форматора политических процессов, создателя модели экономического развития, что свидетельствует о выборе в пользу этатистской модели экономической и политической модернизации.

КЕЙНСИАНИЗМ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОСНОВА БРАЗИЛЬСКОГО ЭТАТИЗМА

Кейнсианизм как теоретическая основа государственного регулирования экономики в Бразилии

Политическая история Латинской Америки, в том числе – и Бразилии, на протяжении XX века отмечена спорами и дискуссиями между приверженцами свободного рынка и экономического либерализма и их противниками, которые были представлены сторонниками государственного вмешательства в экономику. Бразильские авторы, экономисты, социологи, политологи и историки, которые разделяли этатистские позиции, могли принадлежать к левому или правому политическому лагерю. Идеи вмешательства в экономику мы можем найти в работах, как бразильских левых, так и правых (интегралистов). Кроме этого мощная этатистская традиция была характерна и для бразильских националистов. Основы государственного вмешательства в экономику Бразилии были заложены Жетулиу Варгасом, который с одинаковой последовательностью и методичностью преследовал и коммунистов, и интегралистов. Во второй половине XX столетия необходимость государственного участия, государственного регулирования не вызывала сомнения у большинства бразильских интеллектуалов, которые, как правило, связывают этатизм с научной теорией Дж.М. Кейнса.

Один из современных бразильских экономистов Фернанду Кардим де Карвальу (Fernando J. Cardim de Carvalho) подчеркивает, что кейнсианская экономическая модель на протяжении длительного времени оказывала значительное влияние на развитие экономической теории в Бразилии, используя как модель для выработки, принятия и реализации не только экономических, но и политических решений¹. По мнению бразильского экономиста, кейнсианство в Бразилии, привнесенное Цельсу Фуртаду, было вынужденно приспособляться к специфике не только бразильской экономики, но и развития экономической, социальной и политической мысли.

¹ Cardim de Carvalho F.J. Keynes e o Brasil / F.J. Cardim de Carvalho // Economia e Sociedade. – 2008. – Vol. 17. – Dezembro. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте в квадратных скобках [Cardim de Carvalho, 2008].

Фернанду Кардим де Карвальу полагает, что национализация кейнсианской теории в Бразилии проявилась в ее смыкании с анализом проблем зависимости, периферийности и отсталости [Cardim de Carvalho, 2008].

Вместе с тем, не следует сводить интеллектуальную трансформацию кейнсианства в Бразилии исключительно к его синтезу с теорией зависимого развития. Кейнсианство испытало мощное влияние и со стороны оригинальных бразильских концепций, например – Фрейрианского социального и экономического анализа. С другой стороны, отличительной чертой развития бразильского кейнсианства является его взаимосвязь с кейнсианскими и некейнсианскими школами в Северной Америке и Западной Европе [Cardim de Carvalho, 2008]. Кейнсианская теория в рамках бразильской экономической мысли представлена несколькими течениями (в большей или меньшей степени либеральными или ортодоксальными), общим для которых является признание необходимости государственного участия в экономике [Cardim de Carvalho, 2008].

По мнению бразильских кейнсианцев, участие государства в регулировании экономики имеет разные формы, проявляясь как в прямом, непосредственном вмешательстве, так и в стимулировании экономической активности частными, негосударственными, акторами. Это, например, относится к кредитованию¹. Другая сфера государственного вмешательства связана с попытками со стороны Центрального Банка управлять инфляцией². Столь активное вмешательство государства в экономику связано с тем, что, по мнению Фернанду Кардим де Карвальу, на протяжении длительного времени среди бразильских интеллектуалов, особенно – экономистов, сохранялся интерес к идеям Дж.М. Кейнса – даже в тот период, когда в других странах региона и в самой Бразилии востребованными и

¹ Carvalho C.E. O componente "custo de oportunidade" do spread bancário no Brasil: uma abordagem pós-keynesiana / C.E. Carvalho // *Economia e Sociedade*. – 2007. – Vol. 16. – No 3. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте в квадратных скобках [Carvalho, 2007]. Кейнсианская версия развития и функционирования банковского сектора представлена в ряде исследований бразильских экономистов. См.: Barros J.R.M. de, Loyola G., Bogdanski J. Reestruturação do setor financeiro / J.R.M. de Barros, G. Loyola, J. Bogdanski. – Brasília, 1998; Carvalho C.E. Dívida pública: um debate necessário / C.E. Carvalho // *Novo-desenvolvimentismo: um projeto nacional de crescimento com equidade social* / eds. J. Suscu, L.F. Paulo, R. Michel. – Rio de Janeiro, 2005. – P. 379 – 399; Carvalho C.E. O sistema financeiro brasileiro: a modernização necessária / C.E. Carvalho // *Novo-desenvolvimentismo: um projeto nacional de crescimento com equidade social* / eds. J. Suscu, L.F. Paulo, R. Michel. – Rio de Janeiro, 2005. – P. 329 – 346.

² Montes G.C., Feijó C.A. Política monetária, inflação e crescimento econômico: a influência da reputação da autoridade monetária sobre a economia / G.C. Montes, C.A. Feijó // *Economia e Sociedade*. – 2009. – Vol. 18. – No 2.

популярными оказывались неолиберальные концепции экономического развития, которые ставили под сомнение не только необходимость, но и целесообразность государственного вмешательства в экономику [Cardim de Carvalho, 2008].

Причины столь широкой популярности и такого значительного интереса к кейнсианству среди бразильских интеллектуалов вызывают дискуссии. Часть авторов склонна мотивировать такой интерес слабостью и экономическим отставанием Бразилии, ее неспособностью решать экономические проблемы в рамках либеральной модели. По мнению Фернанду Кардим де Карвальу истоки популярности кейнсианства в Бразилии следует искать в том, что «бразильские экономисты испытывают естественную симпатию к школам, которые подчеркивают неопределенность будущего, нестабильность экономической жизни, а также важность государства в выборе пути развития» [Cardim de Carvalho, 2008].

В Бразилии специфика кейнсианской модели состоит и в том, что она играет регулятивные функции, воспроизводя и донося до политических элит мысль о неэффективности полностью государственного инициирования развития экономики и о невозможности создания ситуации полной занятости, даже при активном участии государства [Cardim de Carvalho, 2008]. Бразильские кейнсианцы, несмотря на то, что последовательно отстаивают участие государства в управлении экономикой, полагают, что будущее экономики не определяется исключительно государственными акторами, полагая, что в развитии национальной экономики присутствует значительный элемент непредсказуемости [Carvalho, 2007].

Более того, согласно Фернанду Кардиму де Карвальу, именно сторонники кейнсианства доминируют в научном сообществе бразильских экономистов, составляя его большинство [Cardim de Carvalho, 2008], которое активно работает не только в университетах, но и в реальном секторе экономики, что не исключает наличие и других тенденций в развитии современной бразильской экономической теории. Фернанду Кардим де Карвальу полагает, что в Бразилии кейнсианство выполняет двойственную функцию, которую оно не утратило в других странах Запада. По мнению бразильского экономиста, кейнсианство является не только одной из теорий в развитии экономической мысли – в Бразилии оно стало формой «общественной идентичности» и интеллектуального обоснования различных «доктрин экономической политики» [Cardim de Carvalho, 2008].

Анализируя особенности развития кейнсианской теории в Бразилии, во внимание следует принимать ее значительный адаптивный потенциал. По мере развития экономики, в контексте возникновения новых политических и экономических вызовов, на фо-

не глобализационных и интеграционных тенденций бразильские кейнсианцы предпринимают попытки кейнсианского анализа подобных явлений в рамках кейнсианской парадигмы, несмотря на то, что некоторые из упомянутых выше процессов ведут к редукции государственного участия и возрастанию роли негосударственных акторов. В этом контексте становится очевидным прикладной характер бразильского (нео)кейнсианства, приверженцы которого, используя методы, предложенные Дж.М. Кейнсом, пытаются выработать стратегию разрешения макро и микроэкономических проблем, с которыми сталкивается современная бразильская экономика.

Экономический рост и авторитаризм в бразильской экономической теории (Ж.П. Макарини)

Авторитарный режим Ж. Варгаса положил начало традиции государственного вмешательства в экономику. Режимы, которые существовали в Бразилии после Жетулиу Варгаса, осознали универсальность государственного вмешательства и в тех или иных формах практиковали его¹. Не являлся исключением и авторитарный военный режим, установленный в Бразилии в середине 1960-х годов. Военные, используя накопленный потенциал и инерцию, унаследованную от режима Жоау Гуларта, предприняли попытки актуализировать государственное участие в экономике, что не только привело к бразильскому «экономическому чуду», но и способствовало постепенному размыванию авторитаризма, основанного на консенсусе военных элит и интеллектуалов-технократов. Проблемы, связанные с «экономическим чудом» 1968 – 1973 года привлекают значительное внимание со стороны бразильского научного сообщества.

Среди исследователей экономического опыта Бразилии в период военного режима значительная роль принадлежит профессора Института Экономики Уникамп (Instituto de Economia da Unicamp) Жозе Педру Макарини (José Pedro Macarini)².

¹ Ianni O. Estado e planejamento econômico no Brasil (1930-1970) / O. Ianni. – Rio de Janeiro, 1977.

² Macarini J.P. A política econômica da ditadura militar no limiar do "milagre" brasileiro: 1967 – 1969 / J.P. Macarini. – Campinas, 2000.

Согласно концепции Ж.П. Макарины, экономический рост в период правления военных¹ связан с той экономической политикой, которую проводил свергнутый ими Жоау Гуларт. В основе экономической стратегии Бразилии как в первой половине 1960-х годов, так и во второй – лежали принципы активной государственной экспансии в экономическую сферу, которые позднее гарантировали экономический рост в период «чуда»². Ж.П. Макарины, анализируя экономические мероприятия военных, исходил из того, что организаторы переворота ставили перед собой конкретные цели, а именно: борьба с инфляцией, которая воспринималась как источник большинства экономических проблем; форсированное развитие экономики (динамика воспринималась ими как лучшая альтернатива статике); стимулирование бизнес-сообщества на более активное инвестирование в экономику. С другой стороны, экономические успехи военных хронологически совпали с ростом в экономиках крупнейших партнеров Бразилии – США, Японии и ФРГ [Macarini, 2005].

Жозе Педру Макарины полагал, что авторитарная модель управления экономикой, основанная на «авторитарном национализме», использованная Вооруженными Силами, которая воспринималась теоретиками авторитарного режима как «адекватный ответ на вызовы, с которыми сталкивалась Бразилия», делала ставку на трансформацию бразильской экономики из аграрно-промышленной в преимущественно промышленную. Одной из форм подобной политики со стороны властей было изменение инвестиционного климата. Ж.П. Макарины констатировал, что авторитарный режим был мотором экономического роста: значительные государственные инвестиции были призваны стимулировать инвестиции как бразильского, так и зарубежного бизнес-сообщества в экономику Бразилии.

Важным фактором, который способствовал росту, государственных инвестиций было экономическое наследие, полученное военными от режима Ж. Гуларта, который уделял значительное внимание форсированной модернизации Бразилии, развивая преимущественно промышленный сектор. Сверхдоходы, полученные от развития тяжелой промышленности до 1964 года, были инвестированы военными в новые отрасли экономики и в сельское хозяйство [Macarini, 2005]. Значительное внимание, как считает Ж.П. Макарины, теоретики военного режима уделили диверсификации источников возможного экономического роста. Именно поэтому во

¹ Об экономической политике военных см.: Bacha E. Os mitos de uma década / E. Bacha. – Rio de Janeiro, 1976.

² Macarini J.P. A política econômica do governo Médici: 1970-1973 / J.P. Macarini // Nova Economia. – 2005. – Vol. 15. – No 3. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте в квадратных скобках [Macarini, 2005].

второй половине 1960-х годов политические элиты Бразилии сделали ставку на импортозамещение, развитие внутреннего рынка и увеличение экспорта [Macarini, 2005].

Теоретики бразильского авторитаризма полагали, что рынок мог существовать в «ограниченной» и «неограниченной» формах. Первый вариант был обусловлен региональными и политическими противоречиями участников рынка. С другой стороны, «нормальный» рынок был лишен этих противоречий, но уравновешен участием государства [Macarini, 2005]. При этом именно внутренний рынок воспринимался как основной инструмент государственного участия в управлении экономикой. С другой стороны, участники «революции 1964 года» осознавали, что перед ними стоят задачи преодоления негативных тенденций бразильской регионализации, что тормозило и замедляло темы экономического роста [Macarini, 2005].

Это выразилось в ревизии «модели сельскохозяйственного экспорта»¹, который составлял одну из основных доходных статей бразильского бюджета, что сопровождалось государственными инвестициями в некоторые отрасли промышленности с целью замещения импорта. Военный режим стремился преодолеть диспропорции, унаследованные от более раннего периода: в рамках новой модернизационной стратегии элиты отказались от преимущественного развития промышленности, полагая, что рост сельскохозяйственного производства и экспорта позитивно повлияет на рынок в целом, а здоровый рынок будет важнейшим стимулом для роста в промышленности [Macarini, 2005].

По мнению Ж.П. Макарины, экономический рост был вызван не только государственным вмешательством на макроуровне, что проявилось в активном использовании методов планирования (как формы государственного вмешательства), но и изменением экономической стратегии государства на микроуровне, например – в сфере управления сельским хозяйством [Macarini, 2005].

Во второй половине 1960-х годов сельское хозяйство в Бразилии стало источником экономического роста – развитие сельского хозяйства привело к оздоровлению рынка, оказав позитивное влияние и на другие отрасли бразильской экономики. С другой стороны, военный режим столкнулся и с проблемой размеров бразильского рынка, которые явно не соответствовали не только амбициям военных, но и тем результатам, которые были реально достигнуты. Таким образом, в современной бразильской экономической теории военный режим позиционируется как эффективная, но маргинальная модель управления экономикой по при-

¹ Об аграрной политике военного режима см.: Barros G.S. Investimentos em tratores agrícolas no Brasil / G.S. Barros. – Piracicaba, 1980.

чине сокращения роли политических институтов, что негативно отражалось на легитимности бразильского авторитаризма.

**Экономические институты и рынок в
авторитарном обществе (Ф. Велосу,
А. Виллела, Ф. Жиамбиажи)**

История Бразилии XX века – это история попыткой политической и экономической модернизации. Экономическая история Бразилии XX столетия предстает как история выработки и апробации различных концепций государственного участия в управлении экономикой. Государство пришло в экономику Бразилии почти одновременно с вступлением государства в эту сферу и в других западных государствах. Период экономического кризиса конца 1920-х годов вынудил политические элиты пересмотреть старые концепции развития бразильской экономики. Установление в 1930 году авторитарного режима Жетулиу Варгаса, попытки трансформирования бразильской экономики из моноэкономики кофе в современную капиталистическую экономику вынудили государство и правившие после Ж. Варгаса политические режимы, в том числе – и авторитарные, стать активным актором экономических процессов.

Проблемы государственного участия в экономике, которое проявилось в феномене «экономического чуда» 1968 – 1973 годов, привлекают внимание бразильского научного сообщества не только по причине экономического роста конца 1960-х – начала 1970-х годов, но и в контексте экономического наследия авторитарного режима, которое проявилось в период последующей модернизации.

В рамках бразильского научного сообщества не существует единого мнения относительно причин и характера «экономического чуда». Вероятно, следует выделить три точки зрения. Сторонники первой полагают, что позитивные изменения в экономике стали возможны благодаря применению кейнсианской модели, которая в Бразилии основывалась на экономических инициативах государства, экспансионистской денежно-кредитной стратегии и государственном стимулировании экспорта. В рамках другой концепции внимание акцентируется на благоприятной экономической ситуации в мировой экономике в целом, что превращает меры государственного вмешательства во второстепенный фактор. Что касается третьей концепции, то она основана на восприятии экономического чуда как феномена, связанного с институциональными изме-

нениями в рамках бразильской экономики на макро и микроуровнях.

По мнению ряда бразильских экономистов (Фернанду Велосу, Андри Виллела, Фабиу Жиамбиажи), «экономическое чудо» в Бразилии было достигнуто в первую очередь благодаря монетарной политики правящих элит, которые смогли добиться снижения инфляции¹. Предполагается, что «чудо» стало комплексным экономическим феноменом, хотя и признается то, что периоды роста чередуются с периодами регрессии, что низводит экономический рост до политически маркированной случайности, использованной авторитарным режимом для упрочнения социальной базы и легитимации в глазах общества [Veloso, Villela, Giambiagi, 2008].

Центральная проблема, связанная с изучением «чуда», состоит в анализе предпосылок роста. В бразильской экономической литературе предпринимаются попытки объяснить, почему с 1964 по 1967 год рост составлял только 4.2 % и каким образом с 1968 по 1973 год он возрос до 11.1 % [Veloso, Villela, Giambiagi, 2008]. В этом контексте попытки объяснения роста исключительно снижением и замедлением темпов инфляции выглядят неубедительно. С другой стороны, признается и то, что внешний фактор сыграл позитивную роль, что проявилось в росте международной торговле, низких процентных ставках на международном рынке и обилием иностранных кредитов в бразильскую экономику.

По мнению Фернанду Велосу, Андри Виллелы, Фабиу Жиамбиажи, «чудо» генетически было связано с экономической динамикой более раннего периода, когда в центре государственной политики была тяжелая промышленность [Veloso, Villela, Giambiagi, 2008]. В рамках подобной концепции «чудо», прежде всего, совокупность результатов, достигнутых от возвращения средств в экономику, вложенных в период президентства Жоау Гуларта. Бразильскими исследователями подчеркивает то, что экономическая политика, проводимая политическими элитами после 1964 года, преследовала не столько достижения экономического роста, сколько трансформации рынка в совокупность эффективно работающих и адаптирующихся к внешним и внутренним вызовам институтов [Veloso, Villela, Giambiagi, 2008].

Одним из этих институтов был кредит, направленный в различные сферы национальной экономики и частного сектора, развитие которых отвечало интересам авторитарного режима. Стимулируя кредит, авторитарный режим пошел на изменения финансовой сис-

¹ Veloso F.A., Villela A., Giambiagi F. Determinantes do “milagre” econômico brasileiro (1968-1973): uma análise empírica / F.A. Veloso, A. Villela, F. Giambiagi // Revista Brasileira de Economia. – 2008. – Vol. 62. – No 2. Далее ссылки на эту работу приводятся в тексте [Veloso, Villela, Giambiagi, 2008]

темы, которые преследовали целью сократить бюджетный дефицит, остановить инфляцию и создать условия, который, с одной стороны, способствовали бы укреплению стабильности, а, с другой, стимулировали инвестиции и экономический рост [Veloso, Villela, Giambiagi, 2008]. Реализуя эти меры, военные пошли на рационализацию налоговой системы путем отмены части налогов – например, налогов на экспорт промышленной продукции, налогов на прибыль от экспорта, возмещение части убытков бразильских экспортеров на внешнем рынке. Кроме этого военные инициировали налоговую амнистию, установив отсрочки по выплате налогов, что привело к увеличению реальных доходов [Veloso, Villela, Giambiagi, 2008].

Авторитарным режимом был взят курс на формирование открытого рынка, хотя это и делало его более уязвимым и зависимым от мировой конъюнктуры. В одинаковой степени позитивное значение имело и государственное вмешательство, и благоприятная внешняя среда, и макроэкономическая стабильность, а также налоговая политика и мероприятия военного режима, направленные на создание более открытого типа экономики. Фернанду Велосу, Андري Виллела, Фабиу Жиамбиажи склонны интерпретировать «экономическое чудо» в Бразилии как процесс, вызванный преимущественно внутренними национальными предпосылками. Внешние факторы почти не влияли на экономический рост, который стимулировался внутренними ресурсами и резервами.

Современное кейнсианство в контексте антикризисных стратегий

В рамках современного бразильского кейнсианства значительное внимание уделяется проблемам государственного участия в управлении экономикой в условиях кризисных ситуаций. Государство воспринимается бразильскими экономистами как центральный элемент функционирования экономической системы, а государственное участие как гарантия восстановления послекризисной экономики.

Бразильские кейнсианцы полагают, что в рамках капиталистической модели экономические кризисы являются неизбежными, что вызвано присущей капитализму в целом финансовой неустойчивостью, ставшей результатом «интернационализации финансовой системы, которая существенно изменила характер мировой экономической динамики»¹. Финансовая уязвимость капиталистических экономик усиливается и по причине постепенной эрозии традиционных для капитализма финансовых организаций и институтов, представленных в первую очередь банками². Банковский кризис ведет, по мнению бразильских экономистов, к «разрушению мировой финансовой архитектуры»³. Эта уязвимость в значительной степени стала результатом и тех трансформационных процессов, которые на протяжении второй половине XX века протекали в крупнейших экономиках Запада, а в 1990 – 2000-е годы затронули и бразильскую экономику.

Кейнсианцы в Бразилии полагают, что современный бразильский кризис является преимущественно финансовым, что вызвано деформациями в развитии капитализма, постепенным сокращением реального сектора и ростом активности финансовых инсти-

¹ Ferrari Filho F. Paula L.F. de, A Crise das Finanças Desregulamentadas: o que fazer? / F. Ferrari Filho, L.F. de Paula // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb> Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте [Ferrari Filho, Paula 1]

² Ferrari Filho F. Paula L.F. de, Apresentação: Pode “Ela” Acontecer de Novo? / F. Ferrari Filho, L.F. de Paula // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb> Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте [Ferrari Filho, Paula].

³ Farhi M., Magalhães Prates D., Penido de Freitas M.C., Macedo Cintra M.A. A Crise e os Desafios para a Nova Arquitetura Financeira Internacional / M. Farhi, D. Magalhães Prates, M.C. Penido de Freitas, M.A. Macedo Cintra // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb> Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте [Farhi, Magalhães Prates].

тутов¹. В этой ситуации на смену развитию экономики пришло ее расширение: крупнейшие игроки оказались вынужденными искать новые рынки для увеличения объемов прибыли². Отличительной особенностью подобной системы является то, что наиболее крупные игроки отдают приоритет не реальному производству, а финансовым операциям, что оказывает значительное влияние на экономический рост, трансформирующийся не в рост производства, а в рост числа финансовых операций и доходности по ним.

Подобный тип экономики определяется современными бразильскими исследователями как «спекулятивный»³. В этом отношении рост рынка продемонстрировал, что увеличение числа совершаемых операций не является универсальной парадигмой развития экономики, но в большей степени свидетельствует о кризисных тенденциях [Cardim de Carvalho]. Бразильские кейнсианцы считают, что современный международный экономический кризис в значительной степени отличается от Великой Депрессии. Если наступление Депрессии было вызвано общим ходом развития и эволюции капиталистической экономики, то современный кризис в большей степени спровоцирован попытками ликвидации механизмов государственного вмешательства и ставкой не на участие государства, но на планомерное дерегулирование экономики [Ferrari Filho, Paula].

Анализируя современный кризис, Л.К. Брессер-Перейра указывает и на то, что его можно интерпретировать как кризис доверия⁴. С другой стороны, важное влияние на возникновение кризисных тенденций в современной бразильской экономике, как полагают кейнсианцы, оказало активное участие Бразилии в мировой экономике. Поэтому «выгоды от глобализации» оцениваются ими как «весьма сомнительные». Общая нестабильность и уязвимость капитализма, по мнению бразильских кейнсианцев, связана и со склонностью части игроков к проведению спекулятивных сделок. В этой ситуации именно национальное государство в лице правительства должно играть большую экономическую роль, занимаясь борьбой

¹ Lourdes Rollemberg Mollo M. de, Crise e Deflação de Ativos: por quê? / M. de Lourdes Rollemberg Mollo // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb> Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте [Lourdes Rollemberg Mollo].

² Cardim de Carvalho F. Entendendo a Recente Crise Financeira Global / F. Cardim de Carvalho // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb> Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте [Cardim de Carvalho].

³ Deos S. A Contemporaneidade de Minsky / S. Deos // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb>

⁴ Bresser-Pereira L.C. Crise e Recuperação da Confiança / L.C. Bresser-Pereira // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb> Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте [Bresser-Pereira].

как с проявлениями кризисных явлений в экономике, так и их последствий [Ferrari Filho, Paula].

Л.К. Брессер-Перейра полагает, что в условиях экономического кризиса антигосударственная критика либералов в значительной степени теряет смысл в силу того, что именно государство создает такую «конституционно-правовую систему», которая делает возможным использование неолиберальных подходов к управлению экономикой [Bresser-Pereira]. Бразильский экономист Ж.К. де Ассиз подчеркивает, что мировой экономический кризис внес значительный коррективы в экономическую политику, заставив государство не только регулировать деятельность крупнейших игроков, но фактически вынудив его «спасать капитализм от самого себя»¹. Предполагается, что в условиях экономического кризиса государству следует прилагать усилия, направленные не только на привлечение новых иностранных инвестиций, регулирование спроса и стимулирование роста [Lourdes Rollemberg Mollo], но и на изменения в системе «регулирования банковского надзора» [Farhi, Magalhães Prates]², а также восстановление ликвидности и платежеспособности наиболее крупных игроков на рынке.

Защита подобных участников рынка основана не на классовой природе современного государства, но на понимании властями того, что разорение крупных банков приведет к структурному кризису экономики, что, в свою очередь, чревато политической нестабильностью [Bresser-Pereira]. С другой стороны, в условиях глобального характера экономического кризиса государство должно стать агрессивным и активным участником рынка³, действовать не только на национальном уровне, но и принять «повышение глобальной координации» [Ferrari Filho, Paula 1] как неизбежное условие для выхода из кризиса, ужесточив контроль над движением капитала на межгосударственном уровне [Assis]. Бразильский экономист Ж.К. де Ассиз полагает, что у государства нет иного выбора кроме активного вмешательства.

Возможность маневра исчезла во второй половине XX столетия, когда война перестала быть универсальным средством решения экономических и политических проблем. Политические перемены, связанные с почти всемирным утверждением демократии в развитых и развивающихся государствах, также существенно со-

¹ Assis J.C. de, A Superação da Crise pelo Pleno Emprego / J.C. de Assis // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb> Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте [Assis].

² См. также: Ribeiro de Mendonça A.R. Regulamentação Bancária, Gestão de Riscos e Gestão da Desordem Financeira / A.R. Ribeiro de Mendonça // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb>

³ Sicsú J. Para Além das Políticas de Resgate / J. Sicsú // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb>

кратили мобилизационные возможности государства, связанные с установлением авторитарных режимов [Assis]. В этой ситуации единственным экономическим партнером / соперником государства становится рынок. По мнению Ж.К. де Ассиза рост государственного вмешательства в экономику может привести к позитивным результатам, которые будут проявляться в функционировании «регулируемого капитализма», где функцию регулирования будет играть именно государство.

Государственное участие, как полагают сторонники кейнсианства в его бразильской версии, должно возрасти в финансовом секторе [Assis]. По мнению бразильских кейнсианцев, государственное вмешательство в экономику, несмотря на межгосударственную координацию, не должно затрагивать интересы национальных государств. Ф. Феррари Фильу и Л.Ф. Паула подчеркивают, что государство должно стать не врагом рынка, но его основным форматом и создателем. В связи с этим они подчеркивают, что «современный международный финансовый кризис показывают, что рынки не являются эффективными – поэтому необходимо видимое и заметное вмешательство со стороны государства с целью обеспечения функционирования невидимой руки рынка» [Ferrari Filho, Paula 1].

Современное бразильское кейнсианство в своем анализе международного экономического кризиса акцентирует внимание на нескольких аспектах. Особое внимание уделяется той трансформации, которую пережил западный капитализм, трансформировавшись в преимущественно финансовый, не основанный на производстве, капитализм. Бразильские кейнсианцы полагают, что подобная эволюция существенно ослабила адаптационные возможности капиталистической модели экономики, которая в 1990 – 2000-е годы трансформировалась из совокупности экономик национальных государств в мировую экономику. В рамках кейнсианского анализа подчеркивается необходимость актуализации государственного участия по той причине, что именно государство в состоянии эффективно бороться с проявлениями и последствиями экономического кризиса.

ДИЛЕММЫ РАЗВИТИЯ И РОСТА В БРАЗИЛЬСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Экономическое развитие, политические процессы и национализм в работах Симона Шварцмана

Проблемы развития и преодоления отсталости на протяжении длительного времени пребывали в центре внимания бразильских интеллектуалов. Развитие связывалось ими с процессами политической и экономической модернизации, которая, в свою очередь, соотносилась с бразильским национализмом. Именно национализм позиционировался как форма протекания модернизации. Одним из первых исследователей и теоретиков преодоления отсталости с междисциплинарных позиций был бразильский экономист и социолог Симон Шварцман.

Во второй половине 1950-х годов Симон Шварцман констатировал, что между проблемами развития и национализма существует устойчивая связь, а политические лозунги, связанные с двумя этими концептами в одинаковой степени позитивно воспринимаются различными слоями бразильского общества – рабочими, средним классом, военными и студентами¹. С. Шварцман полагал, что отсталость, «недостаточный уровень развития»², охватили все сферы бразильской национальной экономики. Согласно С. Шварцману, политическое развитие самым тесным образом связано с уровнем экономического развития³.

Концепция развития С. Шварцмана была всецело этатистской: «участия широких масс населения в процессе развития требует ак-

¹ Schwartzman S. A Filosofia do Subdesenvolvimento de Álvaro Vieira Pinto / S. Schwartzman // <http://www.schwartzman.org.br/simon/vieira.htm> Далее ссылки на это исследование приводятся в тексте [Schwartzman 1].

² Schwartzman S. Para um conceito sociológico de alienação política / S. Schwartzman // <http://www.schwartzman.org.br/simon/aliena.htm> Далее ссылки на это исследование приводятся в тексте [Schwartzman 2].

³ Schwartzman S. Desenvolvimento e Abertura Política / S. Schwartzman // <http://www.schwartzman.org.br/simon/abertura.htm> Далее ссылки на это исследование приводятся в тексте [Schwartzman 3].

тивного участия государства в процессе принятия решений и планирования» [Schwartzman 2]. Симон Шварцман полагал, что развитие является сложным процессом, который не следует смешивать с модернизацией: «модернизация не является простым результатом экономического развития, участие в политической жизни также не возникает в результате исключительно социальной модернизации» [Schwartzman 3].

С другой стороны, бразильский исследователь акцентировал внимание и на том, что «степень развития политической системы только частично зависит от процесса экономических и социальных изменений» [Schwartzman 3]. Развитие определялось С. Шварцманом как политика последовательной институционализации, в рамках которого существующие институты, с одной стороны, становятся социально ценными, а, с другой, стабильными [Schwartzman 3]. Комментируя проблемы развития, Симон Шварцман писал, что «проблема экономического развития уже давно перестала рассматриваться как чисто техническая, став ключевым вопросом политики» [Schwartzman 2].

По мнению С. Шварцмана, именно развитие было наилучшим способом борьбы против социальных проблем, таких как бедность, голод, эпидемии [Schwartzman 1]. Симон Шварцман подчеркивал, что в политике борьбы против отсталости следует применять политику «рационального планирования» [Schwartzman 1]. С другой стороны, Симон Шварцман считал, что капиталистические страны столкнулись с проблемой развития. С. Шварцман подчеркивал, что во второй половине процесс роста в развитых странах замедлился. Поэтому бразильский исследователь подчеркивал, что модель развитого Запада неприменима в Бразилии [Schwartzman 2], которая нуждается в решении своих проблем революционно, а не эволюционно. Шварцман полагал, что «процесс экономического развития отсталых стран отличается от процесса развития развитых стран в темпах роста и организационной структуры промышленности» [Schwartzman 3].

Важной сферой государственного участия в управлении бразильской экономики, согласно концепции С. Шварцмана, была политика выравнивания уровней регионального развития. Анализируя региональные проблемы, С. Шварцман полагает, что центр сталкивался с «политическим отчуждением» [Schwartzman 2] регионов, что связана с различными уровнями политического развития регионов. Процесс отчуждения в Бразилии стимулировался и неравномерным уровнем развития регионов: урбанизация в сочетании с модернизацией вели не только к экономическому развитию и росту городов, но и к разрушению «экономики аграрных регионов» [Schwartzman 3].

Симон Шварцман подчеркивал, что центру следует проводить политику последовательной интеграции регионов, создавая единое экономическое пространство и привлекая инвестиции в наименее развитые бразильские регионы. С. Шварцман полагал, что «экономическое развитие должно осуществляться на основе прогрессивной индустриализации страны, с созданием производственной базы, с ростом производительности и полной занятости производительных сил» [Schwartzman 1]. Формой участия государства в экономическом развитии, как полагал С. Шварцман, должна быть борьба с безработицей [Schwartzman 2].

Анализируя особенности бразильской модели развития, С. Шварцман подчеркивал, что «стремление к экономическому развитию слаборазвитых стран является важной политической силой в современном мире» [Schwartzman 2]. С. Шварцман настаивал на том, что именно национализм может стать подлинной «идеологией развития» Бразилии. Комментируя эту проблему, С. Шварцман писал, что «национальной философией в Бразилии может стать только философия развития», основанная на социальном и политическом компромиссе между различными классами бразильского общества. С другой стороны, С. Шварцман был уверен, что динамичное и успешное развитие бразильской экономики возможно только в рамках капиталистической модели. Поэтому, он исходил из того, что Бразилия «должна интегрироваться в мировую капиталистическую структуру» [Schwartzman 1].

Восприятие развития как центральной политической и экономической задачи оказало значительное влияние на экономическую теорию в Бразилии. Теория развития, которая самым тесным образом пересекалась с национализмом, на протяжении второй половины XX века воспринималась как универсальная программа и ориентир развития для бразильских политических элит. Именно теория развития была положена в основу авторитарной модели модернизации в рамках военного режима, установленного в 1964 году.

Проблемы государственного управления развивающейся экономикой (Жунквейра Ботельу, Лосада Мореира)

На протяжении длительного времени в экономической теории Бразилии доминировала кейнсианская парадигма, а сама процедура принятия и реализации экономических решений инициировалась государством. В рамках современного бразильского неокейнсианства особое внимание уделяется проблемам экономического развития. Развитие бразильскими экономистами воспринимается как универсальная форма, с одной стороны, модернизации, сознательного разрушения институтов и отношений, которые не вписываются в современную экономическую модель, и, с другой, экономического роста.

Бразильский экономист А.Ж. Жунквейра Ботельу полагает, что именно государство может стать важным актором процессов экономического развития (*desenvolvimentismo*)¹, стимулируя применения новых технологий в «стратегических секторах национальной экономики – в телекоммуникациях, нефтяной промышленности и электроэнергетике»². С другой стороны, бразильская исследовательница В.М. Лосада Мореира констатирует, что в XX столетии бразильская экономика была самым тесным образом связана с развитием национализма³, который при поддержке со стороны государства создал модель эффективного развития экономики⁴. Значительная роль национализма способствовала экономической

¹ О феномене *desenvolvimento* в бразильской интеллектуальной традиции см.: Corbisier R. Brasília e o desenvolvimento nacional / R. Corbisier. – Rio de Janeiro, 1960; Jaguaribe H. Condições institucionais do desenvolvimento brasileiro / H. Jaguaribe. – Rio de Janeiro, 1958.

² Junqueira Botelho A.J. Globalização, regulação e neonacionalismo: uma análise das agências reguladoras / A.J. Junqueira Botelho // Revista de Sociologia e Política. – 2002. – No 18. Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте [Junqueira Botelho, 2002]

³ Национализм был важным фактором экономического развития Бразилии. См.: Prado C. Nacionalismo e capital estrangeiro / C. Prado // Revista Brasileira. – 1955. – No 2. – P. 80 – 93; Jaguaribe H. O nacionalismo na atualidade brasileira / H. Jaguaribe. – Rio de Janeiro, 1958; Lamounier B. / B. Lamounier // História Geral da Civilização Brasileira. O Brasil Republicano. Sociedade e Instituições (1889 – 1930) / org. B. Fausto. – São Paulo, 1978. – Т. III. – Vol. 2. – P. 343 – 374; Weffort Fr. O populismo na política brasileira / Fr. Weffort. – Rio de Janeiro, 1980.

⁴ Losada Moreira V.M. Nacionalismos e reforma agrária nos anos 50 / V.M. Losada Moreira // Revista Brasileira de História. – 1998. – Vol. 18. – No 35. Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте [Losada Moreira, 1998]

трансформации Бразилии, которая проявилась в урбанизации, которая способствовала развитию региональной экономики¹.

На протяжении XX века бразильский национализм существовал в различных формах от радикального фашизма и коммунизма до либерализма и популизма [Losada Moreira, 1998]. Сторонники всех этих течений были склонны видеть именно в государстве центральный институт управления национальной экономикой. Анализируя особенности развития современной бразильской экономики, Жунквейра Ботелу исходит из уверенности в том, что изменения в управлении этих принципиально важных для национальной экономики корпораций тесно связаны с управлением и регулированием экономики в целом. Современные бразильские экономисты полагают, что Бразилия нуждается в «изменении парадигмы экономического развития» [Junqueira Botelho, 2002].

С другой стороны, В.М. Лосада Морейра подчеркивает, что одной из центральных идей в общественно-политическом дискурсе Бразилии была идея самодостаточности, автаркии, необходимости достижения экономического роста собственными силами. В подобной ситуации национализм воспринимался как универсальное идеологическое обоснование экономического роста и развития², достижимого благодаря государственному вмешательству в экономику. Примером подобной политики признается авторитарный режим Жетулиу Варгаса, который актуализировал ценности бразильского национализма, способствуя их синтезу с задачами развития национальной экономики [Losada Moreira, 1998].

Лосада Морейра, анализируя особенности государственного участия в управлении развитием, подчеркивает, что во второй половине XX века значительную роль в Бразилии играл «экономический национализм», который проявлялся в «интенсивной промышленной и экономической деятельности». Националистическая логика политических элит проявлялась в укреплении капитализма, который воспринимался ими как «основа национального развития» и механизм борьбы с зависимостью и отсталостью Бразилии от других капиталистических стран [Losada Moreira, 1998]. Государство, как считают бразильские экономисты, в рамках внедрения инноваций должно использовать экономические, социальные и административные методы коррекции развития. Анализируя особенности

¹ Lohn R.L. Limites da utopia: cidade e modernização no Brasil desenvolvimentista (Florianópolis, década de 1950) / R.L. Lohn // Revista Brasileira de História. – 2007. – Vol. 27. – No 53.

² О смыкании традиции этатизма и националистической идеологии в Бразилии см.: Bieguelman P. A Revista Brasiliense e a expressão teórica do nacionalismo econômico brasileiro / P. Bieguelman // História e Ideal. Ensaios sobre Caio Prado Junior / org. M.Â. d'Incaro. – São Paulo, 1989. – P. 449 – 478.

экономической политики Бразилии, Жунквейра Ботельу констатирует, что бразильская экономика «имеет ограниченный опыт государственной политики в отношении регулирования инновационной деятельности» [Junqueira Botelho, 2002].

С другой стороны, предполагается, что именно государство должно стимулировать прикладные научные исследования, внедрение которых может в перспективе способствовать экономическому росту. По мнению Жунквейры Ботельу, именно государству должна принадлежать ведущая роль в «промышленной политике», основанной на внедрении инноваций. Наиболее важной сферой применения инноваций, как считают бразильские экономисты, является рынок мобильной (сотовой) связи, что привело к «серьезным диспропорциям» [Junqueira Botelho, 2002] в развитии бразильской экономики. Доминирование государства вовсе не исключает приватизации некоторых отраслей. Жунквейра Ботельу подчеркивает, что именно приватизация стала наиболее важным компонентом экономических реформ 1990-х годов, но не ликвидировала государственное участие в экономике, только трансформировав его.

Приватизация и инновации, как считает Жунквейра Ботельу, «способствует развитию добросовестной конкуренции на рынке и содействует консолидации новых участников» [Junqueira Botelho, 2002]. Экономические инновации в рамках современной бразильской теории позиционируются как эффективный способ для повышения конкурентоспособности экономики. Бразильские экономисты полагают, что инновации в экономике тесно связаны с фактором экономической регионализации. С другой стороны, инновации бразильской национальной экономики важны в контексте экономической глобализации, которая «легитимизирует политические и институциональные последствия» [Junqueira Botelho, 2002] постепенного разрушения замкнутости экономик отдельных национальных государств.

Меняющийся характер экономики, ее большая интеграция в мировую экономику ставит новые задачи перед государством, которое должно вмешиваться в деятельность международных корпораций, если их активность противоречит национальным интересам [Losada Moreira, 1998]. Инновации в национальной экономике тесно связаны с инвестициями, которые Жунквейра Ботельу оценивает как форму стимулирования роста ВВП. Жунквейра Ботельу полагает, что в 1990-е годы правительства ряда стран Запада сделали выбор в пользу неолиберальной модели, проводя политику дерегулирования, забыв, что именно регулирование является одним из наиболее действенных экономических механизмов [Junqueira Botelho, 2002].

Концепция *desenvolvimentismo* играет важную роль в современной бразильской экономической теории, будучи тесно связанной с кейнсианскими концепциями. Теория развития позиционируется как форма борьбы Бразилии с отсталостью и внешней зависимостью. *Desenvolvimentismo* воспринимается как форма создания современной инновационной эффективной экономики. Предполагается, что развитие, направляемое государством, проявляется в экономическом росте, преодолении региональных различий и более успешном участии Бразилии в мировой экономике.

Проблемы индустриализации и национализма в контексте экономического развития (П.С. Дутра Фонсека)

Бразильская экономическая наука на протяжении второй половины XX столетия развивалась в условиях мощного влияния со стороны этатистских концепций, которые основывались на признании направляющей роли государства в развитии и руководстве национальной экономикой. Государство позиционировалось бразильскими интеллектуалами не только как центральный элемент экономической системы, но и как актор, способный гарантировать и обеспечить позитивные экономические изменения – экономическое развитие и рост.

Бразильский экономист Педру Сэзар Дутра Фонсека¹ полагает, что экономическая история Бразилии XX века существенно осложняет выработку единой дефиниции понятия «экономическое развитие». Дутра Фонсека указывает на то, что на протяжении длительного времени развитие (девелопментализм) ассоциировалось с индустриализацией, политикой государственного интервенционизма, стимулированием роста через государственное воздействие, применением методов планирование, создание банков и отраслей промышленности, контролируемых государством².

¹ Dutra Fonseca P.C. RS: economia & conflitos políticos na República Velha / P.C. Dutra Fonseca. – Porto Alegre, 1983; Dutra Fonseca P.C. Vargas: o capitalismo em construção / P.C. Dutra Fonseca. – São Paulo, 1989; Dutra Fonseca P.C. Positivism, trabalhismo, populismo: a ideologia das elites gaúchas / P.C. Dutra Fonseca // Ensaios FEE. – 1993. – Vol. 14. – No 2. – P. 410 – 421; Dutra Fonseca P.C. As origens e as vertentes formadoras do pensamento cepalino / P.C. Dutra Fonseca // Revista Brasileira de Economia. – 2000. – Vol. 54. – No 3. – P. 3333 – 3358.

² Dutra Fonseca P.C. Gênese e precursors do desenvolvimentismo no Brasil / P.C. Dutra Fonseca // <http://www.ufrgs.br/decon/publionline/textosprofessores/fonseca/> Далее

Дутра Фонсека констатировал то, что попытки государственного стимулирования экономического роста имели место не только в республиканский период. Он полагал, что первые шаги в этом направлении были сделаны в Империи, что проявилось в проведении политики «протоиндустриализации» [Dutra Fonseca], связанной с развитием бразильского национализма в Империи. В имперский период националисты полагали необходимым поддерживать государственное вмешательство в экономику ради обеспечения конкурентоспособности бразильской продукции на внешних рынках.

Именно в имперский период, как полагает Дутра Фонсека, были заложены идейные предпосылки для возникновения таких идей теории роста как государственная защита национальных производителей и поддержка со стороны государства при проникновении на иностранные рынки. Дутра Фонсека полагает, что без этой ранней политики государственного стимулирования в форме традиционного для того времени протекционизма были бы невозможны более поздние и масштабные государственные интервенции и вмешательства в национальную экономику [Dutra Fonseca].

Подобная политика, по мнению Дутры Фонсеки, сопровождалась ростом политического и экономического национализма, в усилении которого ведущую роль играло именно государство, склонное позиционировать национализм как универсальную идеологию политической мобилизации масс для решения экономических задач. Анализируя особенности политики развития в республиканский период¹, Дутра Фонсека констатирует, что во второй половине XX столетия подобная политика имела в своей основе три элемента, а именно – индустриализация², государственное вмешательство с целью стимулирования экономического роста и национализм. Именно бразильские националисты были главными «сторонниками индустриализации и интервенционистского стимулирования экономического роста» [Dutra Fonseca].

ссылки на настоящую работу приводятся в тексте в квадратных скобках [Dutra Fonseca].

¹ Об экономической политике Бразилии в XX веке см.: Abreu M. A ordem do progresso: cem anos de política econômica republicana (1889 – 1989) / M. Abreu. – Rio de Janeiro, 1989; Casto Gomes Â.M. de, *Burguesia e trabalho, política e legislação social no Brasil, 1917 – 1937* / Â.M. de Casto Gomes. – Rio de Janeiro, 1979

² О примате идей индустриализации в рамках экономического развития в Бразилии в XX столетии подробнее см.: Carone E. O pensamento industrial no Brasil (1880-1945) / E. Carone. – Rio de Janeiro – São Paulo, 1977; Carone E. O centro industrial do Rio de Janeiro e sua importante participação na economia nacional (1827-1977) / E. Carone. – Rio de Janeiro, 1978; Luz N.V. A luta pela industrialização do Brasil / N.V. Luz. – São Paulo, 1975.

В рамках националистической модели экономического роста в качестве центральных позиционировались идеи необходимости развития внутреннего рынка, а также индустриализации, инициируемой и направляемой государством. Дутра Фонсека указывает и на то, что бразильские националисты не сразу пришли к столь радикальной стратегии государственного стимулирования экономического развития. На протяжении первой четверти XX века теории бразильского национализма (Алберту Торрес, Америку Вернек) настаивали на аграрном характере развития бразильской экономики. Дутра Фонсека полагает, что между националистами-руралистами и сторонниками индустриализма существовала непосредственная идеологическая преемственность [Dutra Fonseca].

Дутра Фонсека полагает, что руралисты были в большей степени националисты в силу того, что подчеркивали и культивировали историческую уникальность Бразилии в то время как их оппоненты, сторонники индустриальной модели, оказались более прагматичными, уловив связь между промышленным ростом и политическим прогрессом. Для сторонников преимущественно индустриальной модели развития политический и экономический рурализм ассоциировался с империей и экономической отсталостью. В связи с этим он подчеркивает, что «Алберту Торрес, несмотря на характерный для его идей антииндустриализм, был одной из наиболее важных фигур, которые оказали воздействие на поколение националистов 1920 – 1930-х годов, в том числе – и на идеологию Нового государства» [Dutra Fonseca].

Окончательный выбор в пользу индустриальной модели роста был сделан только в рамках авторитарного режима Ж. Варгаса¹. Стратегия бразильских элит в связи с этим определяется как «интервенционистская политика стимулирования экономического роста», что было связано не только с их приверженностью идеям стабильности, но и пониманием необходимости развития [Dutra Fonseca]. С другой стороны, государственное управление экономическим развитием позиционируется бразильскими экономистами как необходимое условие экономического прорыва – сокращения бедности и повышения уровня жизни.

Подобные результаты, согласно Дутре Фонсеке, могут быть достигнуты исключительно в условиях руководства экономикой со стороны государства как института, «воплощающего передовой опыт бюрократической рациональности в политике» [Dutra Fonseca]. Дутра Фонсека полагает, что в период авторитарного ре-

¹ Об экономической политике Жетулиу Варгаса см.: Bak J.L. Cartels, cooperatives, and corporatism: Getúlio Vargas in Rio Grande do Sul on eve of Brazil's 1930 Revolution / J.L. Bak // *Hispanic American Historical Review*. – 1983. – Vol. 63. – No 2. – P. 255 – 275.

жима Ж. Варгаса политические элиты Бразилии смогли выработать т.н. «прагматический национализм», основанный, с одной стороны, на разрыве со старой идеалистической рурально-изоляционистской традицией, и, с другой, на признании необходимости индустриализации, в том числе – и с привлечением иностранных инвестиций.

Современная экономическая теория в Бразилии в своем анализе проблем роста и развития исходит из уверенности в том, что для бразильской экономической политики в XX веке была характерна устойчивая традиция государственного вмешательства, а правительства были склонны позиционировать себя в качестве основных факторов развития, полагая, что именно стимулирование экономического роста принадлежит к числу важнейших задач государственной власти.

Проблемы экономического роста в условиях переходной экономики (Р. Датхайн, А. Лима)

В рамках бразильской экономической теории неоднократно подчеркивалась значительная роль государства в выработке и реализации экономических решений. Процесс политической демократизации, тенденции к интернационализации экономики поставили перед экономистами новые задачи, связанные с изучением негосударственных акторов, а также той роли, которую они играют в процессе экономического развития.

Бразильский экономист Рикарду Датхайн¹ полагает, что до начала 1980-х годов бразильская экономика развивалась исключительно в рамках этатистской модели, а авторитарный политический режим гарантировал экономический рост². В рамках подобной модели именно государство играло ведущую роль, что не исключало его сотрудничества с национальными и международными корпорациями. Авторитарный военный режим, установленный в 1964 году, предусматривал «низкий уровень экономической либерализации», что способствовало росту, но исключительно на уровне

¹ Dathein R. Governo Lula: uma alternativa de política econômica para evitar seu fracasso e atingir o desenvolvimento com estabilidade de preços / R. Dathein // Indicadores Econômicos FEE. – 2004. – Vol. 31. – No 4.

² Dathein R. Brasil: vinte e cinco anos de estagnação econômica e as opções do desenvolvimento / R. Dathein // <http://www.ufrgs.br/decon/> Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте в квадратных скобках [Dathein].

внутреннего рынка при условии защиты «слабого национального инвестора со стороны государства» [Dathein] и государственно направляемой «индустриализации с целью снижения внешней зависимости»¹.

Комментируя эту модель развития, Антониу Эрнани Мартинс Лима подчеркивает, что экономика авторитарных режимов может развиваться исключительно опираясь на «кейнсианский протекционизм» [Lima]. В такой экономической системе стабильность достигалась исключительно в результате пакта между консервативными силами, хотя общее финансовое положение в стране оставалось нестабильным. Демократизация привела к возникновению новых тенденций в развитии экономики². Периодические кризисы вывели к сокращению инвестиций, стимулируя политику государства, направленную на отказ от своих обязательств. Экономическая модель авторитарного направления в такой ситуации рухнула практически сразу после того, как власти инициировали процесс политической демократизации.

С другой стороны, бразильские экономисты подчеркивают, что подобная политика почти не в состоянии привести к стабильности, так как рассчитана исключительно на краткосрочную перспективу [Dathein]. В подобной ситуации Бразилия фактически отказалась от выработки «планов развития в долгосрочной перспективе» [Lima]. Поэтому экономическая государственная политика постепенно трансформировалась из поддержания крупных отраслевых проектов в совокупность мер макроэкономического характера, направленных на достижение стабильности. Реализация подобной программы не предусматривала экономического прорыва, что привело к сокращению темпов роста по сравнению с авторитарным режимом. Р. Датхайн полагает, что универсальным средством исправления ситуации может стать только новая актуализация государственного участия в управлении экономикой, что может, например, проявиться в использовании планирования [Dathein].

Политическая демократизация неизбежно привела и к экономической либерализации, которая в первую очередь отразилась на государственном секторе, лишив часть отраслей поддержки со стороны властей. Сокращение государственных инвестиций, по мнению Р. Датхайна, привело к стагнации, которая затрагивала именно государственные предприятия. Кроме этого экономические эксперименты, связанные с попытками замещения импорта, также не

¹ Lima A. Financiamento para o Desenvolvimento / A. Lima // <http://www.ufrgs.br/decon/> Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте в квадратных скобках [Lima].

² О транзитной экономике в Бразилии см.: Carneiro R. Desenvolvimento em Crise: a economia brasileira no último quarto do século XX / R. Carneiro. – São Paulo, 2002.

могли положительно сказаться на экономическом росте, способствуя его сокращению и замедлению. Политическая либерализация, как полагает Р. Датхайн, подорвала способность государства проводить эффективные интервенции в экономику, ослабив кроме этого и его потенциал в сфере планирования. Либерализация режима привела к установлению открытой экономической модели¹, что сделало бразильскую экономику более подверженной внешним влияниям.

В связи с этим Р. Датхайн подчеркивает, что «эрозия кейнсианского интервенционизма», с одной стороны, и процессы финансовой и экономической глобализации, с другой, «существенно снизили регулятивный потенциал традиционного национального государства» [Dathein]. Поэтому лозунги «создания минимального государства» как условия для достижения «макроэкономического равновесия» не нашли широкой поддержки среди бразильских экономистов. В такой ситуации Бразилия могла рассчитывать только на свои внутренние силы, что было крайне болезненно для бразильской экономике, которая унаследовала от авторитарного режима инерцию к росту и развитию, проявлявшемуся в «технологической революции» в стране, «обладавшей низким внутренним потенциалом для создания новых технологий» [Dathein].

Поэтому между бразильскими политическими и экономическими элитами был достигнут компромисс о невозможности возвращения к прежней – авторитарной – модели развития. В результате государство, которое начинает позиционировать Бразилию в качестве страны ориентированной на развитие, санкционировало ограниченную либерализацию и приватизацию экономики, предпочитая руководить процессом, не уступая инициативы частным акторам. В рамках подобной модели бизнес-сообщество отказалось от критики государства как изначально неэффективного института, считая необходимым использовать государственные инициативы, направленные на экономическую либерализацию.

¹ О процессах интернационализации бразильской экономики и ее интеграции в мировую см.: A Nova Economia Internacional: uma perspectiva brasileira / org. R. Gonçalves. – Rio de Janeiro, 1998.

Дилеммы направляемого развития: между этатизмом и частно-государственным партнерством

Отличительной особенностью развития бразильской экономики является мощная тенденция к регионализации, что связано как со значительными территориальными размерами Бразилии, так и историко-политическим наследием прошлого, которое характеризуется наличием регионов, которые в значительной степени отличались друг от друга¹. Решение задач, связанных с экономической модернизацией, требует от бразильских элит и решения проблем различного уровня развития в региональном измерении.

Бразильский экономист Мариу Рожериу Силвейра связывает проблемы развития регионов как с общим уровнем развития промышленности, политической динамикой, международной экономической конъюнктурой, а также с развитием транспортной системы, что является особо актуальным для Бразилии, принимая во внимание не только размеры ее территории, но климатически-географическое разнообразие². Региональное развитие, как полагает М.Р. Силвейра, тесно связано с политическими процессами и той стратегией, которой придерживаются политические элиты при проведении региональной политики. Примером подобной проводимой сверху региональной политики является штат Санта-Катарина, территория которого стала ареной для экономических экспериментов, связанных со строительством железных дорог и сопутствующей инфраструктуры³.

Строительство железных дорог в регионе преследовало две цели: с одной стороны, стимулировать бразильский экспорт; с другой – упрочить внутренние региональные связи. М.Р. Силвейра подчеркивает, что «пути сообщения играют важную роль в развитии национальной экономики» [Silveira, 2005]. Другими экономически значимыми факторами были постепенная трансформация Сан-

¹ О географическом бэк-граунде различных уровней развития в Бразилии см.: Silveira M.R. A importância geoeconômica das estradas de ferro para o Brasil / M.R. Silveira. – São Paulo, 2003 (Tese do Doutorado em Geografia, Faculdade de Ciência e Tecnologia, Universidade Estadual Paulista)

² Silveira M.R. Estradas de ferro do Brasil: das concessões as parcerias público privadas / M.R. Silveira // <http://www.conhecer.org.br/enciclop/2005/200515a.pdf> Далее ссылки в тексте в квадратных скобках [Silveira, 2005]

³ О строительстве путей сообщения как формы государственного участия в управлении экономикой см.: Natal J.L.A. Transporte, ocupação do espaço e desenvolvimento capitalista no Brasil: história e perspectiva / J.L.A. Natal // Revista Ensaio. – 1991. – Vol. 12. – No 2. – P. 293 – 307.

Паулу в ведущий экономический экспортноориентированный центр, а также наличие ряда национальных сообществ, которые занимали мощные позиции в бразильской экономике [Silveira, 2005]. В частности, в период существования авторитарного режима Жетулиу Варгаса государство выступало в качестве инициатора политического развития, «создавая новые предприятия и укрепляя существующие»¹, а также стимулируя строительство железных дорог в некоторых регионах, которые позднее утратили свое экономическое значение.

М.Р. Силвейра полагает, что экономические меры Ж. Варгаса, направленные на расширение внутреннего рынка, замещение импорта и стимулирование экспорта, привели к «глубоким изменениям в общей структуре национальной экономики» [Silveira, 2005]. При этом во внимание следует принимать и то, что столь активное железнодорожное строительство не привело к полной реализации амбициозных целей, которые ставились Варгасом: Бразилия не смогла создать в полной мере интегрированный внутренний рынок, хотя и значительно продвинулась в этом направлении. Именно благодаря этатистской политике Ж. Варгаса в Бразилии была создана сеть железных и шоссейных дорог, направленных в сторону побережья, что было связано с необходимостью увеличения экспорта. Осознавая, что государство не в состоянии самостоятельно решить столь важные экономические задачи, политические элиты сделали ставку и на поощрение частных инвестиций в «инфраструктуру тяжелой промышленности» [Silveira, 2005].

Кроме этого в качестве стимулов для строительства железных дорог (с 1930 по 1960 год в Бразилии было построено около шести тысяч километров железных дорог) выступили процессы индустриализации² и урбанизации, которые контролировались и направлялись, как правило, государством. Комментируя экономическое содержание железнодорожного строительства, инициируемого государством, М.Р. Силвейра подчеркивает, что оно было непосредственно связано с «глобальными экономическими циклами и политикой замещения импорта», хотя и не отражалось значительно на социальном и экономическом уровнях развития регионов [Silveira, 2005], на которую делали ставку бразильские националистические элиты.

Политическая динамика последующих лет привела к военному перевороту 1964 года, результатом которого стало бразильское

¹ Silveira M.R. O Governo Lula e o transporte ferroviário: o caso das parcerias público-privadas / M.R. Silveira // <http://www.conhecer.org.br/enciclop/2005/200527a.pdf> Далее ссылки в тексте в квадратных скобках [Silveira, 2005a]

² Mamigonian A. Teorias sobre a industrialização brasileira / A. Mamigonian // Cadernos Geográficos. – 2000. – No 2.

«экономическое чудо», протекавшее на фоне не только значительного роста ВВП, но и кризиса традиционных путей сообщения, в том числе – и железных дорог [Silveira, 2005]. Отказ от открытого этатизма привел к изменению государственной экономической политики: государство было вынуждено уходить из стратегических отраслей, привлекая частных инвесторов¹, способных сделать затратные отрасли рентабельными [Silveira, 2005]. М.Р. Силвейра полагает, что подобная политика государства, которое стремилось отказаться от убыточных отраслей национальной экономики, которые требовали значительных государственных дотаций, привело к формированию монополий, что создало для государства новые проблемы в сфере регулирования рынка. Попыткой улучшения экономической ситуации стал курс на развитие частно-государственного партнерства. По мнению М.Р. Силвейры, центральная роль в этом партнерстве должна принадлежать именно государству [Silveira, 2005a].

Подобная политика элит вовсе не означает полного отказа от принципов этатизма. В новых экономических условиях этатизм в Бразилии трансформируется в частно-государственное партнерство, которое, мнению М.Р. Оливейры, не только стало проявлением склонности политических элит к экономическому либерализму, но и привело к экономической рецессии. Проявлением подобной политики стала приватизация и денационализация. С другой стороны, в рамках бразильской экономической теории признается центральная роль государства в развитии экономики. Бразильские экономисты акцентируют внимание на том, что выход из экономического кризиса, вызванного интернационализацией экономики, возможен в случае актуализации регулирующей роли государства и ограниченного применения моделей, предложенных в рамках националистических модернизационных стратегий Жетулиу Варгаса и Жуселину Кубичека.

¹ О подобных тенденциях в развитии бразильской экономики см.: Biondi A. O Brasil privatizado: um balanço do desmonte do Estado / A. Biondi. – São Paulo, 1999.

Марксистские концепции экономического развития (А. Мореира Кунья)

В рамках современной бразильской экономической теории «развитие» является одной из центральных категорий, которая глубоко интегрирована в исследовательский инструментарий. Бразильские экономисты не склонны ограничивать феномен развития исключительно XX столетием. Часть экономических исследований сфокусирована на изучении феномена развития в исторической перспективе.

Бразильский экономист А. Мореира Кунья считает, что научный анализ проблем развития экономики Бразилии возможен в рамках междисциплинарной модели. Из всех экономических школ А. Мореира Кунья отдает предпочтение марксизму, полагая, что «величайшей добродетелью этой теории является возможность понимания специфики различных процессов капиталистического развития, не впадая в крайности выделения общего и частного»¹. В связи с этим А. Мореира Кунья подчеркивает, что в рамках марксизма (под которым он, вероятно, имеет в виду неомарксизм, а не классический марксизм² или те разновидности вульгарного марксизма, которые доминировали в советской экономической теории) открывается возможность ревизии восприятия развития как исключительно технического процесса.

Концепция А. Мореира Куньи основана на неомарксистском девелопментализме, который склонен полемизировать с классическими теориями развития, упрекая их сторонников в неспособности анализировать регионально и исторически детерминированные модели экономического роста. Именно поэтому А. Мореира Кунья предпочитает писать не о трансформации и развитии капиталистической модели в целом, а о различных «типах капиталистического развития» [Moreira Cunha]. А. Мореира Кунья склонен позиционировать развитие бразильской экономики как «историческое движение», состоящие из различных элементов, одни из которых уникальны, а другие имеют много общего с экономическими процессами на территории Европы и Америки.

¹ Moreira Cunha A. A Colonização e o Desenvolvimento Capitalista do Brasil / A. Moreira Cunha // <http://www.ufrgs.br/decon/> Далее ссылки на настоящую работу приводятся в тексте в квадратных скобках [Moreira Cunha].

² Работы Карла Маркса в Бразилии издавались неоднократно. См.: Marx K. Capítulo IV Inédito do O Capital: Resultados do Processo de Produção Imediata / K. Marx. – São Paulo, 1969; Marx K. O Capital: Crítica da Economia Política / K. Marx. – Rio de Janeiro, 1989.

Таким образом, экономическое развитие Бразилии с исторической точки зрения интегрируется в общемировой процесс становления, развития и функционирования экономики, основанной на капиталистической модели. В этой ситуации развитие Бразилии определяется как «капиталистическое» [Moreira Cunha]. С другой стороны, А. Морейра Кунья указывает на то, что Бразилия принадлежит к числу стран т.н. «позднего капитализма»¹, что вызвано более поздним утверждением капиталистических отношений в качестве доминирующих в национальной экономике в целом. Морейра Кунья полагает, что анализируя проблемы экономического развития Бразилии, не следует радикально отделять колониальный период от периода независимости – Империи и Республики, связанными с развитием капитализма.

В рамках подобного восприятия колониальный этап в истории Бразилии позиционируется как эпоха своеобразной экономической «беременности» капитализмом [Moreira Cunha]. По мнению бразильского экономиста, португальская колонизация Бразилии заложила основы капиталистической модели, фактически став «широким движением, направленным в сторону формирования капиталистического способа производства» [Moreira Cunha]. Морейра Кунья подчеркивает, что именно в колониальный период сложились принципиально важные и значимые для будущего капитализма экономические институты, связанные с развитием торговли.

Трансформация торговли из национальной в международную, межконтинентальную, что было связано с географическими открытиями и началом португальской колонизации, предстает как «часть масштабного процесса, связанного с формированием капиталистического способа производства» [Moreira Cunha]. Португальская колонизация Южной Америки привела к некоторой либерализации португальцев, создав условия для развития экономической свободы и инициативы, что привело к «коммерциализации» модели существования среднего португальца в колониях.

Подобный процесс заложил основы для мировоззренческого кризиса феодальной системы, которая фактически оказалась не в состоянии конкурировать с «европейской торговой экспансией» [Moreira Cunha] и колонизационными процессами, которые протекали не только по причине экономической необходимости, но и

¹ О национальных особенностях бразильской модели развития капитализма см.: Furtado C. *Formação Econômica do Brasil* / C. Furtado. – São Paulo, 1976; Prado Junior C. *Formação do Brasil Contemporâneo* / C. Prado Junior. – São Paulo, 1969; Prado Junior C. *A Revolução Brasileira* / C. Prado Junior. – São Paulo, 1966; Prado Junior C. *História e Desenvolvimento: a Contribuição da Historiografia para a Teoria e Prática do Desenvolvimento Brasileiro* / C. Prado Junior. – São Paulo, 1989.

под лозунгами христианизации индейцев, что ставит под сомнение теорию Макса Вебера об исключительной предрасположенности к капитализму протестантских государств. По мнению Морейры Куньи, процесс экономического развития предопределен особенностями и формами существования т.н. «экономической структуры», в рамках которой формируется «система производства, предшествующая капитализму» [Moreira Cunha].

Морейра Кунья полагал, что в Бразилии не сложилась классическая капиталистическая модель в силу того, что на протяжении длительного времени Бразилия являлась колонией и ее экономическое развитие было подчинено интересам метрополии. С другой стороны, Бразилия, будучи колонией, сталкивалась с нехваткой рабочей силы, что привело к формированию уникальной модели фактически капиталистической экономики, одним из центральных элементов которой был институт рабства, оказавшего значительное влияние на «экономическую структуру» Бразилии.

Комментируя особенности подобной экономической модели, А. Морейра Кунья подчеркивает, что ее создатели экономически являлись европейцами, склонными к капитализму, но не имевшими иного выхода. В подобной ситуации бразильская экономика развивалась одновременно как капиталистическая и традиционная. При этом Морейра Кунья подчеркивает и то, что именно рабство и связанное с ним расовое смешение оказали значительное влияние на развитие бразильской экономической, политической и культурной модели развития в целом. Согласно концепции А. Морейры Куньи, «экономическая структура» определяет и формирует особенности развития капитализма на региональном, национальном уровне.

Анализируя особенности экономического развития Бразилии в колониальный и имперский период, Морейра Кунья указывает на доминирование преимущественно торговой буржуазии. Морейра Кунья полагает, что колониальная и имперская Бразилия были охвачены «макропроцессом» [Moreira Cunha] развития в рамках капиталистической (хотя и периферийной) модели, что привело бразильскую экономику к промышленной революции. С другой стороны, принимая во внимание универсальность капиталистической модели, национальные капитализмы объединены в систему, основанную на «международной интеграции», что оказывает влияние на развитие национальных моделей капитализма. Таким образом, экономическое развитие на национальном уровне связано с международной капиталистической системой, но не является ее примитивным отражением. Морейра Кунья полагает, что принципиально важное значение для развития бразильской экономики имели этатистские эксперименты, связанные с индустриализацией 1950-х годов [Moreira Cunha].

В рамках современного бразильского неомарксистского де-велопментализма акцентируется внимание на том, что процесс экономических изменений в виде индустриализации в Бразилии протекал крайне тяжело, что было связано с неоднократными волнами индустриализационных процессов в период Империи и Республики. В подобной ситуации индустриализация в XX веке сталкивалась с препятствиями незавершенных индустриальных циклов более ранних периодов.

Левые течения в теории *desenvolvimentismo*
(М. Риденти, Э. Бариани, Ж.А. Сегатту, М. Фила)

На протяжении XX столетия интеллектуальное и политическое пространство Бразилии было подвержено значительной фрагментации не только по методологическому, но и идеологическому принципу. Наиболее мощными интеллектуальными течениями являлись экономический национализм, сочетавшийся с этатизмом и популизмом; интегралистские концепции, связанные с традицией континентального европейского фашизма романских стран; левые течения, соприкасавшиеся с умеренными и радикальными трендами политического национализма. Бразилия принадлежит к числу стран влиятельной левоориентированной традицией в рамках экономической теории.

Бразильский экономист Марселу Риденти полагает, что под левым течением в рамках бразильского интеллектуального сообщества следует понимать тех интеллектуалов, которые стремятся своей деятельностью содействовать уменьшению экономического и социального неравенства¹. По мнению М. Риденти, несмотря на распад СССР и отказ значительной части государств мира от социалистической модели, левые теории экономического развития продолжают сохранять свою актуальность на фоне «тупиковой ситуации, в которую завел мировую экономику неолиберализм» [Ridenti].

Бразильские исследователи Э. Бариани и Ж.А. Сегатту полагают, что во второй половине XX года в рамках бразильского интеллектуального сообщества сложился компромисс, связанный с окончательным разделением гуманитарных наук, обретением са-

¹ Ridenti M. Desenvolvimentismo: o retorno / M. Ridenti // <http://www.acessa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1022> Далее ссылки на эту работу приводятся в тексте в квадратных скобках [Ridenti].

мостоятельного статуса социологией и экономикой¹, что привело к формированию национальных бразильских социологических и экономических научных школ². Трансформация гуманитарного знания, основанного на доминировании «правового дискурса», привела к его фрагментации, выделению научных направлений, сфокусированных на изучении «социологического дискурса», который подразумевал и экономический анализ [Bariani, Segatto].

Важным стимулом для институционализации прикладных общественных наук, социологии и экономики, стала революция 1930 года, установившая авторитарный режим, который проводил политику экономической модернизации³, способствуя, как подчеркивает М. Фила, гипертрофированному усилению роли государства, в том числе – и в экономической сфере⁴. Бразильские левые подчеркивают зависимость темпов экономического развития от политической ситуации. В рамках подобного восприятия Бразилия предстает как «классический случай запаздывающего развития в рамках капиталистической модели»⁵.

Предполагается, что авторитаризм Жетулиу Варгаса стимулировал национализацию и индустриализацию, а военный режим, установленный в 1964 году, оставил демократическим правительствам 1980-х Бразилию, которая перестала быть страной «третьего мира» [Fila]. Необходимость модернизации бразильской экономики значительно стимулировала экономические исследования, связанные с разработкой концепций экономического развития [Bariani, Segatto]. Именно поэтому центральную роль в понятийном аппарате бразильских экономистов и социологов во второй половине XX века играли термины, которые обладали принципиальной важностью для бразильского политического класса. По мнению М. Риденти, и

¹ О процессах фрагментации социо-экономического знания в Бразилии см.: Bastos É.R. Florestan Fernandes e a construção das ciências sociais / É.R. Bastos // Florestan ou o sentido das coisas / org. P.H. Martinez. – São Paulo, 1998. – P. 143 – 156; Chakon V. História das idéias sociológicas no Brasil / V. Chakon. – São Paulo, 1977; Chakon V. Formação das ciências sociais no Brasil / V. Chakon. – São Paulo, 2008.

² Bariani E., Segatto J.A. Ciências sociais no Brasil: ideologia e história / E. Bariani, J.A. Segatto // <http://www.acessa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1149> Далее ссылки на эту работу приводятся в тексте в квадратных скобках [Bariani, Segatto].

³ О стимулирующем влиянии бразильского авторитаризма на развитие социальных и экономических наук свидетельствуют публикации 1930 – 1940-х годов: Andrade A. Formação da sociologia brasileira: os primeiros estudos sociais no Brasil, séculos XVI, XVII e XVIII / A. Andrade. – Rio de Janeiro, 1941.

⁴ Fila M. Cidadania e experiência republicana no século XX / M. Fila // <http://www.acessa.com/gramsci/?page=visualizar&id=922> Далее ссылки на эту работу приводятся в тексте в квадратных скобках [Fila]

⁵ Carvalho M.A.R. de, Uma reflexão sobre a civilização brasileira / M.A.R. de Carvalho // <http://www.acessa.com/gramsci/?page=visualizar&id=893>

бразильские экономисты, и бразильские политики дискутировали вокруг широкого круга вопросов, важнейшими из которых являлись «государственное планирование, индустриализация, модернизация, урбанизация, народ, нация, преодоления бедности и отсталости» [Ridenti].

При этом бразильские левые интеллектуалы все же полагали необходимым подчеркивать то, что «доминирующий социальный порядок», который определяется ими как капиталистический, противоречит идеи либерализации общества и реализации гражданских свобод. Именно поэтому М. Фила склонен интерпретировать современный политический режим как лишь «относительную институционализацию демократических свобод». [Fila]. С другой стороны, специфика интеллектуальной ситуации в Бразилии состояла в сохранении междисциплинарного статуса большинства проводимых исследований. В подобной ситуации наиболее динамично развивался синтез социальных наук, экономической теории, политической экономии и антропологии. Не менее важной особенностью функционирования экономических и социальных исследований в Бразилии оказалась их интеграция в сферу принятия и реализации политических и экономических решений.

Проявлением этой интеграции является то, что в процесс рекрутирования политических элит втянуты представители академических кругов [Bariani, Segatto]. Например, президент Бразилии Фернанду Энрике Кардозу до избрания на президентский пост являлся одной из центральных фигур в бразильской экономической науке. Именно поэтому бразильские политики и экономисты консолидировались вокруг концепции «дезенволвиментизму» – бразильского аналога одной из американских теорий модернизации – «девелопментализма» [Ridenti].

Принцип *desenvolvimentismo* воспринимался как проект преодоления отсталости через индустриализацию. Принятие теории *desenvolvimentismo* фактически является признанием наличия двух измерений в бразильской модели экономического развития – Бразилии как развитой страны с собственной ядерной и космической программой и Бразилии, пребывающей в состоянии имманентной бедности [Ridenti]. Анализируя проблемы экономического развития бразильские левые тесно смыкаются со сторонниками кейнсианской модели.

Например, Марселу Риденти пишет о принципиально важной роли государства в развитии экономики, указывая на то, что именно государство в условиях «неспособности рынка к решению проблем» должно стать главным инициатором развития экономики. Универсальной формой экономического развития, как полагает М. Риденти, следует признать политику индустриализации. При этом

М. Риденти указывает и на ограниченность теории *desenvolvimentismo*, полагая, что она основана на занижении социальных противоречий [Ridenti], являясь лишь социально ориентированной версией политического национализма.

Левые концепции *desenvolvimentismo* в современной бразильской экономической теории основаны на примате государства как основного актора в экономических процессах и форматора экономического пространства. Для левых версий «теории развития» характерен значительный общедемократический контент, что вызвано преимущественно политическими истоками подобных школ в современной бразильской экономической науке. Вместе с тем левоориентированный *desenvolvimentismo* тесно пересекается с бразильским национализмом, в отличие от которого воспринимает капитализм не как универсальную модель экономического развития, но как ту систему, в рамках которой вынуждена развиваться бразильская экономика.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В БРАЗИЛИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Основные направления развития идей «австрийской школы» в Бразилии

Концепция свободного рынка как основы развития экономики на протяжении XX века не пользовалась в Бразилии особой популярностью. Среди бразильских политиков и интеллектуалов, наоборот, оказались востребованными идеи этатизма, активного государственного вмешательства в экономику. Именно государство воспринималась как системообразующая сила в выстраивании и функционировании экономической системы. На этом фоне идеи неоллиберализма выглядели в Бразилии в значительной степени маргинальными. Но распад СССР и триумф западной модели экономического развития актуализировали ценность неоллиберальной концепции в рамках бразильского интеллектуального дискурса. Одним из крупнейших теоретиков неоллиберальной модели развития следует признать Леандру Роки – директора Института Мизеса в Бразилии.

Центральная идея Леандру Роки состоит в том, что государство не является эффективным менеджером, будучи не в состоянии управлять экономикой и обеспечить экономический рост. Леандру Роки полагает, что государство не в состоянии решать экономические проблемы, связанные с борьбой против бедности, наркоторговли и преступности. Роки пытается культивировать в Бразилии идеи, предложенные в рамках «австрийской школы». По мнению Леандру Роки, значительная часть бразильских экономистов придерживается этатистских взглядов на развитие экономики. Поэтому Бразилия не совсем готова адекватно воспринимать идеи свободного рынка, культивируемые «австрийской школой». Л. Роки полагает, что в Бразилии усилиями экономистов-этатистов сформирован искаженный образ свободного рынка как «системы, при которой могущественные финансовые чиновники, недобросовестные спекулянты и крупные корпорации полностью свободны делать все, что

им вздумается без малейшего уважения к закону, инвесторам и потребителям»¹.

Леандру Роки склонен позиционировать капитализм, основанный на ценностях свободного рынка, как наиболее эффективную модель развития: «большинство из нас предпочитают капитализм... он является лучшей и самой моральной экономической системой из всех возможных... капитализм основан на ценностях западной цивилизации, иудео-христианского откровения, аристотелевской философии и опыте римской политической традиции и римского права... капитализм – подлинная система свободного предпринимательства и свободного рынка, которая уважает права человека» [Roque, 4]. Анализируя особенности развития рынка в Бразилии, Л. Роки полагает, что на протяжении XX века государственное вмешательство привело к крайне негативным последствиям: в стране сформировался государственный капитализм, определяемый бразильским экономистом как «корруптированный» [Roque, 4].

Согласно Л. Роки государственный протекционизм в отношении ряда отраслей экономики способствует отмиранию конкуренции, сближению государственных служащих с партийными группами и бизнес-сообществом. В этой ситуации оформляется экономическая и политическая модель, которая является, как полагают бразильские неолибералы, фашистской [Roque, 4]. Фашизм интерпретируется Л. Роки как «сговор между государством и крупным бизнесом»². Поэтому ответственность за появление в XX века тоталитаризма бразильские неолиберальные экономисты, подобно своим европейским предшественникам, склонны перекладывать на государство, инициировавшее ограниченный отказ от рынка. Леандру Роки в своих работах пытается доказать экономическую неэффективность государственного участия в экономике.

Л. Роки полагает, что вмешательство государства является крайне неэффективным, так как ведет к росту государственных расходов. Проблемы расходов, согласно Л. Роки, государство склонно решать за счет увеличения налогов. Леандру Роки оценивает налоги не только как инструмент государственного контроля над обществом, но и как форму государственного принуждения. В рамках подобной интерпретации налоги трансформируются в «уничтожение материальных ценностей»³. В другой из своих статей Л. Роки более

¹ Roque L. Algumas considerações sobre capitalismo, livre mercado e bolsa de valores / L. Roque // <http://www.mises.org.br/Article.aspx?id=372> Далее ссылки на эту статью Л. Роки приводятся в тексте [Roque, 4].

² Roque L. A tungada do aço e o mercantilismo de sempre / L. Roque // <http://www.mises.org.br/Article.aspx?id=305>

³ Roque L. As falácias sobre o PIB brasileiro / L. Roque // <http://www.mises.org.br/Article.aspx?id=297>

радикален, настаивая на том, что «налогообложение является нарушением права на собственность»¹.

По мнению бразильского неолиберального теоретика системобразующей категорией экономики должна быть частная собственность, которая является «сферой разрешения любых возникающих конфликтов»². С другой стороны, по мнению Леандру Роки, государство не в состоянии проводить эффективную политику в сфере борьбы с безработицей. Л. Роки настаивает, что попытки государственного вмешательства приводят к росту и укреплению неформальных связей, способствуя усилению теневой экономики³ и применению методов т.н. «безбилетного проезда»⁴ – фактически неинституционализированного участия в экономике, которое не обладает легитимными основаниями. Леандру Роки склонен описывать попытки государства бороться с безработицей как неэффективные.

В связи с этим он указывает, что в первой половине 2009 года число постоянных рабочих мест в легальном секторе экономики сократилось на 0.3 %. При этом неформальный сектор экономики показал устойчивый рост числа рабочих мест в 2 % [Roque, 2]. Это, как считает Л. Роки, свидетельствует о неспособности экономики,

¹ Roque L. Tributação X Regulamentação – O que é pior? / L. Roque // <http://www.mises.org.br/Article.aspx?id=271>

² Roque L. Repensando a liberalização das drogas / L. Roque // <http://www.mises.org.br/Article.aspx?id=440> Далее ссылки на эту статью Л. Роки приводятся в тексте [Roque, 1].

³ Roque L. Sobre a taxa de desemprego / L. Roque // <http://www.mises.org.br/Article.aspx?id=433> Далее ссылки на эту статью Л. Роки приводятся в тексте [Roque, 2]. О феномене теневой экономики в теоретическом плане см.: Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ / С.Ю. Барсукова. – М., 2004; Латов Ю. Экономика вне закона: очерки по истории теневой экономики / Ю. Латов. – М., 2001; Ломсадзе Д.Г. Теневая экономика / Д.Г. Ломсадзе. – Воронеж, 2008; Попов Ю.Н., Тарасов М.В. Теневая экономика в системе рыночного хозяйства / Ю.Н. Попов, М.Е. Тарасов. – М., 2005; в латиноамериканском (перуанском) контексте см.: Сото Э. де, Иной путь. Невидимая революция в третьем мире / Э. де Сото. – М., 1995; Сото Э. де, Иной путь. Экономический ответ терроризму / Э. де Сото / пер. с англ. Б. Пинскер. – Челябинск, 2008 (см. также: Soto H. de, The Other Path. The Economic Answer to Terrorism / H. de Soto. – Basic Books, 1988).

⁴ Термин «безбилетный проезд» в отношении экономики широко используется в экономической антропологии. По мнению немецкого исследователя Хайко Шрадера, по ним следует понимать экономические тактики и стратегии, которые «в индивидуальной перспективе целерациональны», то есть приносят доход, но «противоречат групповой солидарности», не подчиняясь существующим нормам и законам. См.: Шрадер Х. Экономическая антропология / Х. Шрадер. – СПб., 1999. – С. 153.

выстроенной в рамках этатистской модели, конкурировать с альтернативными экономическими системами, которые географически находясь на территории Бразилии, не являются частью бразильской национальной экономики. Именно поэтому он подчеркивает, что государство не обладает достаточными правовыми основаниями для установления правил игры в сфере экономики. Леандру Роки настаивает, что на протяжении XX столетия бразильская экономика развивалась неверно, а государственное вмешательство имело негативные последствия [Roque, 1].

В неолиберальной концепции Л. Роки этатизм бразильских элит – важнейшая причина «неправильности» общества, склонного надеяться не на свои силы, а рассчитывающего на помощь государства. Единственное универсальное средство для спасения и оздоровления экономики, по Леандру Роки, состоит в возвращении к рынку, основанному на принципах свободной конкуренции¹. Леандру Роки полагает, что максимальное сокращение государственного участия в экономике, возвращение к свободной конкуренции, дерегулирование, приватизация морских портов и международных аэропортов приведет к позитивному эффекту, который, например, выразится в притоке иностранных инвестиций [Roque, 3].

Попытки государства вмешиваться в экономику интерпретируются Леандру Роки как антидемократические, как шаг в сторону тоталитаризма и отказ от демократии, в первую очередь – свободы в сфере экономики. По мнению Леандру Роки, государству следует резко сократить свое вмешательство в экономику, сделав ставку на ее последовательную либерализацию, например – в сфере легализации торговли наркотиками и оружием [Roque, 1]. Леандру Роки настаивает, что государственное вмешательство в экономику не способствует развитию национальной промышленности, приводя к обратным результатам, важнейшим из которых является деиндустриализация Бразилии. Согласно Л. Роки между ростом государственного участия в управлении экономикой и «эрозией национальной промышленности» [Roque, 3] существует непосредственная связь.

По мнению Л. Роки, государство не только не в праве, но и не в состоянии вмешиваться в экономику, например – в обменные курсы валют. Согласно концепции Л. Роки, плавающие валютные курсы в большей степени отражают потребности развития экономики, чем курсы, зафиксированные государством. Анализируя особенности монетарной политики Бразилии, Л. Роки констатирует, что попытки правительства укрепить национальную валюту продиктованы политическими амбициями, а не экономическими потребностями. Леандру Роки считает, что слабая валюта в большей степени выгодна

¹ Roque L. Aflições cambiais / L. Roque // <http://www.mises.org.br/Article.aspx?id=419>
Далее ссылки на эту статью Л. Роки приводятся в тексте [Roque, 3].

для Бразилии, чем крепкая. В связи с этим он подчеркивает, что «слабая валюта не тождественна умирающей... она может быть слабой по отношению к другим валютам, но сохранять высокую покупательную способность в пределах страны» [Roque, 3].

Л. Роки настаивает, что любые попытки властей устанавливать стабильные валютные курсы неизбежно ведут к росту инфляции и экономическим кризисам. Неэффективность экономической политики, инициатором которой является государство, как полагает Леандру Роки, связана и с ростом коррупции, сращиванием политических элит с бизнес-сообществом [Roque, 3]. Этот процесс, согласно концепции бразильского либерала опасен тем, что элиты сращиваются не со всем бизнес-группами в целом, но с отдельными его сегментами, что автоматически ставит в неравноправное положение их конкурентов, лишенных государственной поддержки. Кроме этого Л. Роки, указывая на неэффективность бразильской полиции, пишет о необходимости развития и поощрения частных инициатив в сфере безопасности, в том числе – и экономической. Леандру Роки полагает, что политика правительства в сфере экономики неэффективна и ошибочна, что выражается в ответной реакции – росте преступности, увеличении числа бедных.

Именно поэтому Л. Роки констатирует, что «средний и высший класс пытаются выживать такими способами, какими они привыкли пользоваться, а бедняки и полицейские по-прежнему погибают как тараканы под струей инсектицида» [Roque, 1]. Подобная ситуация, по мнению бразильских неолибералов, усугубляется тем, что неформальные лидеры (фактически лидеры преступных кланов) оказываются в состоянии подчинить государственный аппарат. Государственные служащие как агенты государства в сфере реализации его экономических решений коррумпированы, так как само участие государства в экономике ведет к сращиванию политических и бизнес-элит.

Проблемы демократии и государственного участия в работах Жеснера Оливейры

Современное научное сообщество в Бразилии в значительной степени фрагментировано, хотя часть авторов все же считает возможным писать о нем в категориях некоего кейнсианского консенсуса, связанного с признанием необходимости государственного участия в управлении экономикой. Политические изменения начала 1990-х годов, относительная экономическая стабильность десятилетия привели к некоторому пересмотру ортодоксальной кейнсианской концепции управления экономикой. В этой ситуации наметились тенденции если не к отказу от кейнсианской парадигмы, то к ее некоторой (правда, очень умеренной) ревизии, попытки которой представлены в работах бразильского экономиста Жеснера Оливейры.

Жеснер Оливейра полагает, что различные экономические режимы управляли бразильской экономикой с разной эффективностью и результативностью: «последние двадцать лет демократии не принесли значительных дивидендов в плане экономического роста. В предыдущие двадцать лет диктатуры к бразильской экономике имели место не только более высокий средний ежегодный рост, но и снижение инфляции. Это не означает, что страна должна отказаться от роста после завоевания демократизации в восьмидесятых годах»¹. Жеснер Оливейра подчеркивает, что «бразильский опыт развития свидетельствует не пользу жесткого соотношения экономического роста и демократии» [Oliveira, 8].

Примером относительно успешного экономического развития Бразилии является весьма далекий от современного демократического идеала режим Жетулиу Варгаса². С другой стороны, бразильским экономистом подчеркивается, что «диктатура и демократия могут как способствовать, так и препятствовать экономическому росту... тоталитарные режимы могут приводить к быстрым изменениям в экономике, что, например, имело место в Чили при Пиночете... подобные перемены неосуществимы в демократических режимах» [Oliveira, 8]. Подобная риторика, характерная для некоторых бразильских экономистов, не свидетельствует о кризисе демократии. В связи с этим Жеснер Оливейра указывает на то, что «решение экономических проблем не состоит в

¹ Oliveira G. O crescimento na democracia / G. Oliveira // <http://www.goassociados.com.br/FSP/2005/Mar%E7o/190305.htm> Далее ссылки на эту статью Ж. Оливейры приводятся в тексте [Oliveira, 8].

² Oliveira G. Vargas e Lula / G. Oliveira // <http://www.goassociados.com.br/FSP/2005/Agosto/200805.htm>

отказе от демократии, но в ее реформировании в сторону большей эффективности в достижении экономического роста» [Oliveira, 8].

Тем не менее, для большинства представителей интеллектуального сообщества в Бразилии наиболее предпочтительной является демократическая модель развития, что, вероятно, свидетельствует о значительной степени развития и консолидации гражданской политической идентичности. Жеснер Оливейра полагает, что демократический режим обладает большим адаптационным потенциалом в случае экономического кризиса¹. Анализируя особенности государственного участия в экономике, Ж. Оливейра указывает на важность регулирования со стороны властей финансового рынка страны².

Анализируя роль государства в экономике, Жеснер Оливейра полагает, что большинство политических элит, находящихся у власти в Южной Америке, способны и заинтересованы во вмешательстве исключительно на национальном уровне. Ж. Оливейра констатирует, что, несмотря на развитие южноамериканской интеграции, страны региона реально не проявляют интереса к потере своей экономической независимости, что выливается в «полное отсутствие политической воли для содействия и поощрения интеграции»³. С другой стороны, участие Бразилии в региональной экономической интеграции способно поставить под сомнение значительную этатистскую традицию управления экономикой, о чем, например, свидетельствуют тенденции к либерализации и большей открытости бразильской экономики, которые возникли в период президентства Ж. Сарнея⁴.

Жеснер Оливейра, анализируя интеграционные процессы, высказывает мнение, что они не создают новых реально действующих механизмов для государственного регулирования экономики⁵, что связано с длительностью интеграции и бесперспективностью попы-

¹ Oliveira G. Brasil melhor do que parece / G. Oliveira // <http://www.goassociados.com.br/FSP/2006/julho/290706.html>

² Oliveira G. Otimistas na balança / G. Oliveira // http://www.goassociados.com.br/FSP/2002/08_2002/310802.htm Далее ссылки на эту статью Ж. Оливейры приводятся в тексте [Oliveira, 1].

³ Oliveira G. Desencontros Americanos / G. Oliveira // <http://www.goassociados.com.br/FSP/2005/Novembro/051105.htm> Далее ссылки на эту статью Ж. Оливейры приводятся в тексте [Oliveira, 2].

⁴ Oliveira G. Uma agenda positiva para a ALCA / G. Oliveira // http://www.goassociados.com.br/FSP/2001/02_2001/030201.htm Далее ссылки на эту статью Ж. Оливейры приводятся в тексте [Oliveira, 4].

⁵ Oliveira G. Mercosul na pratica / G. Oliveira // http://www.goassociados.com.br/FSP/2003/07_2003/120703.htm Далее ссылки на эту статью Ж. Оливейры приводятся в тексте [Oliveira, 5].

ток некоторых латиноамериканских государств прийти к заключению «большого» интеграционного соглашения, минуя консультации относительно роли государства на микроэкономическом уровне [Oliveira, 5]. По мнению Ж. Оливейры, участие Бразилии в процессах интеграции, которые фактически выливаются в либерализацию торговли, способствует не только появлению новых сложностей для бразильской экономики, но и создает возможности для увеличения экономического роста, что будет возможно исключительно в случае сохранения значительных государственных позиций в сфере экономики¹.

Жеснер Оливейра полагает, что политические элиты не в полной мере используют те новые преимущества, которые открываются перед бразильской экономикой через ее участие в региональной интеграции. Бразильский экономист констатирует, что Бразилии следовало бы выступать в качестве инициатора углубления интеграции, координируя деятельность бразильских корпораций в различных отраслях национальной экономики. В частности, именно государство может, как считает Ж. Оливейра, стать инициатором перестройки инфраструктуры, что в перспективе может привести к экономическому росту [Oliveira, 5]. С другой стороны, государству следует стимулировать развитие бразильской промышленности, используя преимущества связанные с интеграцией [Oliveira, 6].

По мнению Ж. Оливейра, государство способно на более эффективное регулирование экономики на национальном уровне при условии, если политические элиты окажутся в состоянии предлагать не «пакеты реформ», но будут способны разработать эффективную «стратегию роста»². Жеснер Оливейра, анализируя экономические инициативы государства, полагает, что «пакет и стратегии являются разными вещами. Пакет представляет собой набор мер различного характера. Его редактирование дает ложное впечатление, что власти предпринимают необходимые шаги» [Oliveira, 7]. Стратегия экономического развития, направляемого государством, согласно Ж. Оливейре, должна включать в себя не только четко сформулированную цель экономической политики, но и осознание тех проблем, с которыми сталкивается экономика Бразилии, но и меры, направленные на их преодоление [Oliveira, 7].

¹ Oliveira G. A ALCA e a desculpa do inimigo externo / G. Oliveira // http://www.goassociados.com.br/FSP/2001/03_2001/310301.htm Далее ссылки на эту статью Ж. Оливейры приводятся в тексте [Oliveira, 6].

² Oliveira G. Natal sem pacote / G. Oliveira // <http://www.goassociados.com.br/FSP/2006/Dezembro/231206.html> Далее ссылки на эту статью Ж. Оливейры приводятся в тексте [Oliveira, 7].

Жеснер Оливейра настаивает на том, что регулирование финансовой и банковской деятельности может оказать положительное влияние на развитие бразильской экономики в целом, так как будет, с одной стороны, способствовать сокращению бюджетного дефицита, а, с другой, может привести к сокращению зависимости Бразилии от иностранных кредиторов. В связи с этим Ж. Оливейра подчеркивает, что «сокращение внешней зависимости не произойдет очень быстро», полагая, что государству следует решить ряд задач, связанных с развитием отраслей национальной экономики, зависящих от международной конъюнктуры, что, например, относится к туризму, а также международным перевозкам, связанным с входом бразильских производителей на внешние рынки [Oliveira, 1].

Выход на внешние рынки, как полагает Ж. Оливейра, зависит от конкурентоспособности бразильских производителей. Этот процесс имеет и оборотную сторону, что связано с ценой открытости бразильской экономики для частного сектора [Oliveira, 4], точнее – с его способностью или неспособностью противостоять внешним конкурентам. В подобных ситуациях государству следует играть стимулирующую роль, побуждая бразильские корпорации, производить не только более дешевую, но и качественную продукцию, что в свою очередь требует от государства не только гарантий стабильности, но также инвестиций и инноваций¹.

Подобный выход на внешние рынки Ж. Оливейра связывает с политической ситуацией, полагая, что на ряде американских государств (США, Бразилии и Аргентине) лежит большая ответственность в силу того, что они могут быть признаны состоявшимися демократиями в то время, как в других странах Латинской Америки демократические традиции хрупки и нестабильны [Oliveira, 2]. Анализируя участие государства в развитии туризма, Ж. Оливейра указывает на те экономические изменения, которые связаны с европейской интеграцией и перехода значительной части стран-членов ЕС на евро. По мнению Ж. Оливейра, от перехода на евро в одинаковой степени не выиграли... ни бразильские туристы, ни экономика США, которая вынуждена более активно конкурировать с европейской. В этой ситуации у Бразилии появляется шанс оказать стимулирующее влияние на развитие внутреннего туризма [Oliveira, 3].

Жеснер Оливейра полагает, что проводя политику государственного вмешательства и регулирования, бразильские политические элиты вынуждены учитывать глобальное измерение интеграционных процессов, связанных с формированием ряда конку-

¹ Oliveira G. O euro forte e o Brasil / G. Oliveira // http://www.goassociados.com.br/FSP/2002/07_2002/200702.htm Далее ссылки на эту статью Ж. Оливейра приводятся в тексте [Oliveira, 3].

рирующих валютных зон в рамках мировой экономики [Oliveira, 3]. Инструментом государственного регулирования в данном случае является политика, проводимая Центральным Банком как представителем государства на рынке. По мнению Ж. Оливейры, следует сохранять роль государства в регулировании банковской деятельности, что связано с нестабильностью рынка, подверженного как внутренним колебаниям, так и внешним влияниям. Жеснер Оливейра полагает, что роль государства не должна ограничиваться только вмешательством [Oliveira, 1], хотя значительных интервенций на банковском рынке следует избегать. В этой ситуации государство должно выступить в качестве гаранта сохранения плавающего валютного курса [Oliveira, 3].

Бразильские экономисты разделяют уверенность в том, что государству следует существенно расширить деятельность финансовых институций, способствуя их более активному участию в экономике, в том числе – и во внешней торговле. Именно государство воспринимается как инициатор расширения деятельности бразильских банков и корпораций на мировом рынке. Жеснер Оливейра полагает, что государство с своей экономической политике должно решать реально существующие экономические проблемы, но не политизировать ситуацию. Примером подобной политизации, как считает Ж. Оливейра, следует признать политику венесуэльского президента Уго Чавеса, который использует политическую риторику не для решения проблем бразильской экономики, а для отвлечения внимания от того, что эти проблемы не решаются ни со стороны государства, ни со стороны бизнес-сообщества.

Проблемы бразильской экономики в глобализирующемся мире в работах Жустану Франку

В рамках бразильского интеллектуального сообщества на протяжении новейшей истории особую роль играли дискуссии не между сторонниками государственного регулирования и приверженцами свободного рынка, но между сторонниками и противниками радикальной, форсированной, направляемой государством модернизации экономики. В 2000-е годы экономические дискуссии обрели новые измерения. Сама необходимость государственного участия в управлении экономикой не вызывает в принципе сомнений – дискуссии ведутся вокруг механизмов и форм участия государства. Проблема воспринимается как актуальная на фоне не только периодических экономических кризисов, но и в контексте процессов глобализации и регионализации мира.

Среди участников экономических дискуссий относительно государственного участия и роли свободного рынка в управлении экономикой – бразильский экономист Жустану Франку.

Жустану Франку, принимая во внимание не только комплексность национальной экономики, но и степень ее интегрированности в мировую экономику, полагает, что участие государства в управлении экономикой неизбежно, особенно – в период экономических кризисов¹. Государство играет регулятивную и направляющую роль именно в условиях кризиса в силу того, что значительная часть кризисов приходит извне, а государство Бразилии является единственной легитимной институцией, которая может представлять интересы бразильского бизнес-сообщества на международной арене.

Участие государства в экономике, как полагает Ж. Франку, стимулируется процессом глобализации: «в первой половине XX века в мире не существовало транснациональных корпораций. Пятьдесят лет спустя на их долю приходится две трети мировой торговли. Глобализация является творением корпораций и их сетей международного производства»². На протяжении XX века экономический статус Бразилии в Западном полушарии в значительной степени изменился. В первой половине XX столетия страна воспринималась

¹ Franco G. O desembarque da crise no Brasil: 10 idéias / G. Franco // <http://www.imil.org.br/artigos/o-desembarque-da-crise-no-brasil-10-ideias/> Далее ссылки на эту работу Жустану Франку приводятся в тексте как [Franco 2].

² Franco G. A maturidade do capitalismo brasileiro / G. Franco // <http://www.imil.org.br/artigos/a-maturidade-do-capitalismo-brasileiro/> Далее ссылки на эту работу Жустану Франку приводятся в тексте как [Franco 3].

как государство, в экономику которого вливались инвестиции крупнейших экономик Запада [Franco 3].

Во второй половине XX века бразильская экономика трансформировалась в более амбициозную: бразильские компании, наряду с американскими и европейскими, стали сами выступать в качестве инвесторов для других латиноамериканских экономик. В связи с этим Ж. Франку подчеркивал, что в 2006 году бразильская экономика, имеющая традицию государственного участия, преодолела исторический рубеж: иностранные инвестиции в экономику Бразилии составили 18.8 млрд. долларов в то время, как бразильские вложения в иностранные экономики превысили 28.2 млрд. долларов [Franco 3].

В результате статус Бразилии значительно изменился. Комментируя эти трансформации Жуставу Франку, подчеркивает, что «у страны теперь нет “внешних обязательств в чистом виде” – той категории, которая вызывает кошмары экономистов-марксистов» [Franco 3]. Изменение статуса бразильских компаний на международном рынке было маловероятно без государственного вмешательства, которое привело к тому, что из заемщиков бразильские компании стали не только кредиторами, но и сами трансформировались с ТНК, способные инвестировать в зарубежные экономики [Franco 3].

В подобном глобализирующемся мире государственное вмешательство в экономику и лоббирование экономических интересов Бразилии на международной арене политическими методами могут стать теми инструментами, которую будут гарантировать рост национальной экономики и продвижение ее продукции на международном рынке. По мнению Ж. Франку, планирование является одной из наиболее часто используемых форм государственного участия в экономике на макроэкономическом уровне. По мнению Ж. Франку, государственное управление экономикой в Бразилии имеет сложную и противоречивую историю.

Экономическая политика нередко ставилась в прямую зависимость от политических и идеологических предпочтений правящих элит, что существенно усложняло выработку «основных макроэкономических принципов»¹, например – в сфере монетарной политики, когда руководство Министерства финансов и Центрального Банка могли придерживаться различных экономических концепций. Жуставу Франку полагает, что монетарная политика бразильских элит основана на планировании в бразильском понимании этого процесса [Franco 1].

¹ Franco G. Plano Real, 15 / G. Franco // <http://www.imil.org.br/artigos/plano-real-15/>
Далее ссылки на эту работу Жуставу Франку приводятся в тексте как [Franco 1].

Именно поэтому, анализируя феномен планирования, Жуставу Франку подчеркивает, что план – это не статичный документ, но в большей степени именно процесс, связанный с экономическими изменениями. Финансовое планирование, которое использовалось некоторыми бразильскими правительствами на протяжении 1990 – 2000-х годов было основано не на жестком и строгом регулировании, но на трех принципах, а именно – принятии инфляции как неизбежного явления, плавающем курсе национальной валюты и преобладании доходов над расходами в рамках национального бюджета. В подобной экономической триаде центральной фигурой является инфляция, воспринимаемая как форма государственного участия и политического контроля над экономикой [Franco 1].

Для бразильской экономики, по мнению Ж. Франку, характерна и другая триада, связанная с генезисами экономических кризисов: традиция излишней зарегулированности финансовых рынков; историческая предрасположенность бразильских компаний к кредитованию за пределами страны, а не национальном рынке; периодическое состояние «перегрева» бразильской экономики [Franco 2]. Именно инфляция органически сочеталась со способностью элит гарантировать прорыв и рост на макроэкономическом уровне (космическая программа, ядерная программа, попытки активного использования альтернативных источников энергии) и неспособностью государства не только решить социальные проблемы, но и создать эффективную систему налогообложения наиболее бедных слоев населения [Franco 1].

Такое восприятие плана, как инструмента экономического регулирования, вызвано приверженностью бразильской экономики к рыночной модели развития, которая превращает государства не столько в форматора, сколько в одного из участников экономического пространства. Одна из форм государственного регулирования – монетарная политика. Монетарное регулирование воспринимается бразильскими экономистами как одна из наиболее важных обязанностей государства, а сами политические элиты рассматриваются как силы, способные гарантировать «укрепление кредитно-денежной дисциплины, бюджетной дисциплины и финансовой устойчивости государства» [Franco 1].

В этом отношении большинство бразильских экономистов не ставят роль государства под сомнение, полагая, что одна из основных обязанностей государственных регулятивных органов – гарантирование, с одной стороны, стабильности, а, с другой, создание условий для позитивных изменений, то есть развития экономики, экономического роста [Franco 1]. В рамках бразильского научного сообщества особое внимание акцентируется на государственных стратегиях в период кризисов. Жуставу Франку полагает, что эко-

номические кризисы представлены двумя основными типами – закрытыми (мексиканский кризис 1994 года) и открытыми (российский кризис 1998 года) [Franco 2].

В условиях кризиса государство должно стать социальным гарантом и гарантом последующего роста, успокоив основных акторов, которые несут потери¹. С другой стороны, внимание акцентируется на том, что государственное вмешательство не является универсальной панацеей: меры правительства в сфере монетарной политики, связанные с быстрым изменением валютных курсов, наоборот, могут привести к углублению кризиса – росту инфляции и спаду производства. Что касается Бразилии, то бразильские экономические кризисы сочетают элементы «открытых» и «закрытых», что связано как с развитой традицией не только свободного рынка, но и государственного участия в условиях значительной интегрированности бразильской экономики в мировую.

Проблемы эффективного управления экономикой в работах Карлуша Хилсдорфа

Отличительной особенностью протекания модернизационных процессов на территории Бразилии была связь политической динамики с интеллектуальной ситуацией. Бразильские интеллектуалы, экономисты, социологи, политологи внесли значительный вклад в обоснование необходимости модернизации и изучение тех перемен и процессов, которые были непосредственно связаны с политическими и экономическими изменениями. Одна из центральных тем, которая на протяжении XX – начала XXI столетия пребывала в центре внимания бразильских исследователей – проблемы государственного участия в управлении экономикой.

Среди экономистов молодого поколения значительную роль в изучении проблем бразильской экономики играет бразильский экономист немецкого происхождения Карлуш Хилсдорф (Carlos Hilsdorf).

Одна из центральных идей в работах К. Хилсдорфа – необходимость регулирования экономических процессов со стороны их основных участников. По мнению бразильского экономиста, подобное регулирование может быть достигнуто в результате четкого определения целей и выработки связанной с ними стратегии, что

¹ Franco G. O blackberry, as renas e a crise nos mercados. O investidor que fala ao celular dirigindo sua Ferrari pode atropelar mais que animais / G. Franco // <http://www.imil.org.br/artigos/o-blackberry-as-renas-e-a-crise-nos-mercados/>

станет наилучшей гарантией от социальных потрясений¹. В этой ситуации, по мнению бразильского экономиста, государству крайне сложно избежать соблазна обращения к планированию развития экономики. Карлуш Хилсдорф констатирует, что «планирование, которое всегда рекомендовалось как один из основных экономических инструментов, уже не связано с вопросами выбора»².

Бизнес-сообщество с опорой на исключительно свои силы не в состоянии гарантировать и обеспечить экономическую и социальную стабильность – в этой ситуации центральным экономическим актором должно быть государство. Карлуш Хилсдорф полагает, что стратегия имеет большая значение, чем непосредственно техника и / или методология, используемая для достижения тех или определенных целей³, особенно – в современном глобализирующемся мире⁴. Стратегия в сочетании с рекрутированием экономической элиты может стать одним из факторов, гарантирующих экономический рост⁵. С другой стороны, при выработке стратегии управления экономикой и экономическими процессами на макроуровне, по мнению К. Хилсдорфа, во внимание следует принимать и географический фактор⁶.

Анализируя роль географии в развитии национальной экономики, К. Хилсдорф подчеркивает, что государство должно играть регулятивную роль, создавая механизмы направления и перераспределения инвестиций в силу того, что сами инвесторы предпочитают вкладывать в те регионы, которые требуют наименьших затрат, но могут привести к наибольшим доходам [Hilsdorf 6]. При этом экономические стратегии, разрабатываемые государством на макроуровне, нередко реализуется на микроуровне, что накладывает на

¹ Hilsdorf C. Demagogia Corporativa / C. Hilsdorf // <http://www.artigonal.com/gestao-artigos/demagogia-corporativa-602981.html> Далее ссылки на эту работу Карлоса Хилсдорфа приводятся в тексте как [Hilsdorf 4].

² Hilsdorf C. Diante da incerteza / C. Hilsdorf // <http://www.carloshilsdorf.com.br/artigo/diante-da-incerteza>

³ Hilsdorf C. Como estabelecer metas coerentes / C. Hilsdorf // http://www.carloshilsdorf.com.br/artigo.php?id_texto=163 Далее ссылки на эту работу Карлоса Хилсдорфа приводятся в тексте как [Hilsdorf 1].

⁴ Hilsdorf C. Globalização: novidade ou flashback? / C. Hilsdorf // <http://www.artigonal.com/gestao-artigos/globalizacao-novidade-ou-flashback-491754.html> Далее ссылки на эту работу Карлоса Хилсдорфа приводятся в тексте как [Hilsdorf 6].

⁵ Hilsdorf C. O desafio do líder / C. Hilsdorf // <http://www.artigonal.com/gerencia-artigos/o-desafio-do-lider-602759.html> Далее ссылки на эту работу Карлоса Хилсдорфа приводятся в тексте как [Hilsdorf 5].

⁶ Hilsdorf C. A economia da experiência / C. Hilsdorf // <http://www.carloshilsdorf.com.br/artigo/a-economia-da-experiencia> Далее ссылки на эту работу Карлоса Хилсдорфа приводятся в тексте как [Hilsdorf 3].

государство определенные обязательства в социальной сфере [Hilsdorf 5]. Необходимость четкого определения используемой экономической стратегии, как полагает бразильский экономист, связана с новыми экономическими вызовами не только растущего, но и глобализирующегося мира.

Процессы глобализации, с одной стороны, и регионализации, с другой, вынуждают экономических акторов более активно противостоять внешним вызовам с целью сохранения своей конкурентоспособности¹. Карлуш Хилсдорф с своих концепциях исходит из уверенности в том, что в рамках современной экономики менеджмент как прикладная наука имеет более важное значение, чем экономическая теория. Центральными категориями в процессе выработки, принятия и реализации экономических решений, как указывает К. Хилсдорф, должны быть не теоретические построения, но «здравый смысл и прагматический подход» [Hilsdorf 1].

В связи с этим К. Хилсдорф подчеркивает, что цели, которые ставит государство в управлении экономикой, должны быть не только реально достижимыми, но и задачи макроуровня должны соотноситься с микроуровнем. Анализируя проблемы управления экономикой, К. Хилсдорф указывает на возрастающую важность стратегического менеджмента, который способен выработать эффективные стратегии управления экономикой как на микро, так и на макроуровне. В этом контексте возникает новый фактор – конфликт. Карлуш Хилсдорф не склонен воспринимать конфликт как исключительно негативно явление, полагая, что конфликтные ситуации способствуют принятию новых решений и выработке новых стратегий экономического развития не только на микро, но и на макроуровне [Hilsdorf 5].

В работах К. Хилсдорфа эффективное управление экономикой включает в себя не только управление кадрами, но процессами [Hilsdorf 1]. Конкретизируя эту идею, бразильский экономист подчеркивает, что государство может стать гарантом модернизации, внедрения новых технологий, которые обеспечить конкурентные преимущества страны в рамках мировой экономики [Hilsdorf 2]. Именно поэтому К. Хилсдорф подчеркивает, что современное государство должно в проведении своей экономической политики должно «думать глобально, но действовать локально» [Hilsdorf 6]. Важной функцией государства как участника экономики является управление социальными процессами, что не в состоянии позволить себе бизнес-сообщество [Hilsdorf 4].

¹ Hilsdorf C. Aprenda com os erros da concorrência / C. Hilsdorf // http://www.carloshilsdorf.com.br/artigo.php?id_texto=160 Далее ссылки на эту работу Карлоса Хилсдорфа приводятся в тексте как [Hilsdorf 2].

В этом контексте принципиально важное значение приобретает имидж тех или иных участников экономических процессов и связанная с ним репутация [Hilsdorf 3]. С другой стороны, К. Хилсдорф полагает, что в современном мире ни один экономический актор не в состоянии действовать полностью самостоятельно – в этой ситуации особенно актуальным становится изучение зарубежного опыта управления экономикой [Hilsdorf 2]. Карлуш Хилсдорф полагает, что в центре управления экономикой должна пребывать определенная стратегия [Hilsdorf 1]. По мнению бразильского экономиста, наличие четко сформулированных экономических стратегий может привести к созданию эффективной системы управления экономикой: «современной экономике не нужны мученики. Все они в конце концов все равно и всегда умирают, так и не увидев реализации своих целей... современной экономике необходимы стратеги!» [Hilsdorf 4].

Хилсдорф подчеркивает необходимость изучения зарубежных экономических стратегий – не только удачных и эффективных, но и тех, которые не привели к позитивным и ожидаемым результатам. В связи с этим Карлуш Хилсдорф подчеркивает: «тот факт, что та или иная стратегия не удалась вовсе не означает, что эта стратегия обязательно плоха... возможно, ее просто не смогли правильно и удачно реализовать» [Hilsdorf 2]. В этом, по мнению бразильского экономиста, скрыто важное противоречие: экономические теории могут прогнозировать те или иные результаты в то время, как следование определенным экономическим стратегиям в управлении экономикой может привести к отличающимся или противоположным результатам [Hilsdorf 1].

Противоречие между теоретическими концептами и результатами непосредственного управления экономикой нередко связано с ошибками, которые содержатся в тех или иных концепциях экономического развития. По мнению К. Хилсдорфа выстроить полностью эффективную и правильную модель экономического управления почти невозможно по той причине, что «ошибки составляют большую часть нашей истории, стратегии и поведения» [Hilsdorf 2]. Нормальное управление экономикой, даже со стороны государства, невозможно без прогнозирования результатов, которые могут быть получены. На макроуровне в этом отношении очевидной становится регулятивная функция государства. Более того, именно государство может стать наиболее важным и влиятельным экономическим игроком, если именно от него будут исходить новые экономические инициативы, способные гарантировать экономический рост, а остальные участники рынка будут сохранять пассивность [Hilsdorf 1].

Работы Карлуша Хилсдорфа являются попыткой уравновесить государственных и негосударственных акторов, примирить микро и

макроуровни развития экономики. Государство не воспринимается как наивысший авторитет в управлении экономикой. С другой стороны, во внимание следует принимать и то, что бразильское общество, получившее в XX веке опыт не только авторитарного политического развития, но и осознавшее, что именно авторитаризм может стать фактором экономического роста, согласно воспринимать именно государство в качестве основного экономического актора на макроуровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XX век в истории Европы и Америк стал столетием трансформационных процессов, в рамках которых проходила смена политической и экономической модели развития. Модернизация начиналась в различных стартовых условиях и привела к диаметрально противоположным результатам. Модернизация может интерпретироваться как процесс постепенного разрушения и разложения традиционных идентичностей, что вело к кризису традиционных политических и экономических институтов. Модернизационные процессы протекали крайне неравномерно как с географической, так и хронологической точки зрения. Наиболее динамично модернизационные процессы развивались на территории Западной Европы и Северной Америки, что было связано с относительно ранним утверждением демократической политической модели, основанной на капитализме.

Генезис капиталистических отношений на территории Западной и частично Центральной Европы начался в XVI столетии, что было связано с реформационными процессами, утверждением капитализма, что постепенно привело к размыванию традиционного типа сословной государственности. На смену государствам, основанным на принципах верности монарху, приходят протонациональные и позднее национальные государства. Политическая и интеллектуальная национализация социальной и экономической жизни Европы и Северной Америки привела к формированию не только модерновых наций, основанных на серийно воспроизводимых идентичностях, но и к утверждению национальных моделей капитализма, основанных на принципах частной собственности и свободного предпринимательства. В подобных обществах развития политической и экономической сфер на протяжении длительного времени шло параллельно.

Государство, представленное политическими институтами, значительная часть из которых была маркировано социально, а в ряде случаев и классово, предпочитало не вмешиваться в экономику. До начала XX века национальное государство Запада сталкивалось в качестве конкурентов с другими национальными или национализирующимися государствами. Завершение первой мировой войны, радикальные перемены на политической карте Европы привели не только к появлению новых национальных государств, новой волне в развитии европейских национализмов, но и к

появлению качественно новых конкурентов у западной модели политического и экономического развития. Первая мировая война в значительной степени актуализировала как правые, так и левые политические тренды, что привело к появлению политических режимов нового типа, которые возникали преимущественно на территории европейских периферий. В результате первой мировой войны в Европе, а позднее в Латинской Америке, возникают новые политические режимы.

Первым подобным режимом, который претендовал на радикальную трансформацию политического и экономического пространства был большевистский режим, установленный в России, трансформированной в СССР, где Россия / РСФСР играла роль центра, принудительно проводившего модернизацию на территории периферий, трансформированных в рамках советской модели в союзные республики. Советская модель политической и экономической модернизации на протяжении 1920-х годов развивалась как авторитарная, 1930 – 1950-х – тоталитарная, второй половины 1950-х – 1980-х годов – авторитарная. Основанная на радикальной переустройстве и отказе от старой экономической и политической модели, советская модернизация базировалась на отказе от принципов частной собственности и доминирующей роли государства в экономической сфере.

После второй мировой войны элементы советской авторитарной модели политической и экономической трансформации были перенесены на государства Центральной и Восточной Европы, на территории которой были установлены авторитарные режимы, функционировавшие в рамках социалистической модели. Попытки трансформации политической модели в СССР, выразившиеся в относительной либерализации режима, привели к кризису авторитарной системы, кризису советской экономической модели и распаду Советского Союза. Левая модель авторитарной политической и экономической модернизации, несмотря на значительную хронологическую пролонгированность, не оказалась эффективной.

Левая модель политической и экономической модернизации в рамках авторитарных режимов оказалась не единственной. Альтернативная модель была представлена правыми политическими режимами. Первый правый режим был установлен на территории Италии в 1922 году, второй наиболее значимый правоавторитарный режим был институционализирован в Германии в 1933. Между этими событиями и во второй половине 1930-х годов авторитарные режимы, основанные на правой модели, были установлены не только на территории Европы (Литва, Латвия, Эстония, Болгария, Югославия, Португалия, Испания, Румыния, Венгрия), но и в Южной Америке, где наиболее значимый авторитарный правый режим ус-

становился в Бразилии. Правые авторитарные режимы в рамках политики модернизации, подобно левым, стремились трансформировать традиционные институты и отношения без радикального слома традиционного наследия.

В рамках модели, которая не отрицала принципы частной собственности, в ряде случаев не ликвидировала полностью участие граждан в политическом процессе, государство ограничено вмешивалось в управление экономики, используя экономические вмешательства как один из методов в политическом инструментарии, применяемом для укрепления политического режима и для ликвидации потенциальных вызовов – как правых, так и левых. Правые режимы, подобно левым, активно вмешивались в экономику. В отличие от левых авторитарных и тоталитарных режимов правые использовали экономику не только для строительства новой общественной модели, но и для реализации конкретных политических задач, которые наиболее значимые правоавторитарные режимы 1920 – 1930-х годов (Италия и Германия) видели в территориальном расширении.

Политический радикализм характерный для правых режимов того периода привел к их политическому краху. Экономические результаты правого межвоенного тоталитаризма позднее были интегрированы в демократическую политическую модель. Тоталитарные диктатуры в Германии и Италии выработали эффективную систему экономического менеджмента, хотя в сфере политического управления были менее эффективны, чем левые недемократические режимы. Поражение во второй мировой войне европейских авторитарных и тоталитарных режимов не привело к полной ликвидации правой политической модели. Правые авторитарные режимы в Европе после 1945 года продолжали существовать на протяжении более чем тридцати лет. Авторитарные правые режимы во второй половине XX века проявляли меньшую амбициозность, чем их интеллектуальные и политические предшественники межвоенного периода.

Европейские и южноамериканские авторитаризмы, ограничивая политическое участие своих граждан, активно вмешивались в экономическую сферу, полагая, что создание динамично развивающейся экономики является наилучшей гарантией от роста и усиления левых политических вызовов. В этом контексте авторитарные режимы почти не были способны к воспроизводству, что вело к постепенной политической эрозии и началу процессов демократического транзита: военные, как инициаторы подавления левого сегмента политического пространства, не шли на полную ликвидацию гражданского общества, которое, в свою очередь, осознав, что левая угроза ликвидирована, институционализировались в виде полити-

ческих партий, центральным программным требованием которых была демократизация.

После ликвидации левых авторитарных режимов в Европе и в Южной Америке новые демократии были вынуждены сочетать задачи по демократизации экономического и политического пространства с авторитарным наследием, которое было одновременно и политическим и экономическим. Часть политических институтов новые демократии унаследовали от своего прошлого. В экономической сфере это авторитарное наследие было представлено в несравнимо большей степени. В ряде стран Европы экономики были полностью выстроены в рамках политического авторитаризма, будучи глубоко интегрированными в недемократическую модель. В Южной Америке авторитаризм не создавал, но трансформировал и модернизировал экономики. Авторитарное «экономическое чудо» не только позволило транзитным обществам успешно провести политическую демократизацию, но и не помешало южноамериканским (например – чилийским) демократам репрессировать форматоров и идеологов авторитарного режима, фактически используя экономическую инерцию, унаследованную от авторитаризма.

Анализируя авторитарные режимы и авторитарные модели модернизации, следует принимать во внимание и то, что экономические и политические тренды для левых и правых авторитаризмов обладали различным значением. Какая модернизация, экономическая или политическая, была приоритетной? В рамках политического или экономического менеджмента реализовывались принципиально важные для модернизации решения? Приоритеты в авторитарных режимах были связаны с их идеологической направленностью. Правые режимы во второй половине XX века, помня о неудачном политическом менеджменте своих межвоенных предшественников, сосредоточились на решении экономических задач. Левый авторитаризм стремился в одинаковой степени использовать как экономический, так и политический менеджмент, но результаты такого управления были эффективны исключительно в рамках сохранения авторитарного режима.

Именно поэтому даже относительная либерализация и поверхностная демократизация привели к кризису левоавторитарной модели модернизации. Авторитарные режимы в Европе и Америке не были обязаны своим появлением исключительно относительно позднему началу экономической и политической модернизации. Определенная доля ответственности за их появление лежит и на успешных с экономической точки зрения западных демократиях. Левая и правая доктрины, коммунизм и фашизм, были созданы усилиями именно западных интеллектуалов. В своей экономической политики авторитарные режимы нередко следовали за теми моде-

лями, которые были выработаны американскими и британскими экономистами. Ответственность за реализацию авторитарных моделей экономической модернизации и оздоровления экономики лежит не только на А. Гитлере, Б. Муссолини, Ж. Варгасе, А. Пиночете и других антигероях демократического мира, но и на признанных классиках западной экономической традиции – Дж.М. Кейнсе и М. Фридмане. Иными словами интеллектуальный бэк-граунд авторитарных модернизаций был создан экономистами свободного мира.

В заключение следует коснуться проблемы эффективности / неэффективности авторитарных моделей экономического и политического управления. Почему правые и левые авторитаризмы экономически эффективны и продуктивны в различной степени? Вероятно, эти различия лежат в плоскости отношения авторитарных режимов к традиционному наследию. Левые авторитаризмы предприняли радикальную попытку ликвидации того, что ими воспринималось как традиционное. В разряд традиционного и буржуазного попадали политические партии, частная собственность, свободная экономическая инициатива. На смену ликвидируемому прошлому приходила почти полная унификация политического и экономического пространства, что в значительной степени сокращало адаптивный потенциал левых авторитаризмов, подрывало их способности реагировать на внешние и внутренние вызовы.

Правые авторитаризмы к своей политике прошлого подходили более умеренно и взвешенно, предпочитая ликвидировать альтернативные политические тренды, очищая экономику от коммунистического влияния (реального или воображаемого), но сохраняя системообразующие экономические, политические и культурные институты, представленные наличием частной собственности, свободной экономической инициативы, политического участия. Левые авторитаризмы выстраивали экономики, которые были способны функционировать в рамках только левой политической модели. В рамках правых авторитаризмов были созданы такие экономические системы, которые оказались способными существовать не только в рамках недемократических режимов, но и адаптироваться к условиям политического транзита.

Современное интеллектуальное сообщество пытается доказать, что правые и левые авторитаризмы на Западе стали достоянием истории. Действительно, в Европе и Южной Америке почти не осталось авторитарных режимов. В Латинской Америке существует несколько авторитарных и авторитаризирующихся режимов. Недемократическая модель лежит в основе политической системы Кубы. Заметны тенденции к отказу от демократических институтов в левоориентированных режимах Чили, Венесуэлы и Боливии. Элиты этих стран стремятся активно использовать политику и принципы

государственного вмешательства в экономику, пребывая в условиях жесткой экономической, политической, идеологической и идентичностной конкуренции с успешными демократическими режимами Западного полушария. С другой стороны, Европа и Латинская Америка предстают как сообщество демократических или демократизирующихся режимов, для части которых авторитарный экономический и политический опыт, авторитарное наследие в сфере экономики и политики является частью интеллектуальной ситуации постсовременности...

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Автономов В., Гутник В. Особенности немецкой экономической мысли и феномен Вальтера Ойкена / В. Автономов, В. Гутник // Ойкен В. Основы национальной экономики / В. Ойкен. – М., 1996. – С. 5 – 9.
2. Арментано Д. Антитраст против конкуренции / Д. Арментано. – М., 2007.
3. Ашмаров И.А., Боровников В.И. История экономических учений / И.А. Ашмаров, В.И. Боровников. – Воронеж, 2007.
4. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ / С.Ю. Барсукова. – М., 2004.
5. Бетелл Т. Собственность и процветание / Т. Бетелл / пер. с англ. Б. Пинскера. – М., 2008.
6. Блауг М. Сто великих экономистов после Кейнса / М. Блауг / пер. с англ., под. ред. М.А. Сторчевого. – СПб., 2005.
7. Бриттан С. Капитализм с человеческим лицом / С. Бриттан. – М., 1998.
8. Буайе Р. Теория регуляции. Критический анализ / Р. Буайе. – М., 1997.
9. Вайт О. «Ордо» и порядок. Попытка синтеза / О. Вайт // Концепция хозяйственного порядка. Учение ордолиберализма / под. общ. ред. К. Херманна-Пиллата. – М., 1997. – С. 301 – 337.
10. Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития» / Н. Вернек Содре. – М., 1976.
11. Волченко М.Я. Концепции германских ордолибералов и проблемы системной трансформации российской экономики / М.Я. Волченко // Концепция хозяйственного порядка. Учение ордолиберализма / под. общ. ред. К. Херманна-Пиллата. – М., 1997. – С. 5 – 25.
12. Герземанн О. Ковбойский капитализм / О. Герземанн / пер. с англ. Б. Пинскера, под. ред. А. Куряева. – М., 2008.
13. Грегори П. Политическая экономия сталинизма / П. Грегори. – М., 2006.
14. Григорьева И.В. Италия в XX веке / И.В. Григорьева. – М., 2006.
15. Гутник В. Концепции свободного и экономического рынка: германский вариант / В. Гутник // Теория хозяйственного порядка. «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм / ред. В. Гутник. – М., 2002. – С. I – XIX.

16. Дроздов В.В. «Правовая экономика»: методология «целостности», платформы хозяйственного коллективизма и корпоративизма / В.В. Дроздов // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков / ред. А.Г. Худокормов. – М., 2005. – Т. 3. – С. 283 – 301.
17. Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней / Р. Камерон. – М., 2001.
18. Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег / Д. М. Кейнс // <http://ek-lit.narod.ru/keynesod.htm>
19. Козловски П. Прощание с марксизмом-ленинизмом. Очерки персоналистской философии / П. Козловски / пер. с нем., ред. М.Н. Грецкий. – СПб., 1997.
20. Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. Критика социобиологии / П. Козловски / пер. с нем., ред. М.Н. Грецкий. – СПб., 1996.
21. Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия сталинизма / Я. Корнаи. – М., 2001.
22. Корнаи Я. Силой мысли. Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии / Я. Корнаи. – М., 2008.
23. Котликофф Л., Бернс С. Пенсионная система перед бурей / Л. Котликофф, С. Бернс. – М., 2007.
24. Крюссельберг Х.Г. Фрайбургская школа / Х.Г. Крюссельберг // Основы рыночного хозяйства: понятия и концепции / ред. А. Шюллер, Х.Г. Крюссельберг. – Марбург, 1993. – С. 60 – 61.
25. Кубедду Р. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек / Р. Кубедду. – М., 2008.
26. Латов Ю. Экономика вне закона: очерки по истории теневой экономики / Ю. Латов. – М., 2001.
27. Лацис О.Р. Вальтер Ойкен, Карл Маркс и мы, марксисты / О.Р. Лацис // Ойкен В. Основные принципы экономической политики / В. Ойкен. – М., 1995. – С. 5 – 19.
28. Ломсадзе Д.Г. Теневая экономика / Д.Г. Ломсадзе. – Воронеж, 2008.
29. Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии, 1919 – 1929 гг. / Б.Р. Лопухов. – М., 1968.
30. Лутц Ф.А. Политические убеждения и национально-экономическая теория / Ф.А. Лутц // Концепция хозяйственного порядка. Учение ордолиберализма / под. общ. ред. К. Херманна-Пиллата. – М., 1997. – С. 51 – 61.
31. Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров / Е.М. Майбурд. – М., 2000.
32. Мизес Л. фон, Антикапиталистическая ментальность / Л. фон Мизес // http://www.libertarium.ru/1_lib_buero3_01
33. Мизес Л. фон, Индивид, рынок и правовое государство. Антология / Л. фон Мизес / ред. Д. Антисери, М. Балдини / пер. с итал. С. Мальцевой. – М., 1999.

34. Мизес Л. фон, Социализм. Экономический и социологический анализ / Л. фон Мизес // http://www.libertarium.ru/1_lib_socialism1_01
35. Михайленко В.И. Итальянский фашизм. Основные вопросы историографии / В.И. Михайленко. - Свердловск, 1987.
36. Молдовану Дм. Экономические доктрины / Дм. Молдовану / пер. с рум. Н.Ф. Мицул, Н.Е. Лобановой. – Кишинэу, 2003.
37. Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / Дж. Моссе. – М., 2003.
38. Негиши Т. История экономической теории / Т. Негиши / пер. с англ.; ред. Л.Л. Любимов, В.С. Автономов. – М., 1995.
39. Ойкен В. Основы национальной экономики / В. Ойкен. – М., 1996.
40. Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР / Ю. Ольсевич, П. Грегори. – М., 2000.
41. Ольсевич Ю.Я. Загадка кейнсианства / Ю.Я. Ольсевич // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. – М., 2004. – Т. 4. Век глобальных трансформаций. – С. 129 – 137.
42. Попов Ю.Н., Тарасов М.В. Теневая экономика в системе рыночного хозяйства / Ю.Н. Попов, М.Е. Тарасов. – М., 2005.
43. Препарата Г.Д. Гитлер, Инс. Как Британия и США создавали Третий Рейх / Г.Д. Препарата. – М., 2007.
44. Рисин И.Е., Трещевский Ю.И., Сотников С.М. Государственное регулирование экономики / И.Е. Рисин, Ю.И. Трещевский, С.М. Сотников. – Воронеж, 2003.
45. Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика / М. Ротбард. – Челябинск, 2002.
46. рта де Сото Х. Австрийская экономическая школа. Рынок и предпринимательское творчество / Х. Уэрта де Сото. – Челябинск, 2007.
47. Рюстоу А. Между капитализмом и коммунизмом / А. Рюстоу // Концепция хозяйственного порядка. Учение ордолиберализма / под. общ. ред. К. Херманна-Пиллата. – М., 1997. – С. 62 – 114.
48. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем. Опыт исследования децентрализованной экономики / Ж. Сапир / пер. с франц.; науч. ред. Н.А. Макашева. – М., 2001.
49. Скоузен М. Кто предсказал крах 1929 года? / М. Скоузен // Бум, крах и будущее. Анализ австрийской школы / сост. А.В. Куряев. – М., 2002. – С. 172 – 215.
50. Сорвина Г.Н. Экономическая мысль XX столетия: страницы истории / Г.Н. Сорвина. – М., 2000.
51. Сото Э. де, Иной путь. Невидимая революция в третьем мире / Э. де Сото. – М., 1995.
52. Сото Э. де, Иной путь. Экономический ответ терроризму / Э. де Сото / пер. с англ. Б. Пинскер. – Челябинск, 2008.

53. Сравнительный анализ плановой и рыночной экономики / ред. Л.Н. Грязнова. – Мн., 1994.
54. Трещевский Ю.И. Государственное регулирование экономики в период формирования рыночных отношений / Ю.И. Трещевский. – Воронеж, 1998.
55. Туроу Л. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний / Л. Туроу // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под. ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999. – С. 188 – 222.
56. Туроу Л.К. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Л.К. Туроу / пер. с англ. А.И. Федорова. – Новосибирск, 1999.
57. Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы / Х. Уэрта де Сото. – Челябинск, 2007.
58. Фако Р. Бразилия XX столетия / Р. Фако. – М., 1962.
59. Филатов Г.С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии / Г.С. Филатов. – М., 1984.
60. Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933 – 1945 / Н. Фрай. – М., 2009.
61. Хайек Ф.А. фон, Дорога к рабству / Ф.А. фон Хайек. – М., 2005.
62. Хайек Ф.А. фон, Индивидуализм и экономический порядок / Ф.А. фон Хайек. – М., 2001.
63. Хайек Ф.А. фон, Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф.А. фон Хайек // http://www.libertarium.ru/1_lib_conceit_pr2
64. Хансен Э. Денежная теория и финансовая политика / Э. Хансен. – М., 2006.
65. Хендерсон Д. Радость свободы или рынок без тормозов. Надо ли регулировать свободный рынок / Д. Хендерсон. – М., 2004.
66. Хикс Дж. Господин Кейнс и «классики» / Дж. Хикс // Истоки. – 1998. – № 3.
67. Хикс Дж. Теория экономической истории / Дж. Хикс / пер. с англ.; под общ. ред. Р.М. Нуреева. – М., 2003.
68. Худокормов А.Г., Чаплыгина И.Г. Неолиберальный проект как противовес ультралиберализму и этатизму / А.Г. Худокормов, И.Г. Чаплыгина // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. – М., 2004. – Т. 4. Век глобальных трансформаций. – С. 231 – 261.
69. Шрадер Х. Экономическая антропология / Х. Шрадер. – СПб., 1999.
70. Шюллер А. Ордолиберализм / А. Шюллер // Основы рыночного хозяйства: понятия и концепции. – С. 62 – 65.
71. Ядгаров Я.С. История экономических учений / Я.С. Ядгаров. – М., 2007.

72. A Nova Economia Internacional: uma perspectiva brasileira / org. R. Gonçalves. – Rio de Janeiro, 1998.
73. Abreu M. A ordem do progresso: cem anos de política econômica republicana (1889 – 1989) / M. Abreu. – Rio de Janeiro, 1989.
74. Almeida Azevedo S. Imigração e colonização no Estado de São Paulo / S. Almeida Azevedo. – São Paulo, 1941.
75. Alves Cepêda V. O pensamento político de Celso Furtado: desenvolvimento e democracia / V. Alves Cepêda // <http://www.artnet.com.br/gramsci/arquiv272.htm>
76. Amaral A. Relações perigosas o imaginário freyriano no discurso governamental / A. Amaral // TS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 163 – 186.
77. Amaral A. A Aventura Política do Brasil / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1935.
78. Amaral A. Ensaio Brasileiro / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1930.
79. Amaral A. O Brasil na Crise Atual / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1914.
80. Amaral A. O estado autoritário e a realidade nacional / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1938 // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/azevedo.html#A>
81. Andrade A. Formação da sociologia brasileira: os primeiros estudos sociais no Brasil, séculos XVI, XVII e XVIII / A. Andrade. – Rio de Janeiro, 1941.
82. Araújo R.B. de, Totalitarismo e Revolução: O Integralismo de Plínio Salgado / R.B. de Araújo. – Rio de Janeiro, 1987.
83. Assis J.C. de, A Superação da Crise pelo Pleno Emprego / J.C. de Assis // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb>
84. Bacha E. Os mitos de uma década / E. Bacha. – Rio de Janeiro, 1976.
85. Bak J.L. Cartels, cooperatives, and corporatism: Getúlio Vargas in Rio Grande do Sul on eve of Brazil's 1930 Revolution / J.L. Bak // *Hispanic American Historical Review*. – 1983. – Vol. 63. – No 2. – P. 255 – 275.
86. Barbosa J.R. A ascensão da ação integralista brasileira, 1932 – 1937 / J.R. Barbosa // *RICFFC*. – 2006. – Vol. 6. – No 1 – 3. – P. 67 – 82.
87. Bariani E., Segatto J.A. Ciências sociais no Brasil: ideologia e história / E. Bariani, J.A. Segatto // <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1149>
88. Barros G.S. Investimentos em tratores agrícolas no Brasil / G.S. Barros. – Piracicaba, 1980.
89. Barros J.R.M. de, Loyola G., Bogdanski J. Reestruturação do setor financeiro / J.R.M. de Barros, G. Loyola, J. Bogdanski. – Brasília, 1998.
90. Barroso G. Capitalismo – Propriedade – Burguesia / G. Barroso // Barroso G. O que o Integralista Deve Saber // G. Barroso. – Rio de Janeiro, 1935 // <http://www.integralismorio.org/doutrina/arquivos/index.html>
91. Barroso G. O integralismo / G. Barroso // <http://www.integralismorio.org/doutrina/arquivos/index.html>

92. Barroso G. Revolução Interior / G. Barroso // <http://www.integralismorio.org/doutrina/arquivos/index.html>
93. Bastos E. Gilberto Freyre e as Ciências Sociais no Brasil / E. Bastos // ES. – 1995. – Vol. 1. – No 1. – P. 63 – 72.
94. Bastos É.R. Florestan Fernandes e a construção das ciências sociais / É.R. Bastos // Florestan ou o sentido das coisas / org. P.H. Martinez. – São Paulo, 1998. – P. 143 – 156.
95. Bertonha F. A móquina simbólica do integralismo / F. Bertonha // HP. – 1992. – No 7.
96. Bertonha J.F. Entre Mussolini e Plínio Solgado: o Fascismo italiano. O integralismo e o problemas descendentes / J.F. Bertonha // RBH. – 2001. – Vol. 21. – No 40. – P. 85 – 105.
97. Bieguelman P. A Revista Brasiliense e a expressão teórica do nacionalismo econômico brasileiro / P. Bieguelman // História e Ideal. Ensaio sobre Caio Prado Junior / org. M.Â. d’Incaro. – São Paulo, 1989. – P. 449 – 478.
98. Biondi A. O Brasil privatizado: um balanço do desmonte do Estado / A. Biondi. – São Paulo, 1999.
99. Boschi R.R. Elites industriais e democracia (Hegemonia burguesa e mudança política) / R.R. Boschi. – Rio de Janeiro, 1979.
100. Bresser-Pereira L.C. Crise e Recuperação da Confiança / L.C. Bresser-Pereira // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb>
101. Brito Silva G. No entre guerra a situação dos integralistas na implantação de Getúlio Vargas do Estado Novo / G. Brito Silva // História. – 2005. – No 30. – 225 – 241
102. Brito Silva G. Uma proposta de análise interdisciplinar para os estudos do integralismo / G. Brito Silva // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 75 – 98.
103. Cardim de Carvalho F. Entendendo a Recente Crise Financeira Global / F. Cardim de Carvalho // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb>
104. Cardim de Carvalho F.J. Keynes e o Brasil / F.J. Cardim de Carvalho // Economia e Sociedade. – 2008. – Vol. 17. – Dezembro.
105. Carneiro R. Desenvolvimento em Crise: a economia brasileira no último quarto do século XX / R. Carneiro. – São Paulo, 2002.
106. Carone E. O centro industrial do Rio de Janeiro e sua importante participação na economia nacional (1827-1977) / E. Carone. – Rio de Janeiro, 1978.
107. Carone E. O pensamento industrial no Brasil (1880-1945) / E. Carone. – Rio de Janeiro – São Paulo, 1977.
108. Carvalho C.E. Dívida pública: um debate necessário / C.E. Carvalho // Novo-desenvolvimentismo: um projeto nacional de crescimento com equidade social / eds. J. Suscu, L.F. Paulo, R. Michel. – Rio de Janeiro, 2005. – P. 379 – 399.

109. Carvalho C.E. O componente "custo de oportunidade" do spread bancário no Brasil: uma abordagem pós-keynesiana / C.E. Carvalho // Economia e Sociedade. – 2007. – Vol. 16. – No 3.
110. Carvalho C.E. O sistema financeiro brasileiro: a modernização necessária / C.E. Carvalho // Novo-desenvolvimentismo: um projeto nacional de crescimento com equidade social / eds. J. Suscu, L.F. Paulo, R. Michel. – Rio de Janeiro, 2005. – P. 329 – 346.
111. Carvalho M.A.R. de, Uma reflexão sobre a civilização brasileira / M.A.R. de Carvalho // <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=893>
112. Casto Gomes Â.M. de, Burguesia e trabalho, política e legislação social no Brasil, 1917 – 1937 / Â.M. de Casto Gomes. – Rio de Janeiro, 1979
113. Castro J. A Noite dos Tambores Silenciosos / J. Castro // <http://www.integralismorio.org/doutrina/arquivos/index.html>
114. Chakon V. História das idéias sociológicas no Brasil / V. Chakon. – São Paulo, 1977.
115. Chakon V. Formação das ciências sociais no Brasil / V. Chakon. – São Paulo, 2008.
116. Collectivist Economic Planning: Critical Studies on the Possibilities of Socialism / ed. F.A. von Hayek. – L., 1935.
117. Corbisier R. Brasília e o desenvolvimento nacional / R. Corbisier. – Rio de Janeiro, 1960.
118. Dathein R. Brasil: vinte e cinco anos de estagnação econômica e as opções do desenvolvimento / R. Dathein // <http://www.ufrgs.br/decon/>
119. Dathein R. Governo Lula: uma alternativa de política econômica para evitar seu fracasso e atingir o desenvolvimento com estabilidade de preços / R. Dathein // Indicadores Econômicos FEE. – 2004. – Vol. 31. – No 4.
120. Dean W. A industrialização de São Paulo / W. Dean. – São Paulo, 1971.
121. Deos S. A Contemporaneidade de Minsky / S. Deos // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb>
122. Dissent on Keynes. A Critical Appraisal of Keynesian Economy / ed. M. Skousen. – NY., 1992.
123. Duarte N. A Ordem Privada e a Organização Nacional (Contribuição à Sociologia Política Brasileira) / N. Duarte. – Rio de Janeiro, 1939.
124. Dutra Fonseca P.C. As origens e as vertentes formadoras do pensamento cepalino / P.C. Dutra Fonseca // Revista Brasileira de Economia. – 2000. – Vol. 54. – No 3. – P. 3333 – 3358.
125. Dutra Fonseca P.C. Gênese e precursors do desenvolvimentismo no Brasil / P.C. Dutra Fonseca // <http://www.ufrgs.br/decon/publionline/textosprofessores/fonseca/>
126. Dutra Fonseca P.C. Positivismo, trabalhismo, populismo: a ideologia das elites gaúchas / P.C. Dutra Fonseca // Ensaios FEE. – 1993. – Vol. 14. – No 2. – P. 410 – 421.
127. Dutra Fonseca P.C. RS: economia & conflitos políticos na República Velha / P.C. Dutra Fonseca. – Porto Alegre, 1983.

128. Dutra Fonseca P.C. Vargas: o capitalismo em construção / P.C. Dutra Fonseca. – São Paulo, 1989.
129. Farhi M., Magalhães Prates D., Penido de Freitas M.C., Macedo Cintra M.A. A Crise e os Desafios para a Nova Arquitetura Financeira Internacional / M. Farhi, D. Magalhães Prates, M.C. Penido de Freitas, M.A. Macedo Cintra // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb>
130. Ferrari Filho F. Paula L.F. de, A Crise das Finanças Desregulamentadas: o que fazer? / F. Ferrari Filho, L.F. de Paula // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb>
131. Ferrari Filho F. Paula L.F. de, Apresentação: Pode “Ela” Acontecer de Novo? / F. Ferrari Filho, L.F. de Paula // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb>
132. Ferreira O.S. A Teoria da "Coisa Nossa" ou a Visão do Público como Negócio Particular seguido de O Estado e a Oligarquia, e o Sistema / O.S. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1964 // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/coisanossa.html>
133. Ferreira O.S. As Forças Armadas e o Desafio da Revolução / O.S. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1964 // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/desafior.html>
134. Fila M. Cidadania e experiência republicana no século XX / M. Fila // <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=922>
135. Filho A.M. Trabalhadores do Brasil! / A.M. Filho. – Rio de Janeiro, 1943 // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/trabalhadores.html#1>
136. Fortado C. Análise do modêlo Brasileiro / C. Fortado. – Rio de Janeiro, 1972. – P. 93.
137. Franco G. A maturidade do capitalismo brasileiro / G. Franco // <http://www.imil.org.br/artigos/a-maturidade-do-capitalismo-brasileiro/>
138. Franco G. O blackberry, as renas e a crise nos mercados. O investidor que fala ao celular dirigindo sua Ferrari pode atropelar mais que animais / G. Franco // <http://www.imil.org.br/artigos/o-blackberry-as-renas-e-a-crise-nos-mercados/>
139. Franco G. O desembarque da crise no Brasil: 10 idéias / G. Franco // <http://www.imil.org.br/artigos/o-desembarque-da-crise-no-brasil-10-ideias/>
140. Franco G. Plano Real, 15 / G. Franco // <http://www.imil.org.br/artigos/plano-real-15/>
141. Freyre G. A necessidade do pluralismo sociológico / G. Freyre // Folha de São Paulo. – 1942. – Maio 18.
142. Freyre G. A Propósito de relações culturais / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1941. – Fevereiro 7.
143. Freyre G. A Propósito de um livro em 3ª edição “Casa grande e senzala” / G. Freyre // Revista do Brasil. – 1938. – Vol. 1. – No 1. – P. 33 – 40.
144. Freyre G. A Propósito de um livro em 3ª edição “Casa grande e senzala” / G. Freyre // Revista do Brasil. – 1938. – Vol. 1. – No 1. – P. 33 – 40.
145. Freyre G. As matas do Brasil / G. Freyre // Folha do Povo. – 1935. – Agosto 12.

146. Freyre G. Atualidade da sociologia / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1941. – Outubro 8.
147. Freyre G. Casa-grande e senzala: formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1933.
148. Freyre G. O homem e as paisagens rurais / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1939. – Julho 5.
149. Freyre G. Os interesses do Brasil / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1938. – Novembro 10; Freyre G. Estudos afro-americanos / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1942. – Março 21.
150. Freyre G. Regionalismo Brasileiro / G. Freyre // Folha de São Paulo. – 1978. – Setembro 6.
151. Freyre G. Turismo no Brasil / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1942. – Janeiro, 13.
152. Freyre G. Um escravo velho / G. Freyre // Diário de Pernambuco. – 1942. – Julho 2.
153. Furtado C. A economia brasileira / C. Furtado. – Rio de Janeiro, 1954.
154. Furtado C. A Operação Nordeste / C. Furtado. – Rio de Janeiro, 1959.
155. Furtado C. Desenvolvimento e subdesenvolvimento / C. Furtado. – Rio de Janeiro, 1961.
156. Furtado C. Economia Colonial no Brasil nos séculos XVI e XVII / C. Furtado / apresent. do Prof. Tomás Szmrecsányi. – São Paulo, 2001.
157. Furtado C. El nuevo capitalismo / C. Furtado // <http://www.eclac.cl/publicaciones/xml/2/19372/furtado.htm>
158. Furtado C. Formação econômica do Brasil / C. Furtado. – Rio de Janeiro, 1959 (1976).
159. Furtado C. Global Capitalism (text imprint Mexico City, Fondo de Cultura Económica, 1999. Spanish by Jorge E. Navarrete, translated by D. Ohmans) / C. Furtado // <http://webshells.com/jdoug/furtado.html>
160. Furtado C. Metamorfoses do capitalismo / C. Furtado // <http://www.redcelsofurtado.edu.mx/archivosPDF/furtado1.pdf>
161. Furtado C. Perspectivas da economia brasileira / C. Furtado. – Rio de Janeiro, 1958.
162. Furtado C. Uma economia dependente / C. Furtado. – Rio de Janeiro, 1956.
163. Furtado C. Uma política de desenvolvimento econômico para o Nordeste / C. Furtado. – Rio de Janeiro, 1959.
164. Hansen A. Monetary Theory and Fiscal Policy / A. Hansen. – NY., 1949.
165. Hansen A.H. A Guide to Keynes / A.H. Hansen. – NY., 1953.
166. Harrod R.F. The life of John Maynard Keynes / R.F. Harrod. – L., 1951.
167. Hayek F.A. von, Individualism and Economic Order / F.A. von Hayek. – Chicago – L., 1947.
168. Henderson D. The Joy of Freedom. An Economist's Odyssey / D. Henderson. – L., 2002.
169. Hicks J. Critical essays in monetary theory / J. Hicks. – Oxford, 1967.

170. Hilsdorf C. A economia da experiência / C. Hilsdorf // <http://www.carloshilsdorf.com.br/artigo/a-economia-da-experiencia>
171. Hilsdorf C. Aprenda com os erros da concorrência / C. Hilsdorf // http://www.carloshilsdorf.com.br/artigo.php?id_texto=160
172. Hilsdorf C. Como estabelecer metas coerentes / C. Hilsdorf // http://www.carloshilsdorf.com.br/artigo.php?id_texto=163
173. Hilsdorf C. Demagogia Corporativa / C. Hilsdorf // <http://www.artigonal.com/gestao-artigos/demagogia-corporativa-602981.html>
174. Hilsdorf C. Diante da incerteza / C. Hilsdorf // <http://www.carloshilsdorf.com.br/artigo/diante-da-incerteza>
175. Hilsdorf C. Globalização: novidade ou flashback? / C. Hilsdorf // <http://www.artigonal.com/gestao-artigos/globalizacao-novidade-ou-flashback-491754.html>
176. Hilsdorf C. O desafio do líder / C. Hilsdorf // <http://www.artigonal.com/gerencia-artigos/o-desafio-do-lider-602759.html>
177. Ianni O. Estado e planejamento econômico no Brasil (1930-1970) / O. Ianni. – Rio de Janeiro, 1977.
178. Jaguaribe H. Condições institucionais do desenvolvimento brasileiro / H. Jaguaribe. – Rio de Janeiro, 1958.
179. Jaguaribe H. O nacionalismo na atualidade brasileira / H. Jaguaribe. – Rio de Janeiro, 1958.
180. Junqueira Botelho A.J. Globalização, regulação e neonacionalismo: uma análise das agências reguladoras / A.J. Junqueira Botelho // Revista de Sociologia e Política. – 2002. – No 18.
181. Keynes J.M. Das Ende des Laissez-faire. Ideen zur Verbindung von Privat- und Gemeinwirtschaft / J.M. Keynes. – München, 1926.
182. Keynes J.M. Die wirtschaftlichen Folgen des Friedensvertrages / J.M. Keynes. – München 1920.
183. Keynes J.M. Ein Traktat über Währungsreform / J.M. Keynes. – München, 1924.
184. Keynes J.M. Revision des Friedensvertrages. Eine Fortsetzung von „Die wirtschaftlichen Folgen des Friedensvertrages / J.M. Keynes. – München – Leipzig, 1922.
185. Keynes J.M. Über Wahrscheinlichkeit / J.M. Keynes. – Leipzig 1926.
186. Keynes J.M. Vom Gelde / J.M. Keynes. – München, 1932.
187. Keynes' ökonomische Lehren. Ein Führer durch sein Hauptwerk. – Stuttgart – Düsseldorf 1959.
188. Lamounier B. / B. Lamounier // História Geral da Civilização Brasileira. O Brasil Republicano. Sociedade e Instituições (1889 – 1930) / org. B. Fausto. – São Paulo, 1978. – T. III. – Vol. 2. – P. 343 – 374.
189. Lima A. Financiamento para o Desenvolvimento / A. Lima // <http://www.ufrgs.br/decon/>

190. Lohn R.L. Limites da utopia: cidade e modernização no Brasil desenvolvimentista (Florianópolis, década de 1950) / R.L. Lohn // Revista Brasileira de História. – 2007. – Vol. 27. – No 53.
191. Losada Moreira V.M. Nacionalismos e reforma agrária nos anos 50 / V.M. Losada Moreira // Revista Brasileira de História. – 1998. – Vol. 18. – No 35.
192. Lourdes Rollemberg Mollo M. de, Crise e Deflação de Ativos: por quê? / M. de Lourdes Rollemberg Mollo // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb>
193. Luz N.V. A luta pela industrialização do Brasil / N.V. Luz. – São Paulo, 1975.
194. Macarini J.P. A política econômica da ditadura militar no limiar do "milagre" brasileiro: 1967 – 1969 / J.P. Macarini. – Campinas, 2000.
195. Macarini J.P. A política econômica do governo Médici: 1970-1973 / J.P. Macarini // Nova Economia. – 2005. – Vol. 15. – No 3.
196. Mallorquin C. Celso Furtado: vida y alma al Brasil / C. Mallorquin // <http://www.artnet.com.br/gramsci/arquiv261.htm>
197. Mamigonian A. Teorias sobre a industrialização brasileira / A. Mamigonian // Cadernos Geográficos. – 2000. – No 2.
198. Medeiros e Albuquerque. Parlamentarismo e presidencialismo / Medeiros e Albuquerque. – Rio de Janeiro, 1932.
199. Medeiros M.F. O Integralismo e o Hitlerismo na colônia / M.F. Medeiros // Panorama – Collectanea do Pensamento Novo. – 1936. – Julho. – No 7.
200. Montes G.C., Feijó C.A. Política monetária, inflação e crescimento econômico: a influência da reputação da autoridade monetária sobre a economia / G.C. Montes, C.A. Feijó // Economia e Sociedade. – 2009. – Vol. 18. – No 2.
201. Moreira Cunha A. A Colonização e o Desenvolvimento Capitalista do Brasil / A. Moreira Cunha // <http://www.ufrgs.br/decon/>
202. Natal J.L.A. Transporte, ocupação do espaço e desenvolvimento capitalista no Brasil: história e perspectiva / J.L.A. Natal // Revista Ensaios. – 1991. – Vol. 12. – No 2. – P. 293 – 307.
203. Século do Corporativismo / trad. de Azevedo Amaral. – Rio de Janeiro, 1938.
204. Oliveira G. A ALCA e a desculpa do inimigo externo / G. Oliveira // http://www.goassociados.com.br/FSP/2001/03_2001/310301.htm
205. Oliveira G. Brasil melhor do que parece / G. Oliveira // <http://www.goassociados.com.br/FSP/2006/julho/290706.html>
206. Oliveira G. Desencontros Americanos / G. Oliveira // <http://www.goassociados.com.br/FSP/2005/Novembro/051105.htm>
207. Oliveira G. Mercosul na pratica / G. Oliveira // http://www.goassociados.com.br/FSP/2003/07_2003/120703.htm
208. Oliveira G. Natal sem pacote / G. Oliveira // <http://www.goassociados.com.br/FSP/2006/Dezembro/231206.html>

209. Oliveira G. O crescimento na democracia / G. Oliveira // <http://www.goassociados.com.br/FSP/2005/Mar%E7o/190305.htm>
210. Oliveira G. O euro forte e o Brasil / G. Oliveira // http://www.goassociados.com.br/FSP/2002/07_2002/200702.htm
211. Oliveira G. Otimistas na balança / G. Oliveira // http://www.goassociados.com.br/FSP/2002/08_2002/310802.htm
212. Oliveira G. Uma agenda positiva para a ALCA / G. Oliveira // http://www.goassociados.com.br/FSP/2001/02_2001/030201.htm
213. Oliveira G. Vargas e Lula / G. Oliveira // <http://www.goassociados.com.br/FSP/2005/Agosto/200805.htm>
214. Prado C. Nacionalismo e capital estrangeiro / C. Prado // Revista Brasiliense. – 1955. – No 2. – P. 80 – 93.
215. Prado Junior C. A Revolução Brasileira / C. Prado Junior. – São Paulo, 1966.
216. Prado Junior C. Formação do Brasil Contemporâneo / C. Prado Junior. – São Paulo, 1969.
217. Prado Junior C. História e Desenvolvimento: a Contribuição da Historiografia para a Teoria e Prática do Desenvolvimento Brasileiro / C. Prado Junior. – São Paulo, 1989.
218. Ribeiro de Mendonça A.R. Regulamentação Bancária, Gestão de Riscos e Geração da Desordem Financeira / A.R. Ribeiro de Mendonça // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb>
219. Ricupero B. Celso Furtado e o pensamento social brasileiro / B. Ricupero // <http://www.artnet.com.br/gramsci/arquiv260.htm>
220. Ridenti M. Desenvolvimentismo: o retorno / M. Ridenti // <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1022>
221. Roque L. A turgência do aço e o mercantilismo de sempre / L. Roque // <http://www.mises.org.br/Article.aspx?id=305>
222. Roque L. Aflições cambiais / L. Roque // <http://www.mises.org.br/Article.aspx?id=419>
223. Roque L. Algumas considerações sobre capitalismo, livre mercado e bolsa de valores / L. Roque // <http://www.mises.org.br/Article.aspx?id=372>
224. Roque L. As falácias sobre o PIB brasileiro / L. Roque // <http://www.mises.org.br/Article.aspx?id=297>
225. Roque L. Repensando a liberalização das drogas / L. Roque // <http://www.mises.org.br/Article.aspx?id=440>
226. Roque L. Sobre a taxa de desemprego / L. Roque // <http://www.mises.org.br/Article.aspx?id=433>
227. Roque L. Tributação X Regulamentação – O que é pior? / L. Roque // <http://www.mises.org.br/Article.aspx?id=271>
228. Rothbard M.N. Power and Market. Government and the Economy / M. Rothbard. – Kansas City, 1977.
229. Salgado P. À Bandeira Nacional / P. Salgado // Diário de São Paulo, - 1973. – Novembro 25.

230. Salgado P. A Lei de Segurança Nacional / P. Salgado // A Offensiva! – 1935. – Janeiro 31.
231. Salgado P. A voz de oeste / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1934.
232. Salgado P. O dono do mundo / P. Salgado. – São Paulo, 1999.
233. Salgado P. O esperado / P. Salgado. – São Paulo, 1981.
234. Salgado P. O que é integralismo / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1933.
235. Salgado P. O sofrimento Universal / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1934.
236. Salgado P. Obras Completas / P. Salgado. – São Paulo, 1955.
237. Salgado P. Sentido e ritmo da nossa revolução / P. Salgado // <http://www.integralismorio.org/doutrina/arquivos/index.html>
238. Salgado P. Trepande / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1972.
239. Schwartzman S. A Filosofia do Subdesenvolvimento de Álvaro Vieira Pinto / S. Schwartzman // <http://www.schwartzman.org.br/simon/vieira.htm>
240. Schwartzman S. Bases do autoritarismo brasileiro / S. Schwartzman. – Rio de Janeiro, 1988.
241. Schwartzman S. Celso Furtado: subdesenvolvimento e estagnação na América Latina / S. Schwartzman // Revista Latino-Americana de Sociologia. – 1967. – No 1.
242. Schwartzman S. Desenvolvimento e abertura política / S. Schwartzman // Dados. – 1969. – No 5.
243. Schwartzman S. Desenvolvimento e Abertura Política / S. Schwartzman // <http://www.schwartzman.org.br/simon/abertura.htm>
244. Schwartzman S. Para um conceito sociológico de alienação política / S. Schwartzman // <http://www.schwartzman.org.br/simon/aliena.htm>
245. Schwartzman S. Regional Cleavages and Political Participation in Brazil. A dissertation presented to the Graduate Division of the University of California at Berkeley in partial fulfillment of the requirements for degree of doctor of philosophy 1973 / S. Schwartzman. – Berkeley, 1973.
246. Schwartzman S. Representação e cooptação política no Brasil / S. Schwartzman // Dados. – 1970. – No 7.
247. Schwartzman S. São Paulo e o estado nacional / S. Schwartzman. – São Paulo, 1975.
248. Sicsú J. Para Além das Políticas de Resgate / J. Sicsú // <http://www.ppge.ufrgs.br/akb>
249. Silveira M.R. A importância geoeconômica das estradas de ferro para o Brasil / M.R. Silveira. – São Paulo, 2003 (Tese do Doutorado em Geografia, Faculdade de Ciência e Tecnologia, Universidade Estadual Paulista)
250. Silveira M.R. Estradas de ferro do Brasil: das concessões as parcerias público privadas / M.R. Silveira // <http://www.conhecer.org.br/enciclop/2005/200515a.pdf>

251. Silveira M.R. O Governo Lula e o transporte ferroviário: o caso das parcerias público-privadas / M.R. Silveira // <http://www.conhecer.org.br/enciclop/2005/200527a.pdf>
252. Skidelsky R. John Maynard Keynes: in 3 Vols. / R. Skidelsky. – L., 1983, 1992, 2000.
253. Soto H. de, The Other Path. The Economic Answer to Terrorism / H. de Soto. – Basic Books, 1988.
254. Stewart M. Keynes and after / M. Stewart. – Harmondsworth, 1967.
255. Szmrecsányi T. Celso Furtado / T. Szmrecsányi // Estudos Avancados. – 2001. – Vol. 15. – No 43. – P. 347 – 362.
256. Szmrecsányi T. Celso Furtado e o início, da industrialização no Brasil / T. Szmrecsányi // Revista de Economia Política. – 2002. – Vol. 22. – No 2. – P. 3 – 14.
257. Szmrecsányi T. Retomando a questão do início da historiografia econômica no Brasil / T. Szmrecsányi // Nova Economia. – 2004. – Vol. 14. – No 1. – P. 11 – 37.
258. Szmrecsányi T. Sobre a formação da “Formação Econômica do Brasil” de C. Furtado / T. Szmrecsányi // Estudos Avancados. – 1999. – Vol. 13. – No 37. – P. 207 – 214.
259. Torres A. As fontes de vida no Brasil / A. Torres // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/fontes.html>
260. Torres A. O problema mundial / A. Torres // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/mundial.html>
261. Torres A. O problema nacional brasileiro / A. Torres // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/torresb.html#5>
262. Veloso F.A., Villela A., Giambiagi F. Determinantes do “milagre” econômico brasileiro (1968-1973): uma análise empírica / F.A. Veloso, A. Villela, F. Giambiagi // Revista Brasileira de Economia. – 2008. – Vol. 62. – No 2.
263. Weffort Fr. O populismo na política brasileira / Fr. Weffort. – Rio de Janeiro, 1980.
264. Werneck Sodré N. Formação histórica do Brasil / N. Werneck Sodré. – São Paulo, 1971.
265. Werneck Sodré N. Quem é o povo no Brasil / N. Werneck Sodré // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/povonobrasil.html>

Учебное издание

Кирчанов Максим Валерьевич

**Теории экономического и политического развития
Бразилии в XX – начале XXI века**

Учебное пособие

На русском языке
Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 25.02.2010 г.
Тираж 100

394000, г. Воронеж
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8, ауд. 105, 107
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02
